

ADMINISTRATĪVĀ UN KRIMINĀLĀ JUSTĪCIJA

OKTOBRIS
NOVEMBRIS /2018
DECEMBRIS

Nr. 4 (85)

Print ISSN 1407-2971
Online ISSN 2592-8422

Baltijas Starptautiskās
akadēmijas un Rēzeknes
Tehnoloģiju akadēmijas
zinātniski teorētisks žurnāls

Galvenais redaktors
Dr.iur. Dainis Mežulis

Redakcijas kolēģija
Dr.iur. Petrus C.van Duyne (Nīderlande)
Dr.habil.iur. Viktors Justickis (Lietuva)
Dr.iur. Larisa Beļajeva (Krievija)
Jur.zin.kand. Vladimirs Rudņevs (Krievija)
Dr.phil. Dilip K. Das (ASV)
Dr.iur. Risto Pullats (Igaunija)
Ph.D. Cveta Markova (Bulgārija)
Dr.iur. Vladimirs Žuravels (Ukraina)
Dr.iur. Sandra Kaija (Latvija)
Dr.iur. Ārija Meikališa (Latvija)
Dr.iur. Vitolds Zahars (Latvija)
Dr.habil.iur. Osvalds Joksts (Latvija)
Dr.iur. Aivars Endziņš (Latvija)
Dr.iur. Jānis Načičionis (Latvija)
Dr.iur. Jānis Baumanis (Latvija)
Dr.iur. Ivars Kronis (Latvija)
Dr.iur. Ilona Bulgakova (Latvija)
Dr.iur. Artūrs Gaveika (Latvija)
Dr.habil.phil. Ivans Vedins (Latvija)
Dr.philol. Jelena Bescennaja (Latvija)

Vāka autore Anita Dimante
Redkolēģijas sekretāre Jelena Bescennaja

**Baltijas Starptautiskās akadēmijas
un Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas
izdevums**

Reģ.apl. Nr.000702194

Mūsu adrese
Lomonosova iela 4, Rīga, Latvija, LV-1019
e-pasts: justicija@bsa.edu.lv
Tālr./fakss: 67100242

Izgatavots: SIA "Elektrokomfort R",
"Atdrukys studēja"
Kraista iela 31, Rēzekne

Visi raksti ir recenzēti atbilstoši Latvijas
Zinātnes padomes prasībām.
Rezencijas ir pieejamas žurnāla redakcijā.

SATURS

Krimināltiesību apakšnozare

M. Božko-Čače, L. Drozde
Tiesas tulks kriminālprocesā 4

J. Lomonovskis

Ievērojams citu interešu apdraudējums kā
būtiska kaitējuma kritērijs krimināltiesībās 23

H. A. Gonsales Kosta

Mediācija lietās par vardarbību ģimenē kā
konflikta ārpustiesas risinājuma veids Spānijā 40

P. Jerškova, M. Mirzahanova

Mediācijas teorētiskie un praktiskie aspekti
Kazahstānas Republikā 48

S.G. Maimesku

Ārvalstu kravu pārvadātāju juridiskās atbildības
problēmas Moldovas Republikā 64

Policijas tiesību apakšnozare

A. Matvejs

Policijas darbības principi policijas tiesībās 84

Civiltiesību apakšnozare

N. Novožilova

Apdrošināšanas tiesiskā regulējuma attīstība
Latvijā 93

Tiesību teorijas un vēstures apakšnozare

A. Baikovs

Juridiskās atbildības raksturs un īstenošanas
formas 115

Latvijas Zinātnes padomes lēmums Nr. 1-2-1
Rīgā, 2007.gada 23.janvārī

Latvijas Zinātnes padome, pamatojoties uz Latvijas Republikas „Zinātniskās darbības likumu” (19.05.2005.) un
„Latvijas Zinātnes padomes nolikumu” (LR MK Noteikumi Nr. 383, 09.05.2006.), nolemj iekļaut LZP Vispārtzīto
recenzējamo zinātnisko izdevumu sarakstā žurnāla „Administratīvā un Kriminālā Justīcija”, trīs sadaļas:
krimināltiesības, policijas tiesības, kriminālistika un operatīvās darbības teorija.

Latvijas Zinātnes padomes priekšsēdētājs akadēmiķis **J.Ekmanis**

Autoru viedoklis var nesakrist ar redakcijas kolēģijas viedokli. Par faktu pareizību atbild rakstu autori.

CONTENT

Department of Criminal Law

M. Božko-Čače, L. Drozde

Court interpreter in criminal proceedings..... 4

J. Lomonovskis

A significant threat to other interests as a criterion for substantial harm at criminal law 23

J. A. González-Costa

The mediation in the domestic violence as a way of non-judicial conflict resolution in Spain..... 40

P. Erchikova, M. Myrzakhanova

Theoretical and practical aspects of judicial reconciliation in Republic of Kazakhstan..... 48

S. G. Maimesku

The issues of attracting legal liability for foreigner transporters of assets, loadings, objects, passengers on crossing customs border of Republic of Moldova..... 64

Department of Police Law

A. Matvejevs

Principles of police action in Police law 84

Department of Civil Law

N. Novozhilova

Development of legal regulation of insurance in Latvia..... 93

Department of Theory and History of Law

A. Baikov

Nature and forms of realization of legal liability..... 115

СОДЕРЖАНИЕ

Отрасль уголовного права

М. Божко-Чаче, Л. Дрозде

Судебный переводчик в уголовном процессе..... 4

Ю. Ломоновскис

Значительная угроза другим интересам как критерий существенного
вреда в уголовном праве 23

Х. А. Гонсалес Коста

Медиация как внесудебная форма урегулирования конфликта
по делам о насилии в семье в Испании..... 40

П. Ершикова, М. Мырзаханова

Теоретические и практические аспекты медиации в Республике
Казахстан..... 48

С. Г. Маймеску

Проблемы привлечения к юридической ответственности
иностраных перевозчиков при незаконном перемещении через
таможенную границу Республики Молдова товаров, грузов,
предметов и пассажиров..... 64

Отрасль полицейского права

А. Матвеев

Принципы деятельности полиции в полицейском праве 84

Отрасль гражданского права

Н. Новожилова

Правовое обеспечение страховых договорных отношений в Латвии..... 93

Отрасль теории и истории права

А. Байков

Природа и формы реализации юридической ответственности..... 115

KRIMINĀLTIESĪBU APAKŠNOZARE

TIESAS TULKS KRIMINĀLPROCESĀ

*Mg. sc. ing. Margarita Božko-Čāče,
Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas
studiju programmas “Tiesību zinātne” 3. kursa studente,
Rēzeknes tiesas tulks, Latvija*

*Bc. philol. Lāsma Drozde,
Rēzeknes tiesas tulks, tulkošanas biroja “AURUMS” valdes
priekšsēdētāja, biedrības “Tulki un tulkotāji Latgalē” biedre,
Latvija*

Abstract

Court interpreter plays a specific and important role, which is often underestimated in criminal proceedings. One of human rights' aspects deals with ensuring a high-quality translation in order to make the procedure available for a person, who does not understand the proceedings language, ensure one's rights and administer justice.

The aim of the study is to find out the legal ground of court interpreter's activity in criminal proceedings, to reveal and analyse related issues. In the article, the authors reveal topical issues linked to legal regulation concerning court interpreters and offer solutions. Namely, to ensure efficiency of court interpreter's work, a judge should create as beneficial working conditions for an interpreter as possible, make breaks every 2 hours during court hearings, speakers (judges, prosecutors, lawyers, specialists, experts) should be trained in the field of public speech and how to work with an interpreter as well as court rooms should be ensured with modern interpreting equipment. In order to introduce single practice and deliver high-quality translations in Latvian courts, there is a need in development of training and certification system for court interpreters and a special normative act regulating the legal activity of court interpreters, what would be a good basis for elaboration of court interpreters' register.

Keywords: court interpreter, criminal proceedings, translation, quality, interpreter's competence.

Ievads

Tiesas tulkam ir specifiska un nozīmīga loma kriminālprocesā, jo viens no svarīgākajiem tiesas tulka uzdevumiem tiesas procesā ir radīt saziņu un piedalīties tiesību aizsardzībā. Tiesas tulka profesionālā funkcija tiesiskuma procesā ir līdzvērtīga tiesneša, advokāta, prokurora vai jebkuram cita tiesu sistēmas pārstāvja funkcijai. Bez kvalitatīva tulkojuma nav iespējama tiesību normu īstenošana¹.

Viens no cilvēktiesību aspektiem ir tulkojuma nodrošināšana, lai personai, kura nepārvalda tiesvedības valodu, tiesas procesu padarītu pieejamu, ievērotu personas tiesības un spriestu taisnīgu tiesu. Latvijas Republikas Satversmes 90. pantā ir noteikts, ka ikvienam ir tiesības zināt savas tiesības². Likuma “Par tiesu varu” 3. pants reglamentē personas tiesības uz tiesas aizsardzību un lietas izskatīšanu neatkarīgā un objektīvā tiesā³. Valsts valodas likuma 8. panta pirmā daļa nosaka, ka valsts institūcijās lietvedībā un dokumentos lietojama valsts valoda, un saskaņā ar šī likuma 14. pantu tiesvedība Latvijā notiek valsts valodā⁴. Lai ievērotu gan vietējo, gan starptautisko normatīvo aktu prasības, valstij ir jānodrošina tulka pakalpojumi personām, kuras nepārvalda tiesvedības valodu.

Kriminālprocesa likuma 11. pantā (turpmāk tekstā – KPL) ir nostiprināts princips, ka procesuālo darbību veikšanas laikā ikvienai personai ir tiesības lietot valodu, kuru šī persona prot, un bez atlīdzības izmantot tulka palīdzību⁵. Šī KPL principa neievērošanas gadījumā tiek pārkāptas kriminālprocesā iesaistīto personu KPL 15. pantā garantētās tiesības uz taisnīgu tiesu, kas, savukārt, ir pamats sprieduma atcelšanai.

Vairākās Eiropas Savienības dalībvalstīs ir izveidoti tiesu tulku reģistri, lai sakārtotu tulkošanas nozari. Šobrīd Latvijā tāda reģistra nav, un nav arī tulku sertifikācijas sistēmas, atbilstošas specializētas mācību programmas vai zvērināta tulka institūta, kā tas ir dažās citās ES dalībvalstīs, kur tulka statuss stingri reglamentēts, un tiesas tulki pirms uzsākt darbu tiek sagatavoti un eksaminēti.

Latvijā nav arī izstrādāts tiesas tulka darbu reglamentējošs normatīvais regulējums. Tiesas tulkam normatīvajos aktos paredzētos gadījumos kriminālprocesā būtu jānodrošina kvalitatīvs, savlaicīgs, precīzs, gramatiski un stilistiski pareizs mutisks un rakstisks tulkojums lietas dalībniekiem. Tiesas tulka kompetences

trūkums samazina tulkojuma kvalitāti un var liegt kriminālprocesā iesaistītajām personām pilnībā saprast tiesas sēdē notiekošo un pilnā apjomā īstenot savas tiesības un pienākumus.

Pētījuma mērķis ir tiesas tulka darbības tiesiskā pamata izpēte kriminālprocesā, problēmu atklāšana un analīze.

Pētījuma uzdevumi:

- 1) izpētīt tiesas tulka jēdzienu, nozīmi un darba specifiku;
- 2) noskaidrot normatīvos aktus, uz kuru pamata Latvijā darbojas tiesu tulki, un veikt to sistēmisku analīzi;
- 3) noskaidrot tulkojuma problemātiku kriminālprocesā un izteikt priekšlikumus.

Pētījuma objekts: pakalpojumi tulkošanas nozarē.

Pētījuma priekšmets: tiesas tulka darbs kriminālprocesā.

Pētījuma procesā izmantotās metodes: gramatiskā, semantiskā, analītiskā, sistēmiskā, salīdzinošā pētniecības metode.

Tiesas tulka jēdziens un darba specifika

Bieži vien cilvēki uztver tulku kā pašsaprotamu profesiju, tomēr tikai retais aizdomājas, kas īstenībā notiek tulkošanas laikā, un cik sarežģīts ir šis process. Kas patiesībā ir tulks?

No valodniecības viedokļa tulks ir speciālists, kurš mutiski tulko runu, savukārt tulkotājs ir speciālists, kurš tulko rakstisko tekstu. Tulkojumzinātnes eksperti uzskata, ka tulkam/tulkotājam ir jātulko virzienā uz savu dzimto valodu vai valodu, ko viņš pārvalda tikpat labi kā dzimto (jeb aktīvo valodu), lai varētu nodrošināt tulkojuma augstāko kvalitāti⁶.

Kriminālprocesa likumā ir noteiktas kriminālprocesa stadijas, kurās tulka piedalīšanās ir obligāta, un reglamentēts noteikts dokumentu saraksts, kas rakstiski jāiztulko personai, kurai ir tiesības uz aizstāvību, tai saprotamā valodā⁷. Likumā „Par tiesu varu” 104. pantā ir noteikts, ka likumā noteiktajos gadījumos tulks piedalās tiesas sēdēs, kā arī tulko tiesas dokumentus⁸. Tomēr šobrīd Latvijas normatīvajā regulējumā nav atrodama precīza tulka definīcija kriminālprocesa ietvaros, kā arī nav noteikts, kurš var vai drīkst pildīt tulka pienākumus un funkcijas, un kādas kompetences tam ir nepieciešamas. Spēku zaudējušajā Latvijas Kriminālprocesa kodeksa 135. pantā bija izskaidrots tulka jēdziens – „Tulks ir persona, kas prot tulkošanai nepieciešamās valodas un ko izziņas

iestāde, prokurors vai tiesa aicinājusi šā kodeksa 16. panta otrajā daļā paredzētajos gadījumos”⁹.

Citu valstu kriminālprocesu regulējošajos normatīvajos aktos tulka loma definēta. Piemēram, Krievijas Federācijas Kriminālprocesa kodeksa 59. pants definē tulka jēdzienu, tulka tiesības un atbildību, kā arī darbības, kuras tulkam ir aizliegts veikt. Saskaņā ar minēto kodeksu tulkam ir persona, kura brīvi pārvalda tulkojumam nepieciešamo valodu. Tulkam ir tiesīgs uzdot precizējošus jautājumus kriminālprocesa dalībniekiem, var iepazīties ar izmeklēšanas darbību, kurā viņš ir piedalījies, protokolu, kā arī ar tiesas sēdes protokolu un sniegt piezīmes, vai pieraksts sakarā ar tulkojumu ir veikts pareizi, iekļaut tās protokolā. Ir tiesības arī iesniegt sūdzības par procesa virzītāja darbībām vai bezdarbību, ja tās ierobežo tulka tiesības¹⁰.

Arī Lielbritānijā tiesas tulkiem ir izvirzītas vairākas prasības. Tulkam jāprot publiski uzstāties, jābūt emocionāli noturīgam, viņam jāpiemīt labām komunikācijas prasmēm. Tiesas tulkam ir nemiļīgi jāpildveido zināšanas, jāattīsta prasmes, pētot informācijas avotus un apgūstot jaunu terminoloģiju, kā arī jāuzlabo savas tulkošanas iemaņas¹¹.

Vācijā tiesas tulkam ir persona, kura ir atbilstoši apmācīta darbam oficiālās iestādēs un nodevusi zvērestu jeb ir zvērināts tulkam. Vācijā zvērinātiem tulkiem ir savs zīmogs, ar kuru tie apliecina savus rakstiskos tulkojumus¹². Vācijā tiesu tulkošana ir specializēts tulkošanas veids juridiskajā vidē. Juridiskā tulkošana tiek veikta policijas iecirkņos, advokātu birojos, juridiskajos birojos, tiesās. Tiesas tulka uzdevums ir nodrošināt klienta tiesības uz taisnīgu lietas izskatīšanu, palīdzot pārvarēt valodas barjeru, bet nav jāsniedz klientam faktisko izpratni par tiesas procesu¹³.

Amerikas Savienotajās Valstīs tiesas tulka kvalifikāciju piešķir un tiesas tulka darbu vada Administratīvā tiesu kanceleja. Tulkam ir jābūt plašām vispārīgajām zināšanām un atbilstoši izglītībai. Amerikas Savienoto Valstu tiesu nacionālais centrs organizē eksāmenus federālo tiesu spāņu valodas tulkiem un organizē stažēšanos tiesās. Tulkus iedala divos līmeņos. Ir pirmā līmeņa tiesas tulki un vecākie tiesas tulki, kuri veic sarežģītākus tulkošanas uzdevumus un apmāca, uzrauga pirmā līmeņa tiesas tulkus¹⁴.

Īrijā tiesas tulku kvalifikācija netiek pārbaudīta. Tikai dažiem tiesas tulkiem ir atbilstoša izglītība tulkošanas nozarē. Īrijā kopumā

ir četri tulku profesionālie līmeņi. Pirmajam un otrajam līmenim ir nepieciešama vidējā izglītība, šāds tulks tulko divās svešvalodās. Trešā līmeņa tulks var būt citas profesijas pārstāvis (inženieris vai arhitekts) ar augstāko izglītību attiecīgajā nozarē, kurš pārvalda divas svešvalodas. Un tikai ceturtā līmeņa tulks, kuram papildus trešā līmeņa prasībām ir nepieciešama arī augstākā izglītība tulkošanas nozarē, var strādāt tiesā¹⁵.

Latvijā tiesas tulka profesijas kods saskaņā ar klasifikatoru ir 2643 11. Tiesas tulka galvenais darba uzdevums ir izveidot saziņas procesu tiesas sēdē starp personām, kuras nepārvalda valsts valodu, un pārējiem procesa dalībniekiem, kā arī piedalīties tiesību nodrošināšanā¹⁶. Tulka kompetence ir būtisks tulkojuma kvalitātes elements. Tiesas tulkam ir jāuztur un jāpaaugstina sava lingvistiskā un tulkošanas kompetence, jābūt fiziski un psiholoģiski noturīgam¹⁷. Tulkojumzinātnē tiesu tulkošana tiek nodalīta gan kā atsevišķs tulkošanas paveids, gan ir iekļauta kontakttulkošanas jomā¹⁸. Tiesā var būt gan čuksttulkojums, gan secīgais, gan sinhronais tulkojums, atkarībā no konkrētās situācijas. Visbiežāk Latvijas tiesās tulki tulko sinhroni, sēžot nevis kabīnē, bet blakus personai, kurai nepieciešams tulkojums. No kognitīvā viedokļa sinhronā tulkošana ir pārsteidzoši sarežģīts uzdevums, jo nepārtraukti ieplūst jaunā runa, un tulkam to jāpaspēj izprast, izanalizēt un iztulkot gandrīz vienlaicīgi¹⁹. Savukārt secīgā tulkošana ir ilgāka un tās laikā zūd liekā informācijas procents, nekā sinhronās tulkošanas laikā²⁰. Šādu tulkošanas veidu tiesās parasti izmanto videokonferenču laikā.

Pamatojoties uz tiesas tulka darba līgumu un amata aprakstu, štata tiesas tulks veic mutiskus un rakstiskus tulkojumus no latviešu valodas uz krievu valodu un no krievu valodas uz latviešu valodu. Mutiskā tulkošana parasti ietver tiesas sēdes, bet rakstiskie tulkojumi – tiesas nolēmumus un citus tiesvedības dokumentus²¹.

Tulkojot rakstiski, tiesas tulks ar parakstu apliecina sava tulkojuma atbilstību avottekstam, uzņemoties atbildību par savu veikumu. Pretēji izplatītam viedoklim, rakstiskais tulkojums nebeidzas ar pēdējā vārda uzrakstīšanu, tālāk seko tulkojuma salīdzināšana ar avottekstu, rediģēšana un kļūdu labošana²². Tulkam jā rūpējas arī par dažādu avotteksta īpatnību atspoguļošanu, jātulko arī lamuvārdi, draudi, kas nereti ir diezgan sarežģīti. Rakstiskā tulkojumā nav pieļaujami savi papildinājumi, bet, ja rodas nepieciešamība kaut ko paskaidrot, lai tulkojums būtu precīzs, to jāatzīmē ar tulka piezīmi.

Arī mutiskā tulkojumā tulks nedrīkst papildināt runas saturu vai kaut ko patvaļīgi skaidrot²³. Ja tulkojumā pieļauta kāda kļūda, to noteikti jāizlabo tā, lai visiem būtu skaidrs, ka tā ir bijusi tulkojuma kļūda. Tiesas tulkam jācenšas maksimāli saglabāt runātāja toni un noskaņu, emocionālos stāvokļus²⁴. Neskaidrību gadījumā pašam klausītājam jāpārjautā un jānoskaidro neskaidrie aspekti. Sakarā ar valodu atšķirībām nevar vienmēr garantēt pilnīgi precīzu tulkojumu un absolūtu tulkojuma atbilstību avottekstam, tāpēc tiesai vienmēr jāievēro tulkošanas procesa īpatnības un tam jāpiemērojas. Absolūta sakritība ir iespējama tikai ļoti vienkāršos tekstos²⁵.

Tiesu tulkošanā īpaši svarīgi ievērot ētikas principus un konfidencialitāti, ņemot vērā darba specifiku. Tulkam tiesā ir jābūt maksimāli objektīvam un neitrālam, neizrādot nekādas personīgās emocijas vai attieksmi pret iesaistītajām pusēm, citādi ieinteresētā puse var norādīt, ka tulka attieksme ietekmē tiesnesi vai tiesas gaitu. Neitrālas attieksmes saglabāšana nereti prasa ievērojamus emocionālos resursus²⁶.

Ja tulks neievēro neitralitāti, tam var būt daudz nozīmīgākas sekas, nekā citiem tiesas darbiniekiem.

Personas tiesības uz kvalitatīvu tulkojumu Latvijas tiesās

Personas tiesības uz tulkojumu ir reglamentētas gan starptautiskos tiesību aktos, gan Latvijas nacionālajos tiesību aktos. ANO Vispārējās cilvēktiesību deklarācijas 10. pants nosaka, ka katram cilvēkam viņa tiesību un pienākumu noskaidrošanai, kā arī lai noteiktu viņam izvirzītas kriminālās apsūdzības pamatotību ir tiesības, sakarā ar personu vienlīdzību likuma un tiesas priekšā, lūgt, lai personas neatkarīgā un objektīva tiesa lietu iztiesātu atklāti, ievērojot visas taisnīguma prasības²⁷. Saskaņā ar Eiropas Cilvēktiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencijas 6. panta 3. punkta a) apakšpunktu persona, kurai ir tiesības uz aizstāvību, tiek detalizēti informēta viņam saprotamā valodā par viņam izvirzītās apsūdzības raksturu un iemeslu, ka arī e) apakšpunktā ir noteiktas ikviens, kas tiek apsūdzēts noziegumā, tiesības uz bezmaksas tulka pakalpojumiem, ja viņš neprot tiesā lietoto valodu vai nerunā tajā²⁸. Eiropas Savienības pamattiesību hartas 21. panta pirmais punkts nosaka diskriminācijas aizliegumu²⁹. Eiropas Parlamenta un Padomes direktīva 2012/13/ES par tiesībām uz informāciju

kriminālprocesā³⁰ (turpmāk – Direktīva) nosaka ikviena tiesības uz informāciju kriminālprocesā, tās 3. un 4. pants nosaka tiesības saņemt informāciju par tiesībām un rakstveida paziņojumu par tiesībām, savukārt 4., 5., un 6. pants nosaka tiesības saņemt informāciju par apsūdzību un brīvības ierobežošanas iemesliem, 7. pants – tiesības piekļūt lietas materiāliem.

Eiropas Parlamenta un Padomes direktīvas 2010/64/ES par tiesībām uz mutisko un rakstisko tulkojumu kriminālprocesā³¹ 2. pants nosaka aizdomās turētajām, apsūdzētajām personām, kuras nepārvalda un nesaprot kriminālprocesā lietoto valodu, tiesības uz mutisku tulkojumu visā kriminālprocesa izmeklēšanas stadijā un tiesu iestādēs, policijas nopratināšanā, visās tiesas sēdēs, ka arī saziņai ar advokātu. Personai ir tiesības uz būtisko dokumentu rakstisko tulkojumu izmeklēšanas un tiesu iestādēs. Saskaņā ar 3. pantu par būtisko dokumentu tiek atzīts jebkurš lēmums par brīvības atņemšanu, jebkura apsūdzība vai apsūdzības raksts un jebkurš spriedums. Direktīvas 2010/64/ES 5. pantā reglamentēta mutiskā un rakstiskā tulkojuma kvalitāte un tā efektīvā pieejamība.

Likuma “Par tiesu varu” 21. pants un KPL nosaka, ka tiesvedība Latvijas Republikā notiek valsts valodā. Personai, kura piedalās lietā, bet nepārvalda tiesvedības valodu, tiesa nodrošina tiesības iepazīties ar lietas materiāliem un piedalīties tiesas darbībā ar tulka palīdzību, kā arī tiesības uzstāties tiesā tajā valodā, kuru šī persona pārvalda³².

Saskaņā ar KPL 11. panta otro daļu “Personai, kurai ir tiesības uz aizstāvību, cietušajam un viņa pārstāvim, lieciniekam, speciālistam, ekspertam, revidentam, kā arī citām personām, kuras procesa virzītājs iesaistījis kriminālprocesā, ja tās neprot valsts valodu, procesuālo darbību veikšanas laikā ir tiesības lietot valodu, kuru šīs personas prot, un bez atlīdzības izmantot tulka palīdzību, kura piedalīšanos nodrošina procesa virzītājs. Pirmstiesas procesā izmeklēšanas tiesnesim vai tiesai piekritīgu jautājumu izlemšanā tulka piedalīšanos nodrošina izmeklēšanas tiesnesis vai tiesa”. Personai, kurai ir tiesības uz aizstāvību, ja tā nepārvalda valsts valodu tikšanās laikā ar aizstāvi, ir tiesības bez atlīdzības izmantot tulka palīdzību, kura piedalīšanos nodrošina procesa virzītājs, lai sagatavotos pratināšanai pirmstiesas procesā vai iztiesāšanai tiesas sēdē; lai sagatavotu rakstveida sūdzību par kriminālprocesu veicošās amatpersonas rīcību vai nolēmumu un procesuālā piespiedu līdzekļa piemērošanu, grozīšanu vai atcelšanu; lai sagatavotu dokumentu, kas nepieciešams

lietas iztiesāšanai rakstveida procesā; lai sagatavotu apelācijas vai kasācijas sūdzību³³. Saskaņā ar noteikumiem par „Kārtību, kādā persona, kurai ir tiesības uz aizstāvību, tikšanās laikā ar aizstāvi tiek nodrošināta tulka palīdzība”³⁴ tikšanās laikā ar aizstāvi ir noteikts tulka pakalpojumu laika ierobežojums – 2 stundas vienai procesuālai darbībai. Šo noteikumu 6. punkts paredz, ka izdevumus par tulku sedz valsts, taču katrai no 5. punktā noteiktajām procesuālām darbībām tiek paredzētas ne vairāk kā divas stundas, un tas var būt nepietiekoši.

Latvijas KPL 114. panta otrajā daļā noteikts, ka izmeklēšanas iestāžu, prokuratūras, tiesas un brīvības atņemšanas iestāžu tulki nodrošina personu tiesības lietot valodu, kuru tā prot. Procesa virzītājs var uzdot tulka pienākumu veikšanu citai personai, kura prot attiecīgo valodu. Savukārt, šī panta trešajā daļā reglamentēta tulka uzaicināšana un informēšana par tulka tiesībām un pienākumiem, kā arī uzaicinātā tulka brīdināšana par atbildību par nepatiesu tulkošanu un atteikšanos tulkot. Valsts iestāžu štata tulkus netiek informēti par tiesībām, pienākumiem, jo štata tulkus, uzsākot amata pienākumu pildīšanu, savu atbildību ir apliecinājis ar parakstu, parakstot darba līgumu. KPL 274. panta septītā daļa noteic, ka aizdomās turētajam vai apsūdzētajam, kurš neprot valodu, kurā uzrakstīts lēmums par drošības līdzekļa – apcietinājuma piemērošanu vai par atteikumu apcietinājuma piemērošanai, tiesa bez novilcināšanas nodrošina pilna lēmuma rakstveida tulkojumu viņam saprotamā valodā. KPL 321.¹ panta otrā daļa reglamentē cietušā iespēju iepazīties ar nolēmumu, izmantojot tulka palīdzību. Šī panta trešajā un ceturtajā daļā noteikts, ka apsūdzētajam tiesa nodrošina nolēmuma rakstveida tulkojumu viņam saprotamā valodā bez novilcināšanas. Rakstveida tulkojumu nenodrošina, ja:

- 1) notiesājošs spriedums taisīts lietā, kura pirmās instances tiesā izskatīta, neizdarot pierādījumu pārbaudi;
- 2) notiesājošs spriedums taisīts cietušā un apsūdzētā izlīguma gadījumā;
- 3) notiesājošs spriedums taisīts vienošanās procesā;
- 4) tiek taisīts kasācijas instances tiesas lēmums;
- 5) tiek taisīts saīsinātais spriedums, bet nodrošina iespēju iepazīties ar nolēmumu, izmantojot tulka palīdzību. KPL 406. panta astotajā nodaļā noteikta lēmuma (apsūdzības) par personas saukšanu pie kriminālatbildības rakstveida tulkojuma

nodrošināšana līdz pirmstiesas kriminālprocesa pabeigšanai. Saskaņā ar KPL 427. panta piekto daļu rakstiski tulkojumi tiek nodrošināti lēmumam par krimināllietas nodošanu tiesai neatliekamības kārtībā, kā arī Eiropas apcietinājuma lēmumam – saskaņā ar KPL 715. panta pirmo daļu. KPL 412. panta septītā daļa noteic, ka apsūdzētajam, iepazīstoties ar saņemto krimināllietu materiālu kopijām, ir tiesības izmantot tulka palīdzību bez maksas. Saskaņā ar KPL 413. panta ceturto daļu apsūdzētajam, kurš neprot valsts valodu, kurā uzrakstīts lēmums par krimināllietas nodošanu tiesai, prokurors nodrošina lēmuma tulkojumu viņam saprotamā valodā. KPL 491. panta 2. punkts nosaka, ka tiesnesis, sagatavojot lietu iztiesāšanai tiesas sēdē, lemj par tulka uzaicināšanu³⁵.

Krimināllikuma 300. pantā ir noteikta tulka atbildība par apzināti nepatiesu liecību, atzinuma, tulkojuma, paskaidrojuma un pieteikuma sniegšanu pirmstiesas kriminālprocesā, tiesā, notāram vai tiesu izpildītājam. Krimināllikuma 302. panta otrā daļa reglamentē tulka atbildību par nepamatotu atteikšanos pirmstiesas izmeklēšanas iestādē, prokuratūrā vai tiesā pildīt viņam uzdotos pienākumus (tulkošanu)³⁶.

Apcietinājumā turēšanas kārtības likuma 12. pantā ir noteikts, ka aizdomās turēto personu nekavējoties jāiepazīstina ar apcietinātā tiesībām un pienākumiem viņam saprotamā valodā³⁷.

Latvijas Sodū izpildes kodeksa 4. pants reglamentē kriminālsoda izpildes pamatu un pamatprincipus, ieskaitot notiesāto diskriminācijas nepieļaujamību atkarībā no rases, tautības, valodas, dzimuma, sociālā un mantiskā stāvokļa, politiskajiem uzskatiem, reliģiskās pārliecības un citiem kritērijiem³⁸.

Tiesas tulka darbības problemātika kriminālprocesā

Kvalitatīvs, pareizs, patiess un maksimāli precīzs tulkojums rada lietas dalībniekiem iespēju saprast tiesas sēdē notiekošo un pilnā apjomā īstenot savus pienākumus un tiesības. Savukārt, lai tiesas tulks varētu veiksmīgi pildīt savus darba pienākumus, viņam ir jārada labvēlīgi darba apstākļi. Ikdienā tiesas tulks saskaras ar virkni sarežģītumu.

Kvalitatīvs tulkojums tiesas sēdē ir atkarīgs ne tikai no tiesas tulka kompetences, bet arī no daudziem citiem faktoriem, kuri ir ārpus tulka kontroles, tomēr var tiešā veidā ietekmēt šo procesu. Viens

no šādiem faktoriem ir runātāja runas kultūra. Kriminālprocesā iesaistīto personu runas temps, dikcija, nepareiza teikumu struktūra, runāšana klusā balsī var radīt virkni grūtību, ar kurām tulkam acumirkļi ir jātiek galā. Tulkam, gluži kā pārējiem klausītājiem, nav izvēles un ir jāpielāgojas tādiem faktoriem kā runātāja dikcija un gramatika. Tomēr bieži gadās tā, ka lietas dalībnieki nerespektē tulka klātbūtni lietā un nekontrolē savu runas tempu vai runā pieklusinātā balsī. Viņi neaizdomājas, ka persona, kurai pieaicināts tulks, nevar notiekošo saprast, jo tulks nevar paspēt iztulkot vai sadzirdēt runu, turklāt ir liela iespējamība pārprast teikto informāciju. Šādās situācijās tulkam ir jāinformē tiesnesis par to, ka nav iespējams veikt pilnvērtīgu tulkojumu, jo tiesas procesu vada tiesnesis un tieši viņam ir jāseko, lai tiktu nodrošinātas visu iesaistīto pušu tiesības. Tiesnesim būtu jābūt izpratnei par tulka darbu un būtu jā rūpējas, lai pārējie kriminālprocesa dalībnieki ar cieņu un sapratni izturētos pret tulka darbu. Veiksmīga sadarbība ar tiesnesi, prokuroru, advokātiem un citiem procesa dalībniekiem ir būtisks priekšnoteikums tiesas tulka darba pienākumu efektīvai izpildei.

Svarīgs priekšnoteikums efektīvai tiesas tulka darba pienākumu izpildei un tulkojuma kvalitātei ir runātāju (tiesnešu, prokuroru, advokātu, speciālistu, ekspertu) izglītošana publiskās runas jomā.

Tiesas tulkam, gluži kā jebkuram citam tulkam, pirms tiesas sēdes ir nepieciešams sagatavoties un iepazīties ar lietas materiāliem. Dažu tiesu darbiniekiem tas rada neizpratni, jo valda uzskats, ka tulkam viss tāpat ir zināms, un viņam jāprot iztulkot jebkuru informāciju. Bet tas ir maldīgs uzskats, jo tulks nevar būt eksperts visās krimināltiesiskajām attiecībām atbilstošajās dzīves jomās, piemēram, medicīnā, autobūvē, nodokļu un grāmatvedības jautājumos.

Kriminālprocesā tiesas tulkam maksimāli ātri jāorientējas situācijā, jāprognozē un jāanticipē lietas gaita, jāpārzina noteiktu kriminālprocesā iesaistīto dalībnieku uzvedības īpatnības, ātri jāpielāgojas viņu uzstāšanās manierei, runas tempam, dikcijai, izglītības līmenim un uztveršanas spējām. Tulkošanas process prasa no tulka ne tikai valodu, terminoloģijas zināšanas un profesionālās prasmes augstākajā līmenī, bet arī lielu psihoemocionālu piepūli.

Tulks, pildot darba pienākumus, ik sekundi maksimāli koncentrējas un nedrīkst aizdomāties, ne mirkli novērsties no avoteksta, lai pilnībā nodotu klausītājam izteikto domu. Ilgstošas nepārtrauktas tulkošanas laikā, kad ir vairāki runātāji (tiesnesis,

prokurors, advokāts, cietušie, liecinieki, apsūdzētie), tulks fiziski nogurst, viņam zūd koncentrēšanas spējas un rezultātā samazinās tulkojuma kvalitāte. Šādā situācijā tulks ir tiesīgs lūgt pārtraukumu³⁹.

Latvijas tiesās patreiz vienai tiesas sēdei netiek izmantoti vairāki tulki, kuri mainās, kā tas notiek sinhronās tulkošanas ietvaros. Tādēļ tiesas tulkiem koncentrēšanas spēju paaugstināšanai ik pēc 1-2 stundu tulkošanas būtu vēlams vismaz 10-15 minūšu pārtraukums.

Mutiskās tulkošanas procesu apgrūtina arī situācijas, kad tiesas sēdē tulkojums ir nepieciešams vairākām personām, piemēram, ir bijuši gadījumi, kad vienam tulkam jātulko līdz pat 15 personām, kā arī šo personu izvietojums tiesas zālē. Apcietinātās personas atrodas uz īpaša norobežota sola, bet citi lietas dalībnieki sēž pirmajā rindā zālē. Rezultātā tulkam ir jātulko skaļākā balsī, traucējot citiem lietas dalībniekiem un apgrūtinot jaunā teksta uztveri arī pašam tulkam.

Tādēļ, vienlaicīgi tulkojot 4 cilvēkiem un vairāk, tiesas tulkam ir ieteicams iepriekš apspriest ar tiesnesi tulkošanas procesu. Viens no risinājumiem varētu būt otra tulka pieaicināšana, bet ideālā gadījumā, protams, būtu vēlams vienu zāli tiesas ēkā aprīkot ar tulkošanas kabīni un audio austiņām, lai netraucētu pārējiem lietas dalībniekiem, sekmētu ātrāku lietas izskatīšanu un tulkojuma kvalitāti.

Būtisks faktors, kas ietekmē tulkojuma kvalitāti, ir dubulttulkojums. Iztiesājot krimināllietu ar pierādījumu pārbaudi, tiesas sēdē tiesnesis nolasa liecības valsts valodā, kas nozīmē, ka gadījumā, ja pirmstiesas procesā liecības tika sniegtas, piemēram, krievu valodā, tiek nolasīts šo liecību tulkojums. Ja šis tulkojums ir veikts nekvalitatīvi vai kļūdaini, pārprotot kāda vārda nozīmi, tas apgrūtina tiesas tulka darbu un var ietekmēt veicamā tulkojuma saturu.

Saskaņā ar Krimināllikuma 114. panta otro daļu procesa virzītājs var uzdot tulka pienākuma veikšanu citai personai, kura prot attiecīgo valodu. Tulka darbam ir sava specifika, un tulka pienākumu veikšanai, pieaicinot personu, kurai nav atbilstoša līmeņa lingvistisko un juridiskās terminoloģijas zināšanu, kā arī nav pieredzes tulkošanas jomā, vienmēr pastāv risks, ka šī persona kompetences trūkuma dēļ nespēs nodrošināt patiesu, precīzu un kvalitatīvu tulkojumu, kas var ietekmēt arī turpmāko kriminālprocesa norisi. Laba valodu zināšana vēl nenozīmē, ka cilvēks spēj atbilstošā līmenī veikt tulka pienākumus, un tāpēc šāda persona tulkošanai tiesībsargājošajās iestādēs būtu jāizmanto tikai ārkārtas gadījumos. Lai novērstu tulkojuma radītus

pārpratumus, procesuālo darbību veikšanai kriminālprocesa ietvaros ir jāpiesaista tikai kvalificēti tulki.

Moderno tehnoloģiju ieviešana lielā mērā atvieglo tiesas procesu, tomēr tulka darbam tās rada jaunus izaicinājumus. Šobrīd daudzas lietas tiek skatītas, izmantojot videokonferenču aprīkojumu. Ir vairākas nozīmīgas atšķirības krimināllietas izskatīšanai, visiem dalībniekiem esot klātienē, no izskatīšanas videokonferences režīmā. Pirmkārt, lai nodrošinātu dzirdamību visiem procesa dalībniekiem un lietas dalībnieku teiktais nepārklātos ar tulkojumu, tiek izmantota secīgā, nevis sinhronā tulkošana. Tulkojot secīgi, ir lielāka noslodze tulka atmiņai un ir jāveic piezīmes, jo ir gandrīz neiespējami iegaumēt lielu teksta apjomu, kuru turklāt ir jātulko citā valodā. Rezultātā, kā jau iepriekš minēts, tas aizņem ilgāku laiku un zūd lielāka daļa informācijas, nekā tulkojot sinhroni. Turklāt daudziem tulkiem, kuri tiesās gadiem ilgi ir tulkojuši tikai sinhroni, pieredzes trūkuma dēļ ir ļoti sarežģīti piemēroties jaunajai situācijai. Otrkārt, kvalitatīvā tulkojumā videokonferences režīmā liela loma ir procesa virzītājam, kuram ir jāpārtrauga tulkojuma norise un jāatgādina lietas dalībniekiem par nepieciešamību ik pēc laika ieturēt pauzi tulkojuma veikšanai.

Labākai tulkojuma norisei, ja lieta tiek skatīta ar pierādījumu pārbaudi videokonferences režīmā, tulkam jāatrodas blakus personai, kurai ir nepieciešams tulkojums. Tas ne tikai atvieglo tulka darbu, bet arī rada iespēju personai, kura nepārvalda valsts valodu, vieglāk uztvert tulkojumu, un netraucē pārējiem lietas dalībniekiem, kuriem tulkojums nav nepieciešams.

Saskaņā ar Kriminālprocesa likuma 483. pantu tiesas sēdes gaita tiek fiksēta audioierakstā. Kopš 2014. gada Latvijas tiesās ir iespēja ne tikai ierakstīt tiesas sēdes norises gaitu, bet arī pārliedzināties, vai tiesas tulks ir atbilstoši tulkojis. Tā kā saskaņā ar Krimināllikuma 300. pantu par apzināti nepatiesu tulkojumu tulku var saukt pie kriminālatbildības, šaubu gadījumā tiesas sēdes audioieraksts var būt pierādījums tulkojuma patiesuma pārbaudei, tas arī rada tulkam lielāku atbildību. Ir gadījumi, kad lietas dalībnieki cenšas apzināti novilcināt lietas izskatīšanu vai panākt sprieduma atcelšanu, motivējot ar to, ka tulkojums bijis nekvalitatīvs, un lietas dalībnieks nav varējis pilnībā īstenot savas tiesības. Tomēr pastāv arī iespēja, ka tulkojums nav bijis pietiekami skaidrs. Situācija, kurā tiek apšaubīta tulka kompetence, var būt diezgan sarežģīta, un tās izlemšanai

procesa virzītājam būtu jāpiesaista atbilstošas nozares speciālists, lai pārliecinātos par tulkojuma patiesumu un kvalitāti.

Pašlaik Latvijā nav ne tulku sertifikācijas sistēmas, ne atbilstošas specializētas mācību programmas, nedz zvērināta tulka institūta, kā tas ir dažās Eiropas Savienības valstīs, kur tulka statuss ir stingri reglamentēts, un tiesas tulki tiek sagatavoti un eksaminēti pirms darba uzsākšanas. Vairākās ES dalībvalstīs ir izveidoti tiesu tulku reģistri. Reģistru galvenā funkcija ir apkopot aktuālo informāciju par strādājošajiem tulkiem, lai atvieglotu administratīvo darbu kvalificētu tulku atrašanai un piesaistīšanai, jo nav iespējams izveidot amata vietas visu nepieciešamo valodu tulkiem. Sertificētu tulku/tulkotāju reģistri, tieslietu ministriju datubāzes vai zvērināto tulku saraksti ir izveidoti Lielbritānijā, Austrijā, Čehijā, Igaunijā, Rumānijā, Slovākijā, Slovēnijā, Polijā, Francijā, Vācijā, Beļģijā. Citās Eiropas Savienības dalībvalstīs, proti, Nīderlandē, Zviedrijā, Dānijā, Kiprā, Bulgārijā, Itālijā, Īrijā, Grieķijā, Luksemburgā, Somijā reģistrus aizvieto valstī strādājošo tulku/tulkotāju saraksti. Ne reģistru, ne to alternatīvas nav Latvijā, Lietuvā, Portugālē, Spānijā un Horvātijā⁴⁰.

Šāda reģistra izveidei būtu jābūt arī Latvijas tiesu tulkošanas nozares ilgtermiņa mērķim, reģistrā tiktu ietverti sertificēti tulki ar tiesībām sniegt tulkošanas pakalpojumus tiesībsargājošo iestāžu vajadzībām. Savukārt pirms šāda reģistra izveides ir jāizstrādā tulku sertificēšanas sistēma, jāveido atbilstošas mācību programmas, lai tulki, kuri uzsāk darbu tiesā vai citā tiesībsargājošā iestādē, varētu iepazīties ar šāda tulka darba specifiku un iegūtu amatam nepieciešamās zināšanas. Pēc apmācībām tulkiem ir jāparedz stažēšanās vai prakse no 3 līdz 6 mēnešiem un sertifikācijas eksāmens. Šāds risinājums uzlabotu tulkošanas kvalitāti visās valsts tiesībsargājošajās iestādēs, kā arī sakārtotu tiesu tulkošanas nozari.

Līdztekus tam, ka Latvijā nav izveidots tiesas tulku reģistrs, nav arī izstrādāts tiesas tulka darba tiesā normatīvais regulējums, tomēr amata aprakstā ir noteikti tiesas tulka galvenie darba pienākumi, tiesības, nepieciešamā izglītība un darba pieredze. Parakstot darba līgumu, tiesas tulks vienlaikus parakstās arī par konfidencialas informācijas neizpaušanu un atbildību saskaņā ar Krimināllikuma 300. un 302. pantu⁴¹.

Pagājušā gadsimta 90. gadu sākumā, formējoties tiesas tulka amatam, katram tiesas tulkam bija sava izpratne par tiesas tulka pienākumu pildīšanu un profesija attīstījās pašplūsmā. Latvijā

arī šobrīd nav specializētas tiesas tulka izglītības un tulkotājus augstskolās tik šaurā nozarē neapmāca. Pieredzējušākie kolēģi apmāca jaunpieņacējus. Šobrīd vienīgais izglītojošais līdzeklis, kurā īsi un kodolīgi ir aprakstīts tiesas tulka darbs ir A. Kasakovskas, L. Drozdes, J. Černenko, R. Puņņa „Rokasgrāmata tiesas tulkiem”. Tajā atspoguļotas vadlīnijas tiesas tulka darbam tiesā. Tā kā nav vienota regulējuma, tulku uzskati par kvalitatīvu mutisko un rakstisko tulkojumu būtiski atšķiras. Daudziem tulkiem nav precīzas izpratnes par to, vai viņi pareizi dara savu darbu, it īpaši tiesās, kur ir tikai viens tulks, citi turpretim ir pārliecināti, ka tieši viņu sniegums ir vispareizākais. Nav vienota standarta mutiskās tulkošanas nosacījumiem, rakstiskā tulkojuma noformēšanai, tulkošanas termiņiem, kā arī tulka ētika paliek katra paša ziņā.

Nenoliedzami tiesas tulka darbību reglamentējošs dokuments normatīvi nostiprinātu un atvieglotu tiesas tulka darbu, uzlabojot tiesas tulku snieguma kvalitāti un ieviešot lielāku skaidrību par amata tiesību un pienākumu robežām. Vienotā Latvijas tiesas tulka darba normatīvajā regulējumā ir ietveramas šādas sadaļas:

- 1) tiesas tulka jēdziens, pienākumi, tiesības, atbildība, atbilstība amatam;
- 2) tiesas tulka profesionālās ētikas principi un konfidencialitāte;
- 3) mutiskās tulkošanas kārtība tiesas sēdē, personu, kurām jānodrošina tulkojums, saraksts;
- 4) rakstiskās tulkošanas kārtība, termiņi, rakstiskā tulkojuma noformēšanas prasības, obligāti tulkojamo dokumentu saraksts;
- 5) tulkojuma minimālās kvalitātes noteikšanas kritēriji un sūdzību par tulkojuma kvalitāti izskatīšanas kārtība;
- 6) tiesas tulka procesuālā aizsardzība.

Normatīvais akts, kurš noteiktu tiesas tulka darbības tiesisko regulējumu, varētu būt saskaņā ar KPL izdoti Ministru kabineta noteikumi „Kārtība, kādā tiesas tulks veic mutisko un rakstisko tulkojumu tiesās” vai arī tie varētu būt noteikumi „Par tiesas tulka darbību”.

Secinājumi un priekšlikumi

1. Kvalitatīvs tulkojums rada klausītājam iespēju saprast tiesas sēdē notiekošo, savukārt, lai tulkojums būtu kvalitatīvs, tiesas tulkam ir jāuztur un jāpaaugstina sava lingvistiskā un tulkošanas kompetence, patstāvīgi jāizglītojas, jāapgūst jauna terminoloģija, jāseko līdzi valodas un tehnoloģiju attīstībai, jāapmeklē kvalifikācijas paaugstināšanas kursi, ka arī jāsadarbojas ar tiesnešiem, lietas dalībniekiem un atbilstošu nozaru specialistiem.
2. Tulkojuma kvalitāti ietekmē arī vairāki ārēji faktori, kurus tulks ne vienmēr var novērst, piemēram, runātāju runas kultūra, izglītības līmenis, dažkārt neiespējamība iepriekš iepazīties ar procesa būtību. Tiesas tulkam ir jāspēj ātri orientēties situācijā un pielāgoties tai, jāprognozē un jāanticipē lietas gaita, jāpārzina atsevišķu kriminālprocesā iesaistīto dalībnieku uzvedības īpatnības, tas prasa lielu psihoemocionālo koncentrēšanos.
3. Ja mutiskais tulkojums nepieciešams vienlaicīgi 4 cilvēkiem vai vairāk, tiesas tulkam ir ieteicams iepriekš apspriest ar tiesnesi tulkošanas procesu. Viens no risinājumiem varētu būt otra tulka pieaicināšana, bet ideālā gadījumā, protams, būtu vēlams tiesas zāli aprīkot ar tulkošanas aparatūru, lai netraucētu pārējiem lietas dalībniekiem, sekmētu ātrāku lietas izskatīšanu un tulkojuma kvalitāti.
4. Tulks, pildot darba pienākumus, katru mirkli pilnībā koncentrējas un nedrīkst aizdomāties vai novērsties no runātā teksta, lai pilnīgi atspoguļotu izteikto domu. Ilgstošas nepārtrauktas tulkošanas laikā tulks nogurst, zūd koncentrēšanas spējas, un rezultātā samazinās tulkojuma kvalitāte, tādēļ ik pēc 1-2 stundām ir nepieciešams 10-15 minūšu pārtraukums.
5. Tulka darbam ir sava specifika, un tulka pienākumu veikšanai, pieaicinot citu personu, kurai nav atbilstoša līmeņa lingvistisko un juridiskās terminoloģijas zināšanu, kā arī nav pieredzes tulkošanas jomā, vienmēr pastāv risks, ka šī persona nespēs kvalitatīvi tulkot, un tas var ietekmēt arī turpmāku kriminālprocesa norisi. Pārpratumu saistībā ar tulkojumu novēršanai kriminālprocesuālo darbību ietvaros būtu jāpiesaista tikai kvalificēti tulki.
6. Šobrīd daudzas lietas tiesā skata, izmantojot videokonferenču aprīkojumu. Šāds process atšķiras no krimināllietas izskatīšanas, visiem dalībniekiem esot klātienē. Apjomīgās lietās

videokonferences režīmā tulkam jābūt blakus personai, kurai ir nepieciešams tulkojums.

7. Latvijā nav ieviesta specializēta tiesu tulku apmācība, nav izveidota arī tulku sertifikācijas sistēma, tā rezultātā nav iespējams garantēt tulkojuma kvalitāti. Ir nepieciešama atbilstošas mācību programmas izveide, lai jaunie darbinieki varētu iepazīties ar šādu tulka darba specifiku un iegūtu amatam nepieciešamās zināšanas. Pēc apmācībām būtu jānosaka stažēšanās vai prakse no 3 līdz 6 mēnešiem un sertifikācijas eksāmens. Ilgtermiņā būtu jāizveido arī reģistrs, kurā ietvertu tulkus ar tiesībām sniegt pakalpojumus tiesībsargājošajām iestādēm.
8. Latvijā nav tiesas tulka profesionālo darbību regulējoša normatīvā akta. Būtu nepieciešams ieviest tiesas tulka darbu regulējošus noteikumus, piemēram, noteikumus „Kārtība, kādā tiesas tulks veic mutisko un rakstisko tulkojumu tiesās” vai arī noteikumus „Par tiesas tulka darbību”.
9. Iepriekš minētajos MK noteikumos būtu ietveramas šādas sadaļas:
 - 1) tiesas tulka jēdziens, pienākumi, tiesības, atbildība, atbilstība amatam;
 - 2) tiesas tulka profesionālās ētikas principi un konfidencialitāte;
 - 3) mutiskās tulkošanas kārtība tiesas sēdē, personu, kurām jānodrošina tulkojums, saraksts;
 - 4) rakstiskās tulkošanas kārtība, termiņi, rakstiskā tulkojuma noformēšanas prasības, obligāti tulkojamo dokumentu saraksts;
 - 5) tulkojuma minimālās kvalitātes kritēriji un sūdzību par tulkojuma kvalitāti izskatīšanas kārtība;
 - 6) tiesas tulka procesuālā aizsardzība.

Atsauces

- ¹ Kasakovska A., Drozde L., Černenko J., Putnis R. Rokasgrāmata tiesu tulkiem. Rīga: Valsts valodas centrs, Latvijas Tiesnešu mācību centrs, 2014., 6.-7. lpp.
- ² Latvijas Republikas Satversme. Pieņemts 15.02.1922. Latvijas Vēstnesis, 43, 01.07.1993. Pēdējie grozījumi 04.10.2018.
- ³ Par tiesu varu. 15.12.1992. likums/Ziņotājs, 14.01.1993. Pēdējie grozījumi 06.09.2018.
- ⁴ Valsts valodas likums. Pieņemts 09.12.1999. Latvijas Vēstnesis, 428/433 (1888/1893), 01.09.2000.
- ⁵ Kriminālprocesa likums. Pieņemts 21.04.2005. Latvijas Vēstnesis, 11.05.2005., Nr.74 (3232). Pēdējie grozījumi 27.09.2018.

- ⁶ Kasakovska A., Drozde L., Černenko J., Putnis R. Rokasgrāmata tiesu tulkiem. Rīga: Valsts valodas centrs, Latvijas Tiesnešu mācību centrs, 2014., 6.-7. lpp.
- ⁷ Kriminālprocesa likums. Pieņemts 21.04.2005. Latvijas Vēstnesis, 11.05.2005., Nr.74 (3232). Pēdējie grozījumi 27.09.2018.
- ⁸ Par tiesu varu. 15.12.1992. likums/Ziņotājs, 14.01.1993. Pēdējie grozījumi 06.09.2018.
- ⁹ Latvijas Kriminālprocesa kodekss. Pieņemts 06.01.1961., zaudējis spēku 01.10.2005.
- ¹⁰ Krievijas Federācijas kodekss (13.06.1996.). Skatīts: 11.01.2019., iegūts no http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
- ¹¹ Interpreters. Skatīts 13.01.2019., iegūts no <https://www.utcourts.gov/resources/interp/faq.html>
- ¹² Sworn translators and interpreters. Skatīts 17.01.2019., iegūts no <https://www.bdue.de/en/our-profession/sworn-interpreters-and-translators/>
- ¹³ Chilingaryan K., Gorbatenko O., Gorbatenko R. Training court interpreters in Germany. Proceedings of ADVED 2016 2nd International Conference on Advances in Education and Social Sciences 10-12 October 2016- Istanbul, Turkey. 2016, p. 564.-567.
- ¹⁴ Freelance Court Interpreter Handbook. Office of Court Operations Court Interpreter Program. 2012, p. 48.
- ¹⁵ Phelan M. Legal Interpreters in the News in Ireland. The International Journal for Translation & Interpreting Research, Volume 3, Issues 1, 2011, p.76-105.
- ¹⁶ Kasakovska A., Drozde L., Černenko J., Putnis R. Rokasgrāmata tiesu tulkiem. Rīga: Valsts valodas centrs, Latvijas Tiesnešu mācību centrs, 2014., 6.-15.lpp.
- ¹⁷ Turpat, 9.-11. lpp.
- ¹⁸ Veisbergs A. Konferenču tulkošana. Rīga: Zinātne, 2007., 76. lpp.
- ¹⁹ Christoffels I.K. et al. Memory and language skills in simultaneous interpreters: The role of expertise and language proficiency. Journal of Memory and Language. 2006, p. 324-345.
- ²⁰ Kasakovska A., Drozde L., Černenko J., Putnis R. Rokasgrāmata tiesu tulkiem. Rīga: Valsts valodas centrs, Latvijas Tiesnešu mācību centrs, 2014., 22. lpp.
- ²¹ Tiesas tulka amata apraksts.
- ²² Kasakovska A., Drozde L., Černenko J., Putnis R. Rokasgrāmata tiesu tulkiem. Rīga: Valsts valodas centrs, Latvijas Tiesnešu mācību centrs, 2014., 9.-11. lpp.
- ²³ Turpat, 11.-12. lpp.
- ²⁴ Veisbergs A. Konferenču tulkošana. Rīga: Zinātne, 2007., 76. lpp.
- ²⁵ Kasakovska A., Drozde L., Černenko J., Putnis R. Rokasgrāmata tiesu tulkiem. Rīga: Valsts valodas centrs, Latvijas Tiesnešu mācību centrs, 2014., 11.-12. lpp.
- ²⁶ Veisbergs A. Konferenču tulkošana. Rīga: Zinātne, 2007., 14.-15., 76.-77. lpp.
- ²⁷ ANO Vispārējā cilvēktiesību deklarācija (02.01.2013.). Skatīts:01.02.2019., iegūts no: <http://www.tiesibsargs.lv/tiesibu-akti/ano-dokumenti/ano-vispareja-cilvektiesibu-deklaracija/>
- ²⁸ Eiropas Cilvēktiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencija (13.07.1997.). Skatīts: 08.02.2019., iegūts no <http://likumi.lv/ta/lv/starptautiskie-ligumi/id/649>
- ²⁹ Eiropas Savienības Pamattiesību harta (06.10.2012.). Skatīts:

- 05.02.2019., iegūts no <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/TXT/?uri=CELEX%3A12012P%2FTXT>
- ³⁰ Eiropas Parlamenta un Padomes direktīva 2012/13/ES par tiesībām uz informācijukriminālprocesā(22.05.2012.). Skatīts: 05.02.2019., iegūts no <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/TXT/?uri=CELEX%3A32012L0013>.
- ³¹ Eiropas Parlamenta un Padomes direktīva 2010/64/ES par tiesībām uz mutisko un rakstisko tulkojumu kriminālprocesā (20.10.2010.). Skatīts: 05.02.2019., iegūts no <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/TXT/?uri=CELEX%3A32010L0064>
- ³² Par tiesu varu. 15.12.1992. likums/Ziņotājs, 14.01.1993. Pēdējie grozījumi 06.09.2018.
- ³³ Kriminālprocesa likums. Pieņemts 21.04.2005. Latvijas Vēstnesis, 11.05.2005., Nr.74 (3232). Pēdējie grozījumi 27.09.2018.
- ³⁴ Kārtība, kādā personai, kurai ir tiesības uz aizstāvību, tikšanas laikā ar aizstāvi tiek nodrošināta tulka palīdzība (12.06.2013.) Latvijas Republikas Ministru kabineta noteikumi Nr.1342. Pieņemts 19.11.2013. Latvijas Vēstnesis, 239 (5045), 07.12.2013.
- ³⁵ Kriminālprocesa likums. Pieņemts 21.04.2005. Latvijas Vēstnesis, 11.05.2005., Nr.74 (3232). Pēdējie grozījumi 27.09.2018.
- ³⁶ Krimināllikums. Pieņemts 17.06.1998. Latvijas Vēstnesis, 199/200 (1260/1261) 08.07.1998. Pēdējie grozījumi 11.10.2018.
- ³⁷ Apcietinājumā turēšanas kārtības likums: Pieņemts 22.06.2006. Latvijas Vēstnesis, 103 (3471), 18.07.2006. Pēdējie grozījumi 07.12.2017.
- ³⁸ Latvijas Sodū izpildes kodekss. Pieņemts 23.12.1970. Ziņotājs, 1, 01.04.1971. Pēdējie grozījumi 07.12.2017.
- ³⁹ Kasakovska A., Drozde L., Černenko J., Putnis R. Rokasgrāmata tiesu tulkiem. Rīga: Valsts valodas centrs, Latvijas Tiesnešu mācību centrs, 2014., 8.-9. lpp.
- ⁴⁰ Pētījums „Tiesu tulku/tulkotāju reģistri un darba organizācija Eiropas Savienībā”. Eiropas Komisijas īpašās programmas „Krimināltiesības” projekta „Kriminālprocesā iesaistīto tiesu tulku kapacitātes celšana un to aktivitāšu nodrošināšana”. 2014., 25.-35. lpp.
- ⁴¹ Krimināllikums. Pieņemts 17.06.1998. Latvijas Vēstnesis, 199/200 (1260/1261) 08.07.1998. Pēdējie grozījumi 11.10.2018.

Аннотация

Судебный переводчик в уголовном процессе играет специфическую и важную, но часто недооцененную роль. Один из аспектов прав человека – это обеспечение качественного перевода не владеющему языком судопроизводства лицу, чтобы сделать судебный процесс доступным, соблюдать права лица и вершить справедливый суд.

Цель научной статьи – исследование правовых основ деятельности судебного переводчика в уголовном процессе, выявление и анализ проблем. В статье авторы раскрывают

актуальные проблемы правового урегулирования деятельности судебного переводчика, предлагают решения. Для обеспечения эффективности работы судебного переводчика направляющему процесс лицу на судебном заседании следует создавать возможно более благоприятные условия; переводчику на судебном заседании следует оглашать перерыв через каждые 2 часа; необходимо обучать судей, прокуроров, адвокатов, специалистов, экспертов искусству публичной речи, а также сотрудничеству с переводчиком; желательно оснастить залы судебного заседания оборудованием для осуществления перевода. Для обеспечения единой практики и качества перевода в Латвии необходимо разработать систему обучения и сертификации судебных переводчиков, а также разработать специальный нормативный акт правового урегулирования работы судебного переводчика, который послужит основанием для создания регистра переводчиков.

IEVĒROJAMS CITU INTEREŠU APDRAUDĒJUMS KĀ BŪTISKA KAITĒJUMA KRITĒRIJS KRIMINĀLTIESĪBĀS

Mg. iur. Jurijs Lomonovskis, Latvija

Abstract

The aim of the article “A significant threat to other interests as a criterion for substantial harm at criminal law” is to examine the problems of understanding the concept of “**substantial harm**” in criminal law; to analyse whether the “significant threat to other interests” component of substantial harm is properly understood in practice. The lack of understanding of the concept determines the topicality of the article. To reach the goal of the article, such tasks are solved:

1. to consider the historical development of a law framework of “**substantial harm**”;
2. to get acquainted with the types of **substantial harm** in criminal law;
3. to compare the court practice with the basic legal doctrine;
4. to make a statement about the content of the concept of “significant threat to other interests” both in the framework of basic and qualifying criminal offenses.

The article consists of 5 parts: introduction, understanding concept of other interests protected by law, connection of other interests protected by law with the direct object of the criminal offense, threat of other interests protected by law as qualifying attribute, conclusions. The novelty of the article is related to the lack of research into **substantial harm** problems in criminal law.

The conclusions of the article are about court practice does not correspond to the basic of legal doctrine. In the conclusion of the article, the author expresses the thesis for basic composition of criminal offense: substantially harmed interests are those in the direct object of the criminal offense; as well as those included in additional objects, if specifically designated by the legislator.

Regarding the determination of interests in qualifying composition of a criminal offense, the author of the article expresses the following

thesis: substantial harm as a characteristic of the composition of a qualified criminal offense indicates the threat of an additional object of a criminal offense.

Keywords: criminal liability, substantial harm, significant threat to other interests, harmful consequences of an offense, objective side of the criminal act.

Ievads

Krimināllikuma¹ normām ir jāatbilst divām saturiskām prasībām: tām jābūt pēc iespējas koncentrētām, kā arī tām jābūt tik abstraktām, lai tās varētu piemērot visiem nodarījumiem, kuriem pēc likumdevēja ieceres jābūt līdzīgi sodītiem. Tādā veidā jāatrod balanss starp šīm divām prasībām.

Augstāka abstraktuma panākšanai, izsakot nodarījuma kaitīguma pakāpi, krimināltiesībās izmanto vērtējuma jēdzienus. Vērtējuma jēdzienus noziedzīga nodarījuma kaitīgo seku apzīmēšanā izmanto, ja sekas var būt ļoti atšķirīgas, tādēļ likumdevējam jānosauc galējā pakāpe, kuru sasniedzot, mainās nodarījuma raksturs, proti, tas kļūst noziedzīgs vai mainās nodarījuma krimināltiesiskā kvalifikācija. Var būt arī gadījumi, kad vērtējuma jēdzieni dod iespēju kaitīgas sekas izvērtēt, saistot tās ar pastāvošu kriminālsodu politiku un tās attīstības tendencēm². Šādi vērtējuma jēdzieni ir, piemēram, *smagas sekas, būtisks kaitējums*.

Vērtējuma jēdzieniem raksturīga nenoteiktība, viennozīmīgi skaidru likumā noteiktu pazīmju trūkums. Līdz ar to, arī kaitīgo seku aprakstošie vērtējuma jēdzieni raksturojas ar nepietiekamu skaidrību, pazīmju nenoteiktību. Vērtējuma jēdzien saturā ir mazāk pazīmju salīdzinājumā ar formāli noteiktiem jēdzieniem, tādā veidā tiek sasniegts vērtējuma jēdzien plašāks apjoms, t.i., samazinoties pazīmju daudzumam, palielinās satura nenoteiktība, tas ir iemesls vērtējuma jēdzien piemērošanas grūtībām³. Satura un apjoma atklāšana prasa no normu piemērotāja īpašu profesionalitāti, un bieži tieši vērtējuma jēdzien satura atklāšana izraisa **vislielākās problēmas, pārsvarā nodarījuma pazīmes pārāk plaši sasaistot ar vērtējuma jēdziena saturu**, jēdziena robežu pārsniegšanu. Vērtējuma jēdzieniem piemīt arī tāda īpašība, ka tie var ietvert parādības ar pilnīgi atšķirīgām ārējās izpausmes formām. Tā, būtiska

kaitējuma jēdziens aptver gan miesas bojājumus, gan mantisku zaudējumu, gan valsts intereses nodokļu iekasēšanas jomā, gan mežsaimniecības intereses ilgtermiņā. Vērtējuma jēdzienos iekļauto pazīmju loks nav izsmeļošs, un likuma piemērotājs to var papildināt ar citām pazīmēm. Galvenais pazīmes apvienojošs elements ir **kaitējuma etalons**⁴. Tas nozīmē, ka tiesību piemērotāja ieskats vērtējuma jēdzienu satura atklāšanā ievieš zināmu subjektivismu, tomēr **satura atklāšana nav patvaļīgs process**⁵.

Vērtējuma jēdzienu priekšrocību zinātnieki saista ar to satura atbilstību šābrīža sabiedrības tiesiskās attīstības pakāpei⁶, kā arī tie ļauj izmantot mainīgus nodarījuma sastāvus, jo neizmainot noziedzīga nodarījuma sastāva pazīmes, ir iespējams tajā ielikt citu saturu vai to grozīt, atbilstoši mūsdienīgai kaitīguma izpratnei sabiedrībā. Tas savukārt ļauj izvairīties no Krimināllikuma biežiem grozījumiem un nodrošināt krimināltiesiskā regulējuma stabilitāti⁷.

Viens no Krimināllikumā izmantotajiem vērtējuma jēdzieniem ir *“būtiska kaitējuma”* jēdziens. Būtisks kaitējums kā noziedzīga nodarījuma sastāva pazīme tiek izmantots Krimināllikuma sevišķās daļas 73 pantos. Lielākoties būtisks kaitējums tiek izmantots kaitīgo seku apzīmēšanai pamatsastāvā, un tikai 14 pantos būtisks kaitējums ir noziedzīga nodarījuma kvalificējoša pazīme.

No izklāstītā var secināt, kāda nozīme ir noziedzīga nodarījuma seku apzīmēšanai ar būtiska kaitējuma jēdzienu:

- 1) gadījumos, kad būtiskais kaitējums ir noziedzīga nodarījuma pamatsastāva pazīme, tad šī pazīme ir robežšķirtne, kura nodala noziedzīgu nodarījumu no citiem, mazāk kaitīgiem pārkāpumiem;⁸
- 2) gadījumos, kad būtisks kaitējums ir kvalificēta sastāva pazīme, tad ar tā palīdzību tiek izteikta noziedzīga nodarījuma kaitīgāka izpausme.

Tā kā Krimināllikumā paredzētie noziedzīgie nodarījumi apdraud dažādas intereses, tad jēdziena *“būtisks kaitējums”* saturs ir konkretizējams katrā atsevišķā gadījumā. Krimināltiesību normu piemērotājs konkretizē to atkarībā no nodarījuma faktiskajiem apstākļiem un tieši objektīvās puses izpausmes. Būtiska kaitējuma jēdziena pareiza izpratne ir priekšnoteikums gan pareizai noziedzīga nodarījuma konstatācijai, gan tā kvalifikācijai.

Taču tiesu praksē pastāv dažāda izpratne par būtiska kaitējuma jēdziena saturu gan apsūdzībās, gan tiesu spriedumos un lēmumos.

Dažreiz, saucot personu pie kriminālatbildības, vērojama nevienveidīga būtiska kaitējuma satura izpratne⁹. Šādas vienādas jēdziena izpratnes neesamība nosaka raksta **aktualitāti**.

Raksta ietvaros pievērsīsimies tikai viena būtiska kaitējuma elementa analīzei, proti, likuma Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību 23. panta pirmās daļas 3. punktā noteiktā būtiska kaitējuma kritērijam: **noziedzīgā nodarījuma rezultātā ievērojami apdraudētas citas ar likumu aizsargātās intereses**.

Raksta **objekts** ir taisnīgs krimināltiesisko attiecību noregulējums būtiska kaitējuma radīšanas gadījumā. Pētījuma **priekšmets** ir būtisku kaitējumu reglamentējošās krimināltiesiskās normas un no tām izrietošā būtiska kaitējuma izpratne judikatūrā un doktrīnā.

Raksta mērķis ir noskaidrot būtiska kaitējuma kritērija: *“ievērojami apdraudētas citas ar likumu aizsargātās intereses”* piemērošanu praksē un nodrošināt noziedzīgu nodarījumu pareizu kvalifikāciju.

Zinātniskās **pētniecības metodes** ir pētījuma instrumentārijs. Izmantota **dekonstrukcijas metode**, proti, dažādu autoru izteikto atziņu atlasīšana ar mērķi izmantot tās pētījuma pieņēmumu pamatošanai; **salīdzinošā metode** tiek pielietota, vērtējot dažādu autoru viedokļus par būtiska kaitējuma jēdziena saturu krimināltiesībās; **deduktīvā metode** tiek izmantota ar mērķi kopīgas teorētiskas atziņas un vispārinājums attiecināt uz individuāliem aspektiem; ar **induktīvās metodes** palīdzību atsevišķas tiesu prakses un teorijas atziņas izmantosim vispārīgiem secinājumiem; **vēsturiskā metode** izmantota, lai atklātu likumdevēja nodomu un mērķi, kura sasniegšanai Krimināllikumā tiek izmantoti vērtējuma jēdzieni un tiešs būtiska kaitējuma jēdziens; **analītiskā metode** izmantota, pētot tiesu spriedumus, kad spriedumu motīvu daļa sadalīta atziņās un no atziņām izsecinātas likumsakarības. Tiesību normu satura atklāšanai izmantota **gramatiskā, sistēmiskā, vēsturiskā un teleoloģiskā metode**.

Ar likumu aizsargāto citu interešu izpratne

Likumdevējs noteic kriminālatbildību par tiem nodarījumiem, kas nodara jūtamu kaitējumu kādai ar likumu aizsargātai interesei. Par mazāk kaitīgu prettiesisku rīcību pastāv iespēja noteikt administratīvo atbildību. Tomēr, kā, raksturojot vērtējuma jēdzienu

rašanos, norāda profesors U. Krastiņš, likumdevējs diezgan bieži noteica kriminālatbildību par vairāku tādu prettiesisku darbību izdarīšanu, kuras atsevišķi pašas par sevi nebija krimināli sodāmas, bet vienas un tās pašas personas izdarītas vismaz divas reizes, jau skaitījās radījušas jūtamāku kaitējumu kādai no iepriekš uzrādītajām interesēm¹⁰. Administratīvo pārkāpumu atkārtotības kriminalizācija pastāvēja līdz pat Kriminālsodu politikas koncepcijas īstenošanas ietvaros izdarītajiem grozījumiem Krimināllikumā¹¹. Šie grozījumi tika izdarīti *non bis in idem* principa nostiprināšanai, izslēdzot no Krimināllikuma administratīvās un speciālās atkārtotības institūtus. Grozījumu anotācijā teikts: „Krimināllikumā nav jāparedz atbildība par nodarījumiem, kas nevar radīt vērā ņemamu kaitējumu interesēm. Dekriminalizējot atsevišķus noziedzīgus nodarījumus, kriminālatbildību par tiem var saglabāt gadījumos, ja ir nepieciešams nodalīt kvalificējošas pazīmes, piemēram, būtisks kaitējums, liels apmērs. Gadījumā, ja nodarījuma kaitīgums un bīstamība ir liela, Krimināllikumā jāparedz kriminālatbildība jau par pirmo likumpārkāpumu”¹². Tādā veidā noziedzīgu nodarījumu no administratīviem pārkāpumiem nodalīšanas lomu pārņēma būtiska kaitējuma institūts. Notika formālu sastāvu masveida dekriminalizācija, bet arī saglabāta kriminālatbildība par tiem nodarījumiem, kuriem ir liels kaitīgums un bīstamība.

Būtiska kaitējuma legālais definējums ir dots likuma Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību 23. pantā, un katrā atsevišķā gadījumā to konkretizē tiesa.

Būtiskā kaitējuma jēdziena izpratnei jāievēro tā vēsturiskā attīstība. Pirms 2015. gada 29. oktobra grozījumiem¹³ likuma Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību 23. panta pirmajā daļā būtisku kaitējumu veidoja noziedzīga nodarījuma sekas:

- 1) ne vien nodarīts ievērojams mantiskais zaudējums, bet arī apdraudētas vēl citas ar likumu aizsargātās intereses;
- 2) interešu apdraudējums ir ievērojamais.

Gadījumos, kad bija nepieciešamība konstatēt pirmajā punktā no kumulatīvajiem (t. i., tiesību normas tiesiskās sekas iestājas, ja izpildās visi nosacījumi) elementiem sastāvošu būtiskā kaitējuma pazīmi – “bet arī apdraudētas vēl citas ar likumu aizsargātās intereses”, likuma piemērotāji par pietiekamu uzskatīja jebkura nemateriāla apdraudējuma konstatāciju. Tā, profesors U. Krastiņš skaidro, ka „pirmajā variantā netiek prasīts, lai šis cits ar likumu

aizsargāto interešu apdraudējums būtu ievērojams, tāpēc vērā ir ņemams ikkatrs cits kaitējums neatkarīgi no tā apmēra, savukārt otrs variants attiecināms uz gadījumiem, kad radīto kaitējumu nav pieņemts vērtēt naudas izteiksmē¹⁴. Tādā veidā tiesu prakse tika novesta gandrīz līdz absurdam, kad tiesību piemērotāji piemeklēja jebkuru pat maznozīmīgu interešu apdraudējumu, lai nodarījuma mantiskajiem zaudējumiem kaut formāli piesaistītu kādu nemantisku interešu apdraudējumu.

Ar mērķi atrisināt prakses problēmas 2015. gada decembrī 23. panta pirmā daļa tika grozīta, nosakot, ka atbildība par noziedzīgo nodarījumu, ar kuru radīts būtisks kaitējums, iestājas, ja noziedzīgā nodarījuma rezultātā iestājušās kādas no minētajām sekām:

- 1) mantiskais zaudējums, kas noziedzīga nodarījuma izdarīšanas brīdī nav bijis mazāks par piecu tai laikā Latvijas Republikā noteikto minimālo mēnešalgu kopsummu, un vēl citu ar likumu aizsargāto interešu apdraudējums;
- 2) mantiskais zaudējums, kas noziedzīga nodarījuma izdarīšanas brīdī nav bijis mazāks par desmit tai laikā Latvijas Republika noteikto minimālo mēnešalgu kopsummu;
- 3) ievērojams apdraudējums citām ar likumu aizsargātām interesēm.

Grozījumu rezultātā mantiskais zaudējums desmit Latvijas Republikā noteikto minimālo mēnešalgu kopsummā kļuva par patstāvīgu būtisku kaitējumu veidojošu kritēriju (nav nepieciešams konstatēt obligātu papildus kritēriju), pārējos kritērijus atstājot spēkā. Augstākminētais likumdevēja risinājums ir vērtējams pozitīvi, jo risina noziedzīgu nodarījumu kvalifikācijas problēmas, kuru sekas pārsvarā izpaužas mantiskā kaitējumā. Bet ievērojams apdraudējums ar likumu aizsargātām interesēm attiecināms uz gadījumiem, kad radīto kaitējumu nav pieņemts vērtēt naudas izteiksmē¹⁵. Neskatoties uz grozījumu pozitīvo mērķi atrisināt prakses problēmas būtiska kaitējuma satūra izpratnē, problēmas ar apdraudēto nemantisko interešu konstatāciju netika atrisinātas.

Atklājot apdraudētās intereses, kurām ir nodarīts būtisks kaitējums, nedrīkst tikai gramatiski iztulkot likumā noteikto, bet jāievēro arī attiecīgo Krimināllikuma normu uzbūve: dažos gadījumos būtisks kaitējums ir pamatsastāva, bet citos – kvalificēta sastāva pazīme; vienos gadījumos Krimināllikuma sevišķās daļas pantā ir norādīts uz apdraudētām interesēm, citos gadījumos tiek norādīts vispārēji uz

būtisku kaitējumu kā nodarījuma sekām. Taču tiesību piemērotāji, atklājot būtiska kaitējuma jēdziena saturu, nepievērš uzmanību augstāk norādītajām atšķirībām materiālo normu uzbūvē un tāpēc praksē pastāv dažāda izpratne par būtiska kaitējuma jēdziena saturu.

Šajā ziņā raksturīgs ir Latvijas Republikas Augstākās tiesas lēmums lietā Nr. SKK-17/2017. Lietas faktiskie apstākļi ir sekojoši: policijas darbinieki 2012. gada 21. septembrī konstatēja, ka SIA birojā esošajās datorsistēmās nelikumīgi instalētas 20 komerciāla rakstura datorprogrammas. Ar tiesas spriedumu SIA valdes priekšsēdētājs atzīts par vainīgu Krimināllikuma 148. panta pirmajā daļā paredzētajā noziedzīgajā nodarījumā, jo personas noziedzīgu darbību rezultātā ne vien datorprogrammas autortiesību īpašniekam tika nodarīts materiālais zaudējums 4773,73 eiro apmērā, bet tika pārkāptas arī Latvijas Republikas Satversmes 113. pantā garantētās tiesības uz autortiesību aizsardzību, radīts būtisks kaitējums sabiedrības interesēm, valsts ekonomiskajām interesēm, kā arī patērētāju drošības tiesībām un interesēm, izkropļots tirgus un ierobežota komercsabiedrību godīga konkurence. Papildus norādīts, ka saskaņā ar Konkurences likuma 18. panta otro daļu šādas darbības tiek uzskatītas par negodīgu konkurenci. Iztiesājot krimināllietu apelācijas kārtībā, tiesas spriedums tika atcelts, persona tika atzīta par nevainīgu un attaisnota. Arī Augstākā tiesa atzina, ka „Krimināllikuma 148. pantā paredzētā noziedzīgā nodarījuma objekts ir Latvijas Republikas Satversmes 113. pantā garantētās autora tiesības, kā arī to personu tiesības un intereses, kuras uz likumīga pamata izmanto autortiesību objektus”¹⁶. Augstākā tiesa atzīst apelācijas instances tiesas pozīciju, ka noziedzīga nodarījuma aprakstā norādītais citu ar likumu aizsargāto tiesību un interešu apdraudējums jau ir ietverts Krimināllikuma 148. pantā paredzētā noziedzīga nodarījuma objektā. Savukārt godīgas konkurences un patērētāju drošības tiesību aizskārums lietā nav pierādīts. No Augstākās tiesas lēmuma var secināt, ka tiesas ieskatā ar autortiesību vai blakustiesību pārkāpumu izraisītais būtiskais kaitējums konstatējams citām, ārpus noziedzīga nodarījuma objekta esošajām interesēm. Augstāk minētais tiesas lēmums atbalstīts arī tiesu prakses apkopojumā “Tiesu prakse lietās, kurās noziedzīga nodarījuma sastāva pazīme ir būtisks kaitējums”¹⁷ (turpmāk arī – Tiesu prakses apkopojums), kur norādīts, ka likumdevējs Krimināllikuma 148. panta pirmajā daļā ietvēris konkrētu norādi uz būtiska kaitējuma

nodarīšanu ar likumu aizsargātām personas interesēm (likuma redakcija spēkā no 2013. gada 1. aprīļa). No šāda formulējuma izriet, ka būtisks kaitējums, pirmkārt, var tikt nodarīts ar likumu aizsargātām personas interesēm, otrkārt, apdraudēto interešu lomā var būt jebkādas ar likumu aizsargātas personas intereses (izņemot tās, kuru aizsardzībai izveidots Krimināllikuma 148. pants), jo likumdevējs nav norādījis kaut kādas konkrētas personas intereses. Šāda pozīcija pamatota ar to, ka no likuma Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību 23. panta pirmās daļas formulējuma izriet, ka būtisks kaitējums var tikt nodarīts „*citām ar likumu aizsargātām interesēm*” vai arī tas var izpausties kā „*citū interešu ievērojams apdraudējums*”. Interešu, kurām ar nodarījumu radīts būtisks kaitējums, noteikšanā jāņem vērā nosacījums, ka tā vienlaicīgi nevar sakrist ar tām interesēm, kuru aizsardzībai ir izveidota konkrēta Krimināllikuma norma. Likumdevējs gan vienā, gan otrā variantā norāda uz „*citām interesēm*”, ar to saprotot, ka kaitējums, kas ar nodarījumu radīts interesēm, kuras ietilpst konkrētā noziedzīgā nodarījuma tiešajā objektā, vienlaikus nevar tikt vērtēts kā būtisks kaitējums *citām interesēm*.

Nevar viennozīmīgi piekrist nepieciešamībai meklēt būtisku kaitējumu interesēm ārpus noziedzīga nodarījuma tiešā objekta, jo šī pozīcija neatbilst tiesību doktrīnas atziņām. Saskaņā ar tiesību doktrīnu kaitīgās sekas, kas iestājušās darbības vai bezdarbības rezultātā, ir objektīvās puses pazīme¹⁸, un, kā norāda profesors U. Krastiņš, „krimināltiesību nozīmē ar sekām jāsaprot tas kaitējums, kas rada ar Krimināllikumu aizsargāto interešu izmaiņas”¹⁹. Tātad, kaitīgās sekas ir negatīvās izmaiņas ar Krimināllikumu aizsargātajās interesēs. Analizējot tiesu prakses apkopojumā izteikto nostāju, secināms, ka paplašināti interpretēts likumā “Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību” noteiktais, to tieši attiecinot ne tikai uz būtiska kaitējuma kritērijiem, bet arī uz Krimināllikumā paredzētajiem noziedzīgu nodarījumu sastāviem. Saskaņā ar tiesību teorijas atziņām, interpretējot tiesību normas, kā pirmā tiek izmantota gramatiskā iztulkošanas metode. Tā nevar būt vienīgā metode, jo neļauj atklāt tiesību normas pieņemšanas vēsturiskos priekšnoteikumus²⁰, kā arī likumdevēja ieceri tiesisko attiecību regulēšanai. Gramatiskā iztulkošanas metode ir tikai pirmā pielietojamā iztulkošanas metode, bet nav pareizi vadīties vienīgi no tiesību normas vārdiskās jēgas. Iztulkojot tiesību normas gramatiskās

metodes ietvaros, rezultāts nav galīgs, un citu iztulkošanas metožu ietvaros secinājumi var būt citi. Tomēr gramatiskā iztulkošanas metode nosaka iztulkošanas robežas. Ja citu metožu izmantošanas ietvaros izejam ārpus normas vārdiskās jēgas, tas parasti liecina, ka ir notikusi normas paplašināta iztulkošana. Paplašinātā iztulkošana nav pieļaujama krimināltiesībās, piemēram, Augstākā tiesa norādījusi, ka “Konvencijas²¹ 7. pantā ietvertais princips, ka noteikt noziedzīgu nodarījumu un paredzēt sodu var tikai likums, liedz krimināllikumam plaši interpretēt”²². Līdz ar to var secināt, ka likuma Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību 23. pantā izmantotā vārdkopa “*citas intereses*” norāda uz tām interesēm, kuras ir citas, jo nav mantiskās intereses, nevis norāda uz noziedzīga nodarījuma citiem papildus objektiem. Par šādu izpratni liecina arī profesora U. Krastiņa teiktais, proti, “būtisks kaitējums iestājas, ja noziedzīga nodarījuma rezultātā nodarīts ne vien mantisks zaudējums ievērojamā apmērā, bet arī apdraudētas vēl citas ar likumu aizsargātas intereses”²³. Izvēloties vārdkoku „*ne vien*”, profesors viennozīmīgi sasaista „*citas intereses*” ar nemantisko kaitējumu, kā pretēju mantiskajam zaudējumam.

Līdz ar to tiesu prakses apkopojumā ietvertā atziņa par to, ka „gadījumos, kad aizskartā interese no likumdevēja puses netiek konkretizēta, tā var būt jebkura likumīga interese (izņemot tā, kura ietilpst konkrētā noziedzīga nodarījuma tiešajā objektā), kurai ar nodarījumu radīts būtisks kaitējums” ir paplašināta iztulkošana par sliktu personai, kurai ir tiesības uz aizstāvību. Ja šādu atziņu atzītu par korektu, varētu rasties situācija, kad ar nodarījumu nav radīts kriminālatbildībai nepieciešamais minimālais kaitējums nodarījuma tiešajam objektam, tomēr ir konstatējams kaitējums citām interesēm, kuru aizsardzībai konkrētā Krimināllikuma norma nav radīta. Rezultātā nodarījumu varētu kvalificēt atbilstoši Krimināllikuma attiecīgā panta pirmajai daļai pat tajos gadījumos, kad netiek konstatēts kaitējums primāri aizsargātām interesēm. Šādu risinājumu nevar atzīt par atbilstošu Krimināllikuma 1. pantam.

Ar likumu aizsargāto citu interešu saikne ar nodarījuma tiešo objektu

Nākamais aspekts, kam jāpievērš uzmanība, vērtējot tiesu prakses apkopojumā izteiktās atziņas, ir viedoklis par būtiska kaitējuma saikni

ar noziedzīga nodarījuma objekta ietvaros aizsargātajām interesēm. Krimināllikuma 1. pantā ir noteikts, ka pie kriminālatbildības saucama un sodāma tikai tāda persona, kura ar nodomu (tīši) vai aiz neuzmanības izdarījusi Krimināllikumā paredzētu nodarījumu, kam ir visas noziedzīga nodarījuma sastāva pazīmes. Teorijā atzīts, ka tiešais noziedzīga nodarījuma objekts ir ar konkrētu nodarījumu apdraudētās intereses, kuru aizsardzībai ir veidota konkrēta krimināltiesību norma²⁴. Var secināt, ka katra materiālā krimināltiesiskā norma ir paredzēta noteiktu interešu aizsargāšanai, un, neskatoties uz to, ka katrs noziedzīgs nodarījums var apdraudēt virkni interešu, tas ir sodāms par konkrētu aizsargājamo interešu apdraudējumu. Tiesu prakses apkopojumā izteikto tēzi par to, ka „intereses, kurai ar nodarījumu radīts būtisks kaitējums, noteikšanā jāņem vērā nosacījums, ka tā vienlaicīgi nevar sakrist ar to interesi, kuras aizsardzībai ir izveidota konkrētā Krimināllikuma norma”, var pārbaudīt kā hipotēzi, ar *argumentum a contrario* metodes palīdzību. Pieņemot, ka Tiesu prakses apkopojumā izklāstītā atziņa ir pareiza, nāktos secināt, ka svarīgāko interešu²⁵ krimināltiesiskā aizsardzība (jo Krimināllikums aizsargā svarīgākas intereses) tiek pakārtota mazāk svarīgu interešu apdraudējuma konstatācijai. Proti, varētu būt pieļaujami gadījumi, kad atbildība par tiešā objekta apdraudējumu attiecīgajā nodarījumā būtu pakārtota mazāk svarīga papildus objekta apdraudējuma konstatācijai. Šāda atziņa ir pretrunā ar iepriekš izklāstītām tiesību doktrīnas nostādnēm par to, ka Krimināllikuma sevišķās daļas normas ir izveidotas konkrētu, svarīgāko interešu aizsardzībai. Līdz ar to Tiesu prakses apkopojumam atbilstošā hipotēze neiztur pārbaudi un nav attiecināma uz tiem noziedzīgiem nodarījumiem, kuros būtisks kaitējums ir pamatsastāva pazīme.

Apkopojot augstāk izklāstītos teorētiskos argumentus, piedāvāju sekojošu formulējumu apdraudēto interešu konstatācijai noziedzīgu nodarījumu pamatsastāvos ar būtiska kaitējuma pazīmi: *intereses, kurām ir nodarīts būtisks kaitējums, ir noziedzīgā nodarījuma tiešajā objektā ietilpstošas, kā arī papildus objektos ietilpstošas, ja likumdevējs to īpaši noteicis.*

Ar likumu aizsargātu citu interešu apdraudējums kā kvalificējoša pazīme

Noziedzīgu nodarījumu sastāviem, kuros būtisks kaitējums ir kvalificējoša papildus pazīme, piemērojams cits risinājums.

Kvalificētam sastāvam raksturīgs tas, ka likumdevējs par nodarījumu, kurš izraisījis būtisku kaitējumu, nosaka ievērojami lielāku sodu, salīdzinot ar pamatsastāvā ietvertu nodarījumu.

Ja kvalificētā sastāvā ietverta būtiska kaitējuma pazīme, pierādot nodarījumu, tiek konstatēta atbilstība starp faktiskajiem apstākļiem un noziedzīga nodarījuma pamatsastāva pazīmēm, kā arī vai faktiskajos apstākļos ir konstatējama kvalificētā sastāva papildus pazīme vai pazīmes. Saistībā ar apdraudēto interešu izpratni nodarījumos, kur kvalificējošā pazīme ir būtisks kaitējums, īpaši, tā elements „citu ar likumu aizsargāto interešu apdraudējums”, nav vienota viedokļa vai šis interešu apdraudējums ir *noziedzīga nodarījuma galvenā objekta smagāks aizskārums*, vai tomēr tas ir *apdraudējums noziedzīga nodarījuma papildus objektam*.

Izvērtējot pirmo pieņēmumu, jāievēro, ka gadījumos, kad Krimināllikuma pantā ir paredzēts formāls noziedzīga nodarījuma pamatsastāvs, tas tiek atzīts par noziedzīgu neatkarīgi no seku iestāšanās un to kaitīguma, bet gan konstatējot visas citas pantā paredzētas noziedzīga nodarījuma elementiem atbilstošās pazīmes: subjekts, objekts, subjektīvā puse un objektīvajai pusei atbilstošs nodarījums (formālie sastāvi). Līdz ar to var secināt, ka likumdevējam nav īpaša iemesla veidot noziedzīga nodarījuma kvalificētu sastāvu ar vienīgo mērķi noteikt speciālu atbildību par tiešā galvenā objekta paaugstināta smaguma apdraudējumu, jo soda individualizācijai atkarībā no kaitējuma smaguma Krimināllikuma pantos ir paredzētas relatīvi noteiktas sankcijas robežās „no – līdz”. Tāpēc nav loģiska pamata uzskatīt, ka noziedzīgu nodarījumu kvalificētu sastāvu būtiska kaitējuma pazīme norāda uz galvenā objekta aizskārums paaugstinātu kaitīgumu.

Saistībā ar otro pieņēmumu, ka būtisks kaitējums kā kvalificēta noziedzīga nodarījuma sastāva pazīme norāda uz noziedzīga nodarījuma papildus objekta apdraudējumu, var secināt, ka šī atziņa ir radusi apstiprinājumu judikatūrā un tiesību doktrīnā. Tā, Latvijas Republikas Augstākā tiesa apkopojumā “Tiesu prakse krimināllietās par kredīta un citu aizdevumu negodprātīgu saņemšanu un izmantošanu” norādīja, ka „trūkumi ir saskatāmi tiesu spriedumos, kuros par kaitējumu citām ar likumu aizsargātām interesēm tiek norādīta virkne apstākļu, starp kuriem ir arī tādi, kas jau iekļauti Krimināllikuma 210. pantā paredzētā noziedzīgā nodarījuma sastāva objektīvo pazīmju skaitā”²⁶. Arī Tiesu prakses apkopojuma secinājumos norādīts: „Piemērojot Krimināllikuma normas, kurās

ietverta objektīvās puses pazīme – būtiskais kaitējums, tā esību nevar pamatot ar tām pašām darbībām (bezdarbību), kas veido noziedzīga nodarījuma objektīvo pusi”²⁷.

Tiesu prakses apkopojumā „Tiesu prakse krimināllietās par kredīta un citu aizdevumu negodprātīgu saņemšanu un izmantošanu” norādīts, ka tautsaimniecības intereses kopumā ir Krimināllikuma 210. pantā paredzētā noziedzīgā nodarījuma grupas objekts. Krimināllikuma 210. pantā paredzētā noziedzīgā nodarījuma tiešais objekts, kas tiek apdraudēts, šajā gadījumā ir kreditora vai cita aizdevēja intereses – saņemt atpakaļ kredītu vai citu aizdevumu un gūt līgumā paredzēto peļņu. Krimināllikuma 210. pants aizsargā minētās intereses, paredzot atbildību par apzinātu nepatiesu ziņu sniegšanu kredīta vai cita aizdevuma saņemšanai vai to izmantošanas laikā, bet, nodarot būtisku kaitējumu (nodarījuma objektīvā puse), kredīta vai cita aizdevuma saņēmējs atbild saskaņā ar šī panta trešo daļu. Tātad, visas kreditora intereses, kas saistītas ar kredīta atgūšanu un peļņas iegūšanu, tajā pašā laikā nevar būt par būtiskā kaitējuma jēdzienā iekļauto citu interešu apdraudējumu, jo šīs kreditora intereses jau tiek aizsargātas, nosakot atbildību Krimināllikuma 210. panta pirmajā daļā²⁸. Šobrīd piedāvātais risinājums nav aktuāls, jo pēc grozījumiem²⁹ pants sastāv tikai no vienas daļas, bet būtisks kaitējums ir nodarījuma obligāti konstatējama pamatsastāva pazīme. Tomēr aktuāla ir atziņa par to, ka, ja būtisku kaitējumu veidojošos interešu apdraudējums ir kvalificējoša pazīme, tad jākonstatē ārpus noziedzīga nodarījuma tiešā objekta esošu interešu atbilstošs aizskārums. Šī atziņa par apdraudējumu nevis tiešajam objektam, bet papildus interesēm ir attiecināma uz visu Krimināllikuma sistēmu.

Tāds kvalifikācijas risinājums pamatots ar to, ka galvenajam tiešajam objektam atbilstošās intereses ir aizsargātas nodarījuma pamatsastāvā, jo atbildība noteikta par interešu aizskārumu neatkarīgi, vai sasniegts paaugstināta kaitīguma līmenis. Tam atbilst arī atziņa, ka noziedzīga nodarījuma kvalificēts sastāvs atšķiras no pamatsastāva ar papildus pazīmes esamību, ja šī pazīme ir būtisks kaitējums, tad tā saturs nevar sakrist ar pamatsastāvā esošajām objektīvās puses pazīmēm, pretējā gadījumā kvalificēta sastāva veidošana būtu nelōģiska un lieka.

Secinājumi

Pozitīvi vērtējami grozījumi likuma Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību 23. panta pirmo daļu papildinot ar punktu, kurā noteikts būtiska kaitējuma papildus kritērijs „mantisks zaudējums, kas noziedzīga nodarījuma izdarīšanas brīdī nav bijis mazāks par desmit tai laikā Latvijas Republikā noteikto minimālo mēnešalgu kopsummu”. Neskatoties uz šā lēmuma pozitīvo mērķi, papildinot likumu atrisināt prakses problēmas būtiska kaitējuma satura izpratnē, praksē problēmas ar apdraudēto nemantisko interešu konstatāciju nav atrisinātas.

Likuma piemērošanas problēmu pamatā ir būtiska kaitējuma pazīmes “citas intereses” satura nevienveidīga izpratne. Šī pazīme paredzēta 23. panta pirmās daļas 1. punktā, kurā noteikts, ka būtisku kaitējumu veido mantiskais kaitējums un otra kumulatīva pazīme „vēl citas ar likumu aizsargātās intereses”, kā arī 3. punktā, kur norādītas “ievērojami apdraudētas citas ar likumu aizsargātās intereses.” Analizējot tiesu lēmumus un tiesu prakses apkopojumus, var secināt, ka vārdkopa „citas ar likumu aizsargātās intereses” tiesas nevērtē kā norādi uz būtiska kaitējuma jēdziena saturu, bet kā norādi uz noziedzīga nodarījuma papildus objektiem.

Krimināllikuma pantos būtisks kaitējums kā materiāla sastāva pazīme formulēts dažādi. Viens no paņēmieniem ir norādīt uz būtisku kaitējumu kā sekām, nenorādot, kādām interesēm vai interešu nesējiem kaitējums nodarīts. Cits paņēmiens, kas bieži izmantots Krimināllikuma pantu uzbūvē, ir norādīt uz speciālām interesēm vai interešu nesējiem, kurām noziedzīgs nodarījums rada būtisku kaitējumu. Piemērs pirmajam paņēmienam būtiska kaitējuma formulējumā ir Krimināllikuma 148. pants, kura pamatsastāvā ir paredzēta atbildība par nodarījumu, ja ar to radīts *būtisks kaitējums ar likumu aizsargātām personas interesēm*. Šeit nav norādītas speciālas intereses, kurām ir radīts kaitējums, tāpat, vadoties pēc doktrīnas atziņām, kaitējums konstatējams nodarījuma tiešajam objektam. Otra risinājuma piemērs ir Krimināllikuma 210. pants, kurā norādīts uz tādu pazīmi, kā *būtisks kaitējums valstij, kredītoram vai ar likumu aizsargātām citas personas interesēm*.

Interpretējot minētā likuma 23. pantu no valodnieciskā aspekta, secināms, ka vārdu kopa “citas intereses” norāda uz nemantiskām interesēm. Tāpēc nav pamatots tiesu prakses risinājums vārdkoku

“citas intereses” interpretēt saistībā ar noziedzīgā nodarījuma sastāvu Krimināllikumā, secinot ka “citas intereses” norāda uz noziedzīga nodarījuma papildus objektiem. Piemērs tam ir Krimināllikuma 148. pants, kura pamatsastāvs ietver pazīmi “būtisks kaitējums ar likumu aizsargātām personas interesēm”. Nav pamata uzskatīt, ka būtiskais kaitējums attiecās uz nodarījuma papildus objektu tikai tādēļ, ka likumā norādīts uz “citām interesēm”.

Apkopojot rakstā izklāstītos teorētiskos argumentus, piedāvāju sekojošu formulējumu apdraudēto interešu konstatācijai noziedzīgu nodarījumu **pamatsastāvos** ar būtiska kaitējuma pazīmi: *intereses, kurām ir nodarīts būtisks kaitējums, ir noziedzīgā nodarījuma tiešajā objektā ietilpstošas, kā arī papildus objektos ietilpstošas, ja likumdevējs to īpaši noteicis.*

Noziedzīgu nodarījumu sastāviem, kuros būtisks kaitējums ir kvalificējoša papildus pazīme, piemērojams cits risinājums. Kvalificētam sastāvam raksturīgs tas, ka likumdevējs par nodarījumu, kurš izraisījis būtisku kaitējumu, nosaka ievērojami lielāku sodu, salīdzinot ar pamatsastāvā ietvertu nodarījumu. Sodu, kas paredzēts par pamatsastāvā paredzētas intereses apdraudējumu, ir iespējams diferencēt relatīvi noteikto sankciju ietvaros. Bet blakus interešu aizskāruma gadījumā nodarījuma kaitīgums var būtiski pieaugt. Līdz ar to *būtisks kaitējums kā kvalificēta noziedzīga nodarījuma sastāva pazīme norāda uz noziedzīga nodarījuma papildus objekta apdraudējumu.* Šī atziņa ir radusi apstiprinājumu judikatūrā un tiesību doktrīnā.

Atsauces

- ¹ Krimināllikums. 17.06.1998. likums/LV, 199/200 (1260/1261), 08.07.1998.; Ziņotājs, 04.08.1998.
- ² Krastiņš U. (2015). Krimināltiesību teorija un prakse. Viedokļi, problēmas, risinājumi 2009-2014. – Rīga: Latvijas Vēstnesis, 262. lpp.
- ³ Панов Н. (2016. gada 1.dec.). Оценочные понятия: методологические аспекты исследования и применения в уголовном праве. Вісник Асоціації кримінального права України. http://nauka.nlu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/12/01_Panov.pdf, c. 9.
- ⁴ Turpat.
- ⁵ Krastiņš U. (2014). Noziedzīga nodarījuma sastāvs un nodarījuma kvalifikācija. Teorētiskie aspekti. – Rīga: Tiesu namu aģentūra, 95. lpp.
- ⁶ Krastiņš U. (2015). Krimināltiesību teorija un prakse. Viedokļi, problēmas, risinājumi. 2009.-2014. – Rīga: Latvijas Vēstnesis, 262. lpp.

- ⁷ Krastiņš U. (2014). Noziedzīga nodarījuma sastāvs un nodarījuma kvalifikācija. Teorētiskie aspekti. Rīga: – Tiesu namu aģentūra, 94. lpp.
- ⁸ Liholaja V., Hamkova D. (2012. gada 10. janv.). Būtiska kaitējuma izpratne: likums, teorija, prakse. Iegūts 16.09.2017. no <http://www.juristavards.lv/doc/242455-butiska-kaitejuma-izpratne-likums-teorija-prakse/>
- ⁹ Latvijas Republikas Augstākās tiesas 2007. gada tiesu prakses apkopojums. Tiesu prakse krimināllietās: notiesājoši spriedumi – atceltu attaisnojošu spriedumu vietā, attaisnojoši spriedumi – atceltu notiesājošu vietā. Iegūts 17.09.2017. no <http://www.at.gov.lv/files/uploads/files/docs/summaries/2007/atceltie-spriedumi-2008.doc>
- ¹⁰ Krastiņš U. (1997. gada 21. marts). Par LR Krimināllikuma projekta normu uzbūvi. Iegūts 15.02.2019. no <http://www.juristavards.lv/doc/42694-jurista-vards/>
- ¹¹ Grozījumi Krimināllikumā. 13.12.2012. likums/LV, 202 (4805), 27.12.2012./ Stājas spēkā 01.04.2013.
- ¹² Grozījumi Krimināllikumā. 13.12.2012. likums/LV, 202 (4805), 27.12.2012./ Stājas spēkā 01.04.2013. Anotācija.
- ¹³ Grozījumi likumā “Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību”. 29.10.2015. likums/LV, 227 (5545), 19.11.2015./Stājas spēkā 03.12.2015.
- ¹⁴ Krastiņš U. (2009). Par vērtējuma jēdzieniem krimināltiesību normās. Grām.: Krastiņš U. Krimināltiesību teorija un prakse: viedokļi, problēmas un risinājumi 1998.–2008. – Rīga: Latvijas Vēstnesis, 51.–52. lpp.
- ¹⁵ Krastiņš U. (2002. gada 29. janv.). Par vērtējuma jēdzieniem krimināltiesību normās. <http://www.juristavards.lv/doc/58182-par-vertejuma-jedzieniem-kriminaltiesibu-normas/>
- ¹⁶ Latvijas Republikas Augstākās tiesas Krimināllietu departamenta 2017. gada 15. februāra lēmums lietā Nr. SKK-17/2017. <http://at.gov.lv/files/files/skk-17-2017.doc>
- ¹⁷ Tiesu prakse lietās, kurās noziedzīga nodarījuma sastāva pazīme ir būtisks kaitējums. Latvijas Republikas Augstākās tiesas 2018. gada apkopojums. Rīga. http://at.gov.lv/files/uploads/files/6_Judikatura/Tiesu_prakses_apkopojumi_/2018/Apkopojums_butisks%20kaitejums_15_03_2018.docx, 20. lpp.
- ¹⁸ Krastiņš U. (2014). Noziedzīga nodarījuma sastāvs un nodarījuma kvalifikācija. Teorētiskie aspekti. – Rīga: Tiesu namu aģentūra, 78. lpp.
- ¹⁹ Turpat, 89. lpp.
- ²⁰ Latvijas Republikas Satversmes tiesas 2012. gada 13. novembra sēdes stenogramma. http://www.satv.tiesa.gov.lv/wp-content/uploads/2016/02/2012-03-01_Stenogramma_1.pdf
- ²¹ Cilvēka tiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencija. 04.11.1950. starptautisks dokuments /LV, 143/144 (858/859), 13.06.1997.
- ²² Latvijas Republikas Augstākās tiesas 2015. gada 14. decembra lēmums lietā Nr.SKK-0486/15. <https://manas.tiesas.lv/eTiesasMvc/nolemumi/pdf/244070.pdf>
- ²³ Krastiņš U. (2012. gada 12. jūn.). Vērtējuma jēdzieni Krimināllikuma normās. <http://www.juristavards.lv/doc/248866-vertejuma-jedzieni-kriminallikuma-normas/>

- ²⁴ Liholaja V. (2007). Noziedzīgu nodarījumu kvalifikācija: Likums. Teorija. Prakse. Otrais papildinātais izdevums. – Rīga: Tiesu namu aģentūra, 23. lpp.
- ²⁵ Krastiņš U. (2000). Noziedzīgs nodarījums: mācību grāmata. – Rīga: TNA, 7. lpp.
- ²⁶ Tiesu prakse krimināllietās par kredīta un citu aizdevumu negodprātīgu saņemšanu un izmantošanu. Latvijas Republikas Augstākās tiesas 2012. gada tiesu prakses apkopojums. http://www.at.gov.lv/files/uploads/files/docs/petijumi/petijums_kl_210.pants.doc
- ²⁷ Tiesu prakse lietās, kurās noziedzīga nodarījuma sastāva pazīme ir būtisks kaitējums. http://at.gov.lv/files/uploads/files/6_Judikatura/Tiesu_prakses_apkopojum/2018/Apkopojums_butisks%20kaitejums_15_03_2018.docx
- ²⁸ Tiesu prakse krimināllietās par kredīta un citu aizdevumu negodprātīgu saņemšanu un izmantošanu. Latvijas Republikas Augstākās tiesas 2012. gada tiesu prakses apkopojums. http://www.at.gov.lv/files/uploads/files/docs/petijumi/petijums_kl_210.pants.doc
- ²⁹ Grozījumi Krimināllikumā. 08.06.2017. likums/LV, 124 (5951), 22.06.2017./ Stājas spēkā 01.01.2018.

Аннотация

Целью статьи является изучение проблем понимания понятия «существенный вред» в уголовном праве; проанализировать, правильно ли в правовой практике понимается компонент существенного вреда «значительная угроза другим интересам». Отсутствие единой точки зрения о содержании понятия определяет актуальность статьи. Для достижения цели статьи решены задачи:

- 1) рассмотреть историческое развитие регулирования существенного вреда в законе;
- 2) ознакомиться с видами существенного вреда в уголовном праве;
- 3) сравнить решения судов с основными позициями правовой доктрины;
- 4) сделать заявление о содержании понятия «значительная угроза другим интересам» как в рамках основных составов преступных деяний, так и в их квалифицированных составах.

Статья состоит из 5 частей: введение; другие охраняемые законом интересы; связь других охраняемых законом интересов с прямым объектом правонарушения; угроза другим охраняемым законом интересам как квалифицирующий признак; выводы. Новизна статьи связана с отсутствием исследований проблем существенного вреда в уголовном праве.

Выводы статьи заключаются в том, что судебная практика

не соответствует основным позициям правовой доктрины. В заключение автор предлагает следующую дефиницию находящихся под угрозой интересов в основных составах преступных деяний: интересы, которым нанесена серьезная угроза, являются прямым объектом преступного деяния, а также интересы, включенные в дополнительные объекты, если это определено законодателем.

Что касается определения находящихся под угрозой интересов в квалифицированных составах преступных деяний, то автор статьи формулирует следующий тезис: существенный вред как признак квалифицированного состава указывает на угрозу дополнительному объекту преступного деяния.

THE MEDIATION IN THE DOMESTIC VIOLENCE AS A WAY OF NON-JURISDICTIONAL CONFLICT RESOLUTION IN SPAIN

Dr. iur. José Antonio González-Costa, Spain

Abstract

The aim of this article is to expose, explain and examine the mediation in the domestic violence as a way to solve the problems without using the traditional methods as the court.

Many countries trust and use already the mediation as a methods to solve to conflicts between people and even in the personal relationship with positives results.

The EU, thought its Recommendation has advised that the mediation it is a really good way that very country should use to sorted out the problems even when there is cases of domestic violence and family matters, reflecting that the society should have this tools to fix the problems without going always to the court.

In order to research the objective and fulfill tasks set the research project, the applied methods during the research progress are the following: historical research, analytical, inductive, logical, systemical. Also the method of the analysis of literature, the comparative legal method and theoretical method of research to investigate, analyse and summarize information of publications.

The methods chosen are very important in analysing the development of the differents resolutions of several international organizations and Conventions, that shows the way chosen throught the years about mediation.

The logical and analytical method was used in order to study content of the different countries laws and its experiences how to solved problems with the mediation.

The overall object of this article “The mediation in the domestic violence as a way non jurisdictional of resolution of conflicts” is to show that its possible to use another alternatives ways to solve the conflicts not just in the civil cases but also in criminal cases and specially in family.

The main conclusion shows that, the mediation is a very useful tool in order to solve and to fix conflicts in many spheres as civil,

business, family, in criminal cases, as in the violence domestic. The mediator must to have a training before starts the activities, like the specific program in Latvia for it. Thus, the E.U. is trying to convince the European states that the mediation as a method should be applied in every country helping the traditional ways to resolve conflicts.

Keywords: mediation, domestic violence, Criminal Law, conflicts settlement, mediation subjects.

Introduction

Without any doubts the mediation is becoming increasingly important as a means of resolving conflicts in many areas, as in civil, commercial, social and criminal matters. To this last, the criminal law, we will refer in this article, valuing whether it is possible to go to the mediation in the criminal jurisdiction in matters of domestic violence or if is not possible to use mediation to solve the problems that are generated with this type of violence.

The physical or psychic aggression occurs when communication channels fail and mutual understanding is not possible. Both physical and psychic aggression represent an evil act, an attack against the person in his condition of human, against his personal integrity and against his freedom. Aggression is used as a means of subjugation to the victim, in such a way that making this violence, in the victim is generated a positive reaction to the demands of the aggressor, doing what the aggressor demands. The aggressions occur from the subject more strong to the weaker, regardless of their sex. Statistically man tends to use more physical violence and a woman more psychic.

As we know, mediation in cases of domestic or gender violence is banned in many countries of the European Union, so it should be wondered whether this prohibition is right and even if it is necessary.

The answer by the European doctrine and the judges themselves has been unanimous, in which I include myself, in the sense of favouring the general implantation of mediation in the criminal sphere, as a method of resolving disputes between individuals, out of the ordinary way as is that of the courts of justice.

Mediation in domestic violence

Domestic and gender violence is a problem that encompasses and integrates the family, their interpersonal relationships and the human being in the foreground, leaving the legal aspects in the back ground.

Likewise, the courts are full with criminalization of domestic quarrels that are lacking in penal relevance, which may be solved by alternative ways such as mediation to resolve personal conflicts in the area of the couple or domestic without go to court and at the same time, relieve the courts, filtering in part the cases that are relevant from the criminal point of view.

Mediation has many advantages, as are more personal and direct treatment than a court and can be employed at any judicial stage, before during and after the trial¹. As the main feature of mediation is the voluntary of it, that means, the parties must agree to mediation to resolve their conflict.

The use of mediation is a very important tool against any conflict and of course domestic violence, because it helps to calm the mood between the parties, it can be developing in several sessions, being able to managed the problems from a more personal point of view to get a solution, that is reflected in a agreement between the parties.

Also the mediator can be helped by other professionals, such as psychologists, psychiatrists and social workers, who provide solutions to the conflict from several points of view and educate and advise the parties in the personal field, to try that the violent acts not been repeated.

On the other hand, the courts of justice do not usually have these advantages, as we know the court try to put some measures to avoid repeat the violent facts and judge whether there has been any aggression and if such conduct is punishable and subsequently, proceed to impose a penalty.

So, there is no doubt that mediation is a more fast, personal approach and that has other ways to solving domestic violence problems.

As an example, in the case of divorces the parties may go to mediation when there has been no violence and both agree to submit to it. Unfortunately there is no culture of mediation as a method of resolution of conflicts, because traditionally it is attended to the court, often not only to discuss the conditions of divorce but also to try to

make the spouses the most damage possible each other. However the advantage of mediation is that if you can enter the personal field, not the traditional method as are the courts, and also mediation can come to know the matter at any time.

However, the mediation is criticized because its characteristic of the voluntary in its application, it is difficult, often, that the parties agree even for it or to appoint a mediator.

Another criticism is that the measurement cannot establish any penalty, as a method of punishment for illicit conduct or deterrence, and tends to think that the agreements reached by the parties are easily broken and that there is also no ways coercive to oblige their fulfillment.

The judges have noticed this problem and in many cases are the main advocates of mediation², defending the reduction of the litigiousness that has two main characteristics, the first one, that the litigation must be the “last ratio” of any conflict of interests and second, the litigiousness is clearly oversized and has a high cost: With this attitude we want to follow the guidelines or strategic lines marked by the Council of Europe in 2007 for its achievement and grouped under three major topics “availability, accessibility and awareness” problems that try to be solved through mediation.

Often the psychic or physical aggressions appear by a conjugal crisis and it is shown that statistically the greater number of cases of violence against the woman occurs during the coexistence, in the time of dating and even intimes very after the process of divorce.

However, I believe that there are cases when mediation has no place, or only after the judicial intervention as a repairing medium, which are in serious or very serious cases with physical or psychic aggression in situations of imbalance of power.

The Council of Europe on family mediation, by means of its recommendation³, states that the mediator will pay special attention to whether there has been violence between the parties or whether it can occur in the future, as well as the effects it may have on the situation of the parties to the negotiation and to examine whether, in these circumstances, the mediation process is appropriate.

In relation to other countries, Spain, has a slight delay in the application of mediation, seeing in the practice of the society of those countries where mediation is applied, an improvement in the resolution, are not so saturated the courts and has created a

consciousness a gradual of conflict resolution by non-legal means.

In countries such as Austria, the UK or Norway, many problems are solved, using mediation quite successfully. In other countries such as Spain, Germany or Italy should take note, in order to implement this new model, in which legal operators will take part in the gender violence procedure with evaluations, meetings and sessions with those involved, that would undoubtedly result in a notable decrease in cases of gender violence, by gradually educating society, contributing in the same way in the decongestion of the courts of violence, which will know practically the serious cases or very serious.

A big part of the doctrine, argues that mediation has a place in domestic violence and for example Jefimovs⁴ defends the implementation of mediation for any type of criminal dispute, also covering domestic violence.

Arangüena Fanego⁵ says it is essential that mediation is not essential to resolve conflicts of gender violence, making it a caveat and here I agree fully with the author⁶, in that only for cases where the facts are of slight entity, sporadic or occasional and in short those that are little serious.

Barona Vilar⁷, meanwhile defends the mediation in the field of gender violence, as an extrajudicial procedure in which both parties victim and aggressor voluntarily, undergo mediation as a means that solve their criminal conflict, proceeding to the reparation of the damage, the satisfaction of the victim and the fulfillment of the penalty imposed on the offender, indirectly benefiting the state to a much cheaper and fast way⁸.

In Spain the majority of the doctrine defends there vision of the law of violence in this sense being its application in both civil and penal fields.

On the other hand, Salvador Concepción, calls for a legislative homogenization at European level in which it has the same regulation, procedure and penalties and in which mediation plays an important role as and all this through a legislative directive, making Reference to the text of the Council of Europe Convention on the Prevention and control of violence against women and domestic violence.

On the other hand, Salvador Concepción⁹, calls for a legislative homogenization at European level in which it has the same regulation, procedure and penalties and in which mediation plays an important

role as and all this through a legislative directive, making Reference to the text of the Council of Europe Convention on the Prevention and control of violence against women and domestic violence.

In addition, the European Parliament and the Council on the European Protection Order which, in any Member State which is mentioned as a state of execution, have advanced with the adoption of the Directive 2011/99/UE of 13 December, an order of protection issued by another Member State-referred to as the issuing state-could be asserted without the need to initiate a new procedure for the execution and effectiveness of that order. Also the Directive 2011/36/UE of the European Parliament and of the Council on the Prevention and fight against the trafficking of human beings and the protection of the victims which, being circumscribed to the scope of the trafficking of human beings, typifies the infringements Related to this issue by establishing the minimum penalties that States will have to impose on the perpetrators, as well as regulating various issues such as their sanctioning regime or the measures of support and assistance for the victims. It concludes by leaving the door open both to mediation and to other means that try to homogenize and combine criteria in terms of gender violence.

We cannot forget that the mediator must be trained, have specific knowledge in law and have additional training in other fields, as is the case of Latvia and its “intermediation training program” for mediators¹⁰.

Conclusions

It is clear the need of mediation in domestic or gender violence to play a more relevant role, not only to address civilian issues but also criminal matters, but with the proviso that in the penal field it is in the case of mild cases in occasional assumptions and that are of little entity, since outside of these cases the problem of root could not be tackled, as is in the case of inequality, since such inequality avoids the dialogue and the consensus between both sides of real form. Mediation is an indispensable tool that helps to solve the problems, from a personal point of view being able to discover what are the causes that originate it and to proceed to propose ways for its solution. It also has the advantage that educative methods or measures for those involved in violent acts can be agreed not to happen again and

that in many cases they are due to a lack of education and culture in equality and mutual respect and consideration.

This is why, it is essential that mediation be supported by professionals, such as psychologists, social workers and psychiatrists who will rectify violent behaviors and educate in equality, based on dialogue as a way of solving problems.

The countries where mediation cannot be applied are the most conflicting and the most relapsing precisely because it prohibits such a personal and useful method as mediation, preventing access to other avenues of conflict resolution other than the traditional judicial.

It is essential for the mediation success that mediators receive specific training in order to provide solutions between the parties to the conflict.

References

- ¹ See Nikolajs Jefimovs, in his article “Valuations of security measures: The peculiarities of the application of mediation in the area of resolving criminal legal conflicts”. *Journal of Security and Sustainability Issues*. ISSN 2029-7017. 2018, volume 8, number 1.
- ² For example, GEMME (European Group of Magistrates for Mediation), in which there are currently more than 100 judges and associate magistrates and other persons, jurists or professionals relevant to the world of mediation. On the CGPJ website there is a public and free-access thematic area, which can be consulted by any citizen, on this subject with the map of the courts from which family mediation services are offered.
- ³ ion No. (98) 1 of the Council of Europe on family mediation in paragraph 3.9.
- ⁴ See Nikolajs Jefimovs, 2017, “Towards conflicts’ settlement: development of the meaning of mediation in the legal doctrine”. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 6(4):665-672. <http://doi.org/10.9770/jssi.2017.6.4> (11).
- ⁵ See chapter II of “Preventive measures for the resolution of disputes in criminal matters.” *Criminal mediation in the field of gender violence has the time come to consider its prohibition?* P. 145-162. Work carried out in the March of the research project of the national R + D + I Plan of the Ministry of Economy and Competitiveness (DER 2012-31549). The status of the victim. Proposals for the incorporation of European Union regulations.
- ⁶ See in its *Article Penal Law magazine*, ISSN 1576-9763, n°.26, 2009, pp. 20-21 *Criminal Law Magazine*, ISSN 1576-9763, n°.26, 2009, Editorial VLex, Valencia.
- ⁷ Baron Vilar S. *Penal Law Journal*, ISSN 1576-9763, n°. 26, 2009, pp. 25 and SS, Editorial VLex, Madrid.

- ⁸ Thus, Barona Vilar, S., “Criminal mediation as part of the system of penal guardianship in the 21st century. One more step towards resocialization and restorative justice”, in *Criminal Law magazine*, No. 26, January 2009, 11-53 and, of the same author, *criminal mediation*. Ed. Foundation, Ines and juridical regime, Valencia, 2011.
- ⁹ See Salvador Concepción R., *Gender violence in Spain United Kingdom, France and Italy a global concept?* P.136-161. Editorial Dyckinson, Madrid 2015.
- ¹⁰ See Nikolajs Jefimovs, in his article “Evaluations of security measures: The peculiarities of the application of mediation in the area of resolving criminal legal conflicts”. *Journal of Security and Sustainability Issues*. ISSN 2029-7017. 2018, volume 8, number 1.

Anotācija

Raksta “Mediācija lietās par vardarbību ģimenē kā konflikta ārpustiesas risinājuma veids Spānijā” mērķis ir iepazīstināt lasītāju ar jaunu pieeju konfliktu, kas saistīti ar vardarbību ģimenē, noregulēšanu ārpus tradicionālai lietas izskatīšanai tiesā, proti, pielietojot mediācijas metodi. Mediācija tiek samērā plaši izmantota arī civiltiesisko strīdu atrisināšanā uzņēmējdarbībā un citās jomās. Secināts, ka Eiropas Savienības valstīs mediācija jūtami atvieglo tiesu darbu, pieaug konflikta dalībnieku uzticēšanās šai inovatīvajai pieejai.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

*Магистр юриспруденции Перизат Ершикова,
Кокшетауский государственный университет
им. Ш. Уалиханова, Казахстан*

*Кандидат медицинских наук Маржан Мырзаханова,
профессор Кокшетауского государственного университета
им. Ш. Уалиханова, Казахстан*

Abstract

Conflict as a clash of opposing interests, opinions, attitudes, goals, and positions is one of the everyday phenomena inherent in human society. It may be different depending on its scale and vary in the range from domestic quarrel to geopolitical confrontation between nuclear powers. In this case, the conflict itself, in spite of the negative attitude of narrow-minded to it, is a rather neutral phenomenon, its positive and negative effects are associated not only with the conflict itself, as to the method of its settlement. At the same time, the rational settlement of the conflict, such as through a constructive dialogue, it becomes the driving force of human progress, it helps to get the relationship on a completely different level.

Keywords: conflict, collision, range, mediation, constructive dialogue.

Введение

На протяжении многих столетий человечество вырабатывало разные механизмы, стратегии и подходы к разрешению конфликтов. Сегодня наиболее распространенным и официально санкционированным государством способом разрешения конфликтов является судебное разбирательство. Правосудие, как и судебная система, превратилось в обязательный атрибут любого государства.

В данный момент в целях оптимизации уголовного процесса

применение медиативных процедур активизировалось во всех отраслях права, в том числе и в сфере уголовного производства. Медиация – процедура урегулирования спора (конфликта) между сторонами при содействии медиатора в целях достижения ими взаимоприемлемого решения, реализуемая по добровольному согласию сторон.

Сферой применения медиации являются споры (конфликты), возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, если иное не установлено законами Республики Казахстан. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан лицо, совершившее уголовный проступок или преступление небольшой или средней тяжести, не связанное с причинением смерти, подлежит освобождению от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим, заявителем, в том числе в порядке медиации (Закон о Медиации от 28.01.2011г.), и загладило причиненный вред.

В Астане и Кокшетау медиация осуществляется как профессиональными организациями медиаторов, так и непрофессиональными медиаторами. Количество прекращенных уголовных дел с заключением медиативных соглашений увеличивается с каждым годом. Если в 2011 г. таких дел было всего 2, то в 2017 г. их уже 18. В основном медиаторы проводили примирительные процедуры по фактам совершения хулиганств, краж и самоуправств. Наряду с указанными, имеются факты урегулирования конфликтов по совершенным половым преступлениям, неисполнению судебных решений. И этот перечень законодателем не ограничивается. К примеру, по факту кражи с продуктов питания из ТЦ «Метро» по соглашению сторон при участии профессионального медиатора между сторонами заключен договор о примирении. В результате чего 20.05.2017 г. производство по делу прекращено на основании ст. 37, ч. 1, п. 12 УПК Республики Казахстан. Более того, Уголовный кодекс предусмотрел возможность заключения медиативных процедур по тяжким видам преступлений в отношении отдельных категорий граждан (ч. 2 ст. 68 УК РК).

Вместе с тем, медиация не применяется:

- если споры (конфликты) затрагивают или могут затронуть интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации;
- к лицам, признанным судом недееспособными;
- когда одной из сторон спора является государственный орган;
- по уголовным делам о коррупционных преступлениях и иным преступлениям против интересов государственной службы и государственного управления.

В настоящей статье мы рассмотрим существующие процессы, модели и тенденции развития в этой сфере с нескольких позиций, где будет уделено особое внимание общим вопросам развития уголовного судопроизводства и примирительных процедур. Здесь будет сделана попытка выявления основных закономерностей в происходящих процессах и определены дальнейшие перспективы развития. Помимо этого, будут рассмотрены основные процедуры альтернативного разрешения споров (АРС) и механизмы их взаимодействия с судебной системой.

Научная новизна исследования состоит том, что данной работе комплексное исследование организации и медиации как способа урегулирования споров, также предполагается Республикой Казахстан позитивных тенденций развитию данного института.

Целью является исследование проблем регулирования медиации казахстанском законодательстве. Для указанной цели работой были следующие задачи:

1. Определить понятие особенности института медиации;
2. Изучить историю института медиации;
3. Анализ развития в и США;
4. правовое положение и элементы медиации;
5. Исследовать проблемы института медиации;

Обозначить возможные совершенствования института медиации.

Следует отметить, что судебная медиация как дисциплина для магистрантов включена в учебный процесс с 2013 г. на кафедре юриспруденции при Кокшетауском государственном университете им. Ш. Уалиханова, а также проводится повышение квалификации по базовому и специализированному

курсу медиации, по окончании которого выдается сертификат о прохождении курсов в объёме 72 часов с присвоением квалификации «Юрист-медиатор».

Краткий исторический анализ возникновения медиации

Согласно Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года одним из основных направлений совершенствования уголовно-процессуального права является постепенное введение новых институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда¹. Таким новым институтом является медиация (от лат. *mediare* – посредничать) – альтернативная форма разрешения конфликта с участием третьей нейтральной и беспристрастной стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать взаимоприемлемое соглашение по спору. Казахстанскому законодателю понадобился не один год, чтобы проанализировать и обобщить зарубежную правовую практику, изучить возможности применения медиации в специфических условиях многонациональной страны. На своем пути к совершенствованию правовой и образовательной системы молодой Казахстан обращается к опыту развитых государств и, после внимательного изучения, перенимает только то, что подходит для нашего государства. Институт медиации не стал исключением. Использование посредников для разрешения споров отмечается с древних времен, историки отмечают подобные случаи ещё в торговле финикийцев и Вавилоне. В Древней Греции существовала практика использования посредников (*proxenetas*), римское право, начиная с кодекса Юстиниана (530–533 н. э.), признавало посредничество. Римляне использовали различные термины для обозначения понятия «посредник» – *internunciatus*, *medium*, *intercessor*, *philantropus*, *interpolator*, *conciliator*, *interlocutor*, *interpres* и, наконец, *mediator*. В некоторых традиционных культурах к фигуре посредника относились с особым уважением и почитали наряду с жрецами или вождями племени. Медиация в её современном понимании стала развиваться во второй половине XX столетия, прежде всего, в странах англо-саксонского права – США, Австралии, Великобритании, после чего начала распространяться и в

Европе. Первые попытки применения медиации, как правило, касались разрешения споров в сфере семейных отношений. Впоследствии медиация получила признание при разрешении широкого спектра конфликтов и споров, начиная от конфликтов в местных сообществах и заканчивая сложными многосторонними конфликтами в коммерческой и публичной сфере.

Экспериментальные программы медиации с использованием добровольцев-медиаторов начались в США в начале 1970-х в нескольких крупных городах. Они оказались настолько успешными, что сотни других программ были проведены по всей стране в последующие два десятилетия, и в настоящее время практика медиации широко распространена в Соединенных Штатах.

Судебная практика США ориентирована на то, чтобы большинство споров разрешалось добровольно до суда, а судья может прервать суд и посоветовать сторонам поработать с медиатором. Без медиаторов в сфере экономики, политики, бизнеса в этой стране не проходит ни один серьезный переговорный процесс, выпускаются журналы, освещающие проблемы медиации. Существует Национальный институт разрешения диспутов, который занимается разработкой новых методов медиации, действуют частные и государственные службы медиации. Большое влияние имеет Американская арбитражная ассоциация (*American Arbitration Association*), которая утвердила свои Правила третейского разбирательства (арбитража) и медиации, используемые, в том числе, при рассмотрении внутренних споров.

К настоящему моменту растущее число европейских стран приняло законы о медиации между правонарушителем и потерпевшим.

В некоторых странах медиация упоминается в законах опосредованно, например, говорится о возможности возмещения, примирения или „принятия ответственности“ перед потерпевшим. Более того, в случаях, когда медиация упоминается в законах непосредственно, она описывается в общих словах. Это также предполагает, что правовые гарантии не содержатся в формальном законе, а, если они и существуют, то во второстепенных постановлениях или в прецедентах. Формальный закон часто не содержит информации о положении

и организации служб медиации или о статусе медиаторов².

Европейский Кодекс поведения медиаторов (*англ. European Code of Conduct for Mediators*) – свод этических правил посредников, разработанный группой профессиональных медиаторов при поддержке Европейской комиссии. Принят 2 июля 2004 года на конференции Европейской Комиссии в Брюсселе и одобрен профессиональными посредниками и лицами, интересующимися вопросами медиации. Этот Кодекс устанавливает ряд принципов, к которым может присоединиться любой медиатор на добровольной основе и под свою личную ответственность. Кодекс предназначен для применения во всех видах медиации по гражданским и коммерческим делам. Приверженность Кодексу не должна вступать в противоречие с национальным законодательством или правилами, установленными в отдельных профессиях³.

Исследование материала

Сформирована нормативно-правовая основа для внедрения и развития института медиации и в нашей стране. 28 января 2011 года в Казахстане принят, 5 августа введен в действие закон «О медиации»⁴. Одновременно с этим законом приняты и вступили в действие изменения и дополнения в Уголовный, в Уголовно-процессуальный и другие кодексы Республики Казахстан. 3 июля 2011 года постановлением Правительства Республики Казахстан утверждены Правила прохождения обучения по программе подготовки медиаторов⁵.

Согласно ст. 1 Закона Республики Казахстан «О медиации» сферой применения медиации являются споры (конфликты), возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, если иное не установлено законами Республики Казахстан, и отношения, возникающие при исполнении исполнительного производства. Процедура медиации не применяется к спорам (конфликтам), возникающим из отношений, указанных в ст. 1 Закона, в случае, если такие споры (конфликты) затрагивают или могут затронуть интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации,

и лиц, признанных судом недееспособными либо ограниченно дееспособными, а также по уголовным делам о коррупционных преступлениях и иным преступлениям против интересов государственной службы и государственного управления.

В уголовном процессе медиатором является независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами для проведения медиации в соответствии с требованиями закона. Медиатор вправе:

- знакомиться с информацией, предоставляемой сторонам медиации органом, ведущим уголовный процесс;
- знакомиться с данными об участниках уголовного процесса, являющихся сторонами медиации;
- встречаться с участниками уголовного процесса, являющимися сторонами медиации, наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности встреч в соответствии с уголовно-процессуальным законом⁶.

Целями медиации являются:

- достижение варианта разрешения спора (конфликта), устраивающего обе стороны медиации;
- снижение уровня конфликтности сторон. Основной задачей и отличительной особенностью медиации является построение общения на принципах сотрудничества и сохранение партнерских отношений. Эта процедура помогает сгладить эмоциональную напряженность и индивидуальные типологические различия, которые часто не позволяют сторонам урегулировать конфликт в ходе прямых переговоров.

Медиация проводится на основе принципов:

- добровольности;
- равноправия сторон медиации;
- независимости и беспристрастности медиатора;
- недопустимости вмешательства в процедуру медиации;
- конфиденциальности.

Опыт других стран подсказывает, что самыми необходимыми мерами по внедрению медиации в Казахстане являются пропаганда и законодательное закрепление этой процедуры. Как было сказано выше, сформирована нормативно-правовая основа для внедрения и развития института медиации. Отсутствие

информации для населения мешает развитию этого института. По словам некоторых медиаторов, практически не развивается уголовная медиация на стадии предварительного расследования. За 6 месяцев текущего года органами уголовного преследования прекращено по ст. 38, ч. 1 УК Республики Казахстан в порядке медиации всего 5 дел. Намного лучше выглядит статистика судебной уголовной медиации. Так, за тот же период судами с участием медиаторов рассмотрено 955 уголовных дел, \ или 10% от общего числа прекращенных судом дел⁷.

Современные тенденции уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан направлены на то, что гарантирование прав и свобод граждан, а также реализация конституционных принципов правосудия и уголовного процесса все больше опирается на направление защиты прав лиц, вовлеченных в орбиту процесса, на досудебные стадии. Несмотря на это, реализация принадлежащих этим лицам прав ставится в зависимость от усмотрения органов уголовного преследования. Тем более, данная проблема остро стоит по причине того, что обвиняемый, подозреваемый ограничены в свободах и действиях, которые они могли бы направить на свою собственную защиту. В новом УПК председательствующий в суде разъясняет подсудимому право на заключение процессуального соглашения, примирение с потерпевшим в предусмотренных законом случаях, в том числе в порядке медиации (ст. 358 УПК)⁸. Целесообразно дополнить Уголовно-процессуальный кодекс положениями, допускающими применение медиации на досудебной стадии процесса. Медиация на досудебной стадии может явиться основанием для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Таким образом, органы уголовного преследования также обязаны разъяснить сторонам право, основания и порядок примирения и обсудить вопрос о привлечении к делу профессионального медиатора⁹. Положение УПК об обязанности органа, ведущего уголовное преследование, создавать условия для примирения сторон в предусмотренных законом случаях, в том числе в порядке медиации, отвечало бы еще одному из основных направлений совершенствования уголовно-процессуального права, заключающемуся в упрощении и повышении эффективности уголовного процесса, в том числе упрощении порядка досудебного производства¹⁰.

Рассматривая вопросы обучения медиации в Казахстане, следует отметить, что после принятия Закона Республики Казахстан «О медиации» от 28 января 2011 года были разработаны *Правила прохождения обучения по программе подготовки медиаторов*, утвержденные Постановлением Правительства Республики Казахстан от 3 июля 2011 года за № 770.

Указанные *Правила прохождения обучения по программе подготовки медиаторов* (далее – *Правила*) разработаны в соответствии с пунктом 4 статьи 9 Закона Республики Казахстан от 28 января 2011 года «О медиации»¹¹ и предназначены для подготовки профессиональных медиаторов в сфере урегулирования споров (конфликтов), возникающих из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемых в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, и с выдачей соответствующих сертификатов. Согласно данным Правилам «Специализированный курс медиации» предназначен для лиц, прошедших «Общий курс медиации», для дальнейшей подготовки профессионального медиатора по конкретной специализации в общем объеме не менее 50 часов. Лица, получившие сертификат по учебной программе «Специализированный курс медиации», могут вести практическую деятельность в качестве медиатора на профессиональной основе, в том числе с конкретной специализацией, без права преподавания медиации.

Если обратиться к содержанию Примерного учебного плана по программе «Специализированный курс медиации», то видно, что *раздел «Особенности разрешения конфликтов по уголовным делам»* отводит на изучение данного вопроса всего 6 часов, в том числе 2 часа на лекции и 4 часа на практические занятия.

За прошедший период времени, начиная с 2011 по 2016 годы, в Казахстане прошли глобальные реформы в правовой сфере: были приняты новые редакции Уголовного¹² и Уголовно-процессуального Кодексов¹³, Административного Кодекса¹⁴, в связи с чем, *Правила прохождения обучения по программе подготовки медиаторов теоретически и морально устарели*. Опыт применения нового законодательства, как в сфере гражданского процесса, так и в уголовном процессе, показывает, что **программа обучения медиаторов в Казахстане требует кардинального изменения.**

Заключение

В настоящий момент необходимо решение вопросов по следующим направлениям:

1. В стране необходимо создание единого координирующего органа (именно координирующего, а не контролирующего), который мог бы заниматься разработкой новых стандартов обучения, постоянного повышения квалификации, проведения стажировки и ведения единых реестров медиаторов и тренеров медиаторов.

2. Внесение дополнений и изменений в существующие *Правила*, либо разработка новых *Типовых правил прохождения обучения по программе подготовки медиаторов*. Так, единые стандарты по направлениям станут теоретической основой для специалистов, а, следовательно, значительно улучшат условия для развития медиации в данной отрасли.

3. Внесение в *Правила* отдельных специально разработанных программ для судей, адвокатов, нотариусов, следователей и прокуроров с учётом новых тенденций в законодательстве. Так, например, с принятием новой редакции внесены концептуальные изменения в Конституционный Закон Республики Казахстан¹⁵ «О судебной системе и статусе судей», Законы Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности», «О нотариальной деятельности», «О медиации», в соответствии с которыми действующие судьи могут проводить процедуру медиации в зданиях судов в рамках рассматриваемых гражданских дел; адвокаты и нотариусы имеют право проводить на любой стадии спора (включая досудебную стадию) примирительные процедуры, к которым относится в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Казахстан медиация.

4. Изучение зарубежного опыта показывает, что главной целью проведения медиации в уголовном процессе является сохранение социальной стабильности в обществе, а сама процедура ориентирована в рамках восстановительного правосудия на установление отношений между потерпевшим и обвиняемым (подозреваемым) в совершении преступления. В Казахстане главная проблема отсутствия повсеместного развития медиации в уголовном процессе – это мотив, как для его участников, так и для должностных лиц, задействованных

в расследовании и надзоре за ним (дознателя, следователя, прокурора), в соответствии с которым виновное (или подозреваемое) лицо может уйти от ответственности (или от правосудия). Общественное мнение настаивает на неотвратимом наказании для виновного лица. Система отчётности, на которую делали упор при производстве уголовных дел, включая графу «количество дел, прекращенных путем медиации», не может служить основанием для более интенсивного развития медиации в стране.

5. В зарубежной поездке в Нидерланды казахстанской делегации в рамках программы Совета Европы в октябре 2015 года был показан наглядный пример ориентированности не на освобождение от уголовной ответственности подозреваемого (или обвиняемого) лица, а на правовую характеристику отдельных прав или, например, на то, насколько потерпевший будет безопасно чувствовать себя в этой стране. Если взять за основу развития медиации в уголовном процессе именно этот вектор *правового положения и социальной уязвимости потерпевшего лица*, то он должен быть главным, то есть, необходимо **изменить саму концепцию медиации в уголовном процессе в Казахстане** и сделать потерпевшее лицо *в медиации* в уголовном процессе главным лицом, задаваясь целью продумывать дальнейшую его судьбу с учетом неотвратимости наказания, морально-психологических аспектов, таких, как: страх, уязвимость членов семьи потерпевшего лица, уверенность в будущем (отсутствие мести со стороны обвиняемого в отношении потерпевшего и членов его семьи), то есть разработать новую *Концепцию восстановительного правосудия*, когда потерпевшая сторона будет знать о неотвратимости наказания для подозреваемого (или обвиняемого лица) и в то же время – о возможности установить мост для переговоров о компенсации материального и морального вреда, причиненного противоправными действиями.

6. Для достижения данных целей *восстановительного правосудия* необходимо разработать специальную *Программу обучения для каждой категории участников той или иной стадии уголовного процесса*. Например, помимо основ теории переговорного процесса и классической процедуры медиации изучать специальную технику ведения переговоров – как с

потерпевшей стороной, так и с подозреваемой в отдельности, в результате которых будут учтены интересы каждой стороны. Если это программа для судей, то она должна быть ориентирована на достижение согласия между лицами в уголовном процессе и в то же время – на неотвратимость наказания. То есть, наказание может быть и должно быть после проведения процедуры медиации, но не обязательно в виде лишения свободы. Это могут быть общественные работы или обязательство сделать что-либо полезное для общества (построить собственными силами какой-то объект – детскую площадку, посадить деревья в определенном количестве, участвовать в уборке территории, либо работы на вредном производстве, тяжелый физический труд и т. д.), при этом проживая с семьей, без изоляции от общества.

7. Медиация в уголовном процессе должна быть составляющей частью пробационного контроля. В этом случае нужна специальная программа для лиц, работающих в сфере пробации и уголовно-исполнительного наказания. Параллельно необходимо обучать социальных работников, которые могли бы успешно работать с лицами, над которыми установлен пробационный контроль, с одной стороны, и с потерпевшими лицами, которые относят себя к уязвимым слоям населения после совершенного против них противоправного деяния, с другой стороны.

8. Для работников органов прокуратуры и Министерства внутренних дел программа должна включать в себя следующие вопросы: ведение переговоров в кризисных ситуациях («тяжёлые переговоры»); техника работы с задержанным лицом в поисках вариантов возмещения материального и морального вреда потерпевшему лицу; изменение психологии, ориентированной на раскаяние перед потерпевшим лицом; работа в группах (командой) для обсуждения вариантов дальнейшего расследования совершенного преступления либо предотвращения его совершения. В данной программе должны изучаться все инструменты профессионального переговорщика для способности урегулирования не столько спорных, сколько конфликтных ситуаций как предупреждение совершения более тяжкого противоправного деяния либо исключения рецидива преступления в дальнейшем. Отсутствие поддержки

в развитии медиации со стороны правоохранительных органов объясняется ориентированностью на неотвратимость наказания для лица, совершившего преступление, без учета интересов потерпевшей стороны. Например, в случае кражи, умышленной порчи имущества, уничтожения имущества, в иных случаях хищения либо утраты имущества, а также преступно-небрежного отношения к обязанностям для потерпевшего, возможно, *важнее не наказать виновное лицо, а восстановить утраченное или повреждённое имущество, а также доверие*, либо публично услышать признание вины в содеянном, принесение извинения за содеянное или получение материальной или моральной компенсации, либо совершение определенных действий, выполнение определённого вида работ (в том числе и публичных, общественно-полезных и т. д.), которые могли бы быть приняты как компенсация не только материального, но морально-психологического характера. То есть, данная программа должна быть ориентирована на обучение основам медиации восстановительного характера, а также предупреждающего характера как профилактика совершения более тяжкого преступления, как направление профилактики рецидивов преступлений в будущем.

9. Отдельная программа должна быть разработана для ювенальной юстиции. Этот раздел может быть ориентирован на восстановительный и предупреждающий подход к подросткам, совершившим правонарушения различной тяжести. Возможно, следует предусмотреть вопросы взаимодействия и параллельной работы с родителями трудных подростков, попавших в поле зрения правоохранительных органов, а также с родителями детей, которые стали жертвами правонарушений (преступлений).

10. Для нотариусов достаточно знания общих теоретических основ медиации, так как нотариус не является участником гражданского или уголовного процесса и может проводить примирительные процедуры в отношении лиц, обратившихся к нему за юридической помощью, либо участников нотариально удостоверенной ранее им сделки с целью исключения обращения с иском в суд¹⁶.

11. **Для адвокатов необходимо разработать две профильные программы обучения:** первая – для проведения примирительных

процедур в гражданском процессе и вторая – проведение примирения, а также участие в процедуре медиации в уголовном процессе. Так, в гражданском процессе с учетом внесенных в действующее законодательство изменений адвокат в Казахстане имеет право без обращения в интересах доверителя в судебные инстанции проводить примирительные процедуры, к которым относится и медиация. Более того, по результатам проведения таких примирительных процедур адвокаты могут в интересах своего доверителя заключить соглашение об урегулировании гражданского правового спора. Данное соглашение в случае его неисполнения (или уклонения от исполнения одной из сторон) может быть рассмотрено в упрощенном (письменном) производстве единолично судьёй без вызова сторон в суд. Для адвоката более важно научиться договариваться с оппонентом, так как профессиональный отпечаток адвоката носит ярко выраженный характер защитника, то есть лица, которое борется за справедливость в интересах подзащитного или доверителя при любых обстоятельствах (виновности или невиновности). Таким образом, принцип состязательности сторон адвокатами воспринимается буквально в условиях модернизации судебной системы и ориентированности на восстановительный подход, как к гражданским правовым спорам, так и к ведению уголовных дел, а медиаторами воспринимается как серьёзное препятствие в развитии медиации в стране. Возможно, имеет смысл ввести специальную процедуру примирения в уголовном процессе с обязательным участием адвокатов, аналогично партисипативной процедуре в гражданском процессе (либо предусмотреть проведение партисипативной процедуры – переговоров между адвокатами в уголовном процессе в рамках уголовного дела) с установлением *специального процессуального срока для проведения процедуры*. Например, если один адвокат, представляя интересы потерпевшей стороны, настаивает на неотвратимости наказания, то адвокат подозреваемого (или обвиняемого) лица будет настаивать на невиновности своего подзащитного. Налицо конфликт интересов между двумя адвокатами. Если обучать адвокатов в рамках *Концепции восстановительного правосудия* и ориентировать на нарративный (восстановительный) подход в уголовном процессе, где главным лицом является потерпевшее лицо, а не подозреваемое (обвиняемое), то социальная

значимость такого подхода приведет к тому, что каждый из адвокатов будет задумываться: что важнее для его подзащитного (потерпевшего по делу) – наказание подозреваемого (обвиняемого) либо возможность раскаяния и компенсации, то есть удовлетворения, сатисфакции в глазах общественности, а самое главное – безопасность и отсутствие элемента мести и агрессии во взаимоотношениях между участниками уголовного процесса, что в целом окажет влияние на стабильность в отношениях в обществе.

12. В вопросах пропаганды медиации, а также в рамках обучающих программ среди населения в стране необходимо исходить из принципа целесообразности или полезности для общества в целом: предупреждения преступности или рецидива преступлений, раскаяния перед потерпевшим и моральное удовлетворение процедурой восстановительного характера, *возможности компенсировать нанесенный правонарушением (преступлением) имущественный и моральный вред*, полезности общественных работ или обязательств осуществить проект собственными средствами (уборка, строительство, озеленение и т.д.) и главное – дальнейшей безопасности потерпевшего лица и членов его семьи¹⁷.

Ссылки

- ¹ Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года // «Казахстанская правда» от 27.08.2009 г., № 205 (25949).
- ² Медиация в США. Медиация в Европе // <http://ru.wikipedia.org>
- ³ Европейский кодекс поведения медиаторов <http://ec.europa.eu/>
- ⁴ Закон Республики Казахстан о медиации от 28 января 2011 года № 401-IV // «Казахстанская правда» от 05.02.2011 г., № 42-43 (26463-26464).
- ⁵ Постановление Правительства Республики Казахстан от 3 июля 2011 года № 770 Об утверждении Правил прохождения обучения по программе подготовки медиаторов // «Казахстанская правда» от 09.2011 г., № 294-295 (26685-26686).
- ⁶ Жакупов Ж.А. Анализ развития медиации в Казахстане // www.mpc-info.kz
- ⁷ Там же.
- ⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231 // «Казахстанская правда» от 10.07.2014 № 133 (27754).
- ⁹ Каа С.А., Мырзаханова М.Н. Сот медиациясы: Теория және практика. Монография: Көкшетау, 2018.

- ¹⁰ Мухамадиева Г.Н., Баяндина М.О. Институт медиации в уголовном процессе. Вестник КазНУ, серия юридическая. Алматы, 2015; Мырзаханова М.Н., Кузнецов А.В., Тулегенов Ш.Б. Основы юридической конфликтологии и медиации. Кокшетау, 2016.
- ¹¹ Пункт 4 изложен в редакции закона РК от 31.10.2015 г. №378-V (введен в действие с 01.01.2016).
- ¹² Уголовный кодекс РК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2018).
- ¹³ Кодекс РК, УПК РК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2018).
- ¹⁴ Кодекс РК «Об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2018).
- ¹⁵ Конституционный закон РК от 25.12.2000 г. №132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.12.2017 г.).
- ¹⁶ Закон РК от 14.07.1997г №155-1 «О нотариате» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.07.2018 г.).
- ¹⁷ Закон РК от 28.01.2011г №401-V «О медиации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.10.2015 г.); Раисова Б. Медиация в уголовном процессе: новые тенденции в практике и в обучении. Астана, 2016; Мырзаханова М.Н., Мырзаханов Е.Н. Медиация и право. Монография. 2014.

Anotācija

Raksts veltīts mediācijas piemērošanas procesam, tendencēm un perspektīvai, īpaši akcentējot kriminālprocesa pilnveides un samierināšanas procedūras iespējas. Rakstā apkopota informācija par Kazahstānas Republikas vēsturisko pieredzi mediācijas procesa ieviešanā, kā arī analizēti ASV un Eiropas Savienības valstu panākumi šajā procesā. Analizēts mediācijas ieviešanas normatīvi tiesiskais pamats un procedūras īstenošanas pamatnoteikumi Kazahstānas Republikā. Mediācijas tiesiskā regulējuma un piemērošanas prakses civilprocesā un kriminālprocesā analīze ļauj secināt, ka nepieciešama mediācijas regulējuma pilnveide, kā arī jāturpina mediatoru apmācība, ieviešot nepieciešamās korekcijas izglītības programmās.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНОСТРАННЫХ ПЕРЕВОЗЧИКОВ ПРИ НЕЗАКОННОМ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА ТОВАРОВ, ГРУЗОВ, ПРЕДМЕТОВ И ПАССАЖИРОВ

*Доктор права Савва Маймеску,
доцент кафедры публичного права
Государственного университета Молдовы, Молдова*

Abstract

The author analyses from a general legal point of view the cases in which the international foreign carriers of goods, loadings, objects, passengers can be liable when committing breaching of customs rules or customs crimes, thus differentiating the forms of liability which might appear in these cases. Moreover, the author determines and separates each form of legal liability in part, through the applicability of the customs legal practice, also by indicating the effective mechanism of applying the legal sanctions to the subjects who have committed breaching of customs rules or customs crimes.

Keywords: legal entity, foreign carrier, customs border, state border, legal liability, smuggling, international delict, international crime.

Введение

Практическая деятельность таможенных органов Республики Молдова подтверждает, что в целях перевозки товаров, грузов, предметов, пассажиров через таможенную границу государства применяются единицы транспортных средств, зарегистрированные на таможенной территории Молдовы и принадлежащие Республике Молдова, а также транспортные средства, зарегистрированные на таможенной территории стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) и Европейского Союза.

Специальная статистика, составленная таможенными органами Молдовы, подтверждает, что в целях перемещения товаров, грузов, предметов, пассажиров через таможенную границу государства применяется в основном автомобильный транспорт, за ним следуют воздушный, железнодорожный и водный транспорт¹. Иностранные транспортные средства, прибывшие на таможенную территорию Молдовы для осуществления перевозки товаров, грузов и их доставки по месту назначения, указанному в документах международного характера, в качестве правовой основы руководствуются международными конвенциями², международными соглашениями³, сторонами которых являются государства, признавшие и ратифицировавшие отраслевые международные конвенции и соглашения.

Цель статьи заключается в комплексном изучении действующего в настоящее время правового регулирования механизма по осуществлению таможенного контроля и пропуска через таможенную границу государства специализированных транспортных средств, осуществляющих международную перевозку товаров, грузов, предметов, ценностей и пассажиров, находящихся на таможенной территории Республики Молдова в режиме международного таможенного транзита.

Задачи исследования состоят в выявлении признаков таможенных правонарушений, таможенных преступлений, других преступлений, которые могут быть совершены международными перевозчиками во время осуществления перевозки товаров, грузов, предметов, ценностей, пассажиров через таможенную границу, а также в процессе непосредственного перемещения через таможенную границу национального государства.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при перемещении через таможенную границу государства транспортных средств, единицы транспортных средств, перевозящие товары, грузы, предметы, ценности, пассажиров, находящиеся на территории Республики Молдова в международном таможенном транзите.

Предметом исследования являются нормы таможенного права и нормы публичного права, определяющие и устанавливающие виды юридической ответственности, к которой могут быть

привлечены юридические лица, находящиеся на таможенной территории Республики Молдова в правовом режиме международного таможенного транзита.

Методами исследования являются: исторический метод, сравнительный метод использован при исследовании действующего таможенного законодательства Республики Молдова и сопредельных государств; метод анализа данных практики правоохранительных органов по раскрываемости таможенных правонарушений и таможенных преступлений; метод сбора и обобщения информации по вопросам, связанным с существующими каналами контрабанды на территории стран Европейского Союза.

Правовые нормы, предписанные отраслевыми международными конвенциями и соглашениями, начинают действовать в отношении к иностранным перевозчикам товаров, грузов, предметов, пассажиров во время и на момент перемещения транспортных средств через линию государственной и, соответственно, таможенной границы государства, с территории которого первоначально были загружены товары, грузы, подлежащие международной перевозке по соответствующему маршруту до страны получения товара. При въезде/ввозе на таможенную территорию национального государства иностранные перевозчики товаров, грузов, предметов, пассажиров после пересечения ими демаркационной линии государства обязаны предоставить официальным властям государства – пограничной полиции паспорта, другие документы для идентификации личности лиц, которые управляют транспортными средствами. Проверка паспортного режима, пограничного режима в отношении пассажиров, пересекающих государственную границу, осуществляется в строгом соответствии с правовыми нормами, указанными в отдельном Законе Республики Молдова о государственной границе⁴. Проверка транспортных средств, товаров, предметов, ценностей, денежных средств, багажа, принадлежащих пассажирам, пересекающим таможенную границу, так же, как и личный багаж, денежные средства, принадлежащие транспортным служащим, выполняющим рейсы по поставке грузов, доставке пассажиров, осуществляется работниками таможенных органов государства. Так, согласно ст.

114 Таможенного кодекса Республики Молдова, транспортные служащие при въезде на контрольно-пропускном пункте (КПП) обязаны останавливать управляемый ими транспорт в строго отведенных местах, обозначенных таможенным органом⁵. Эта же норма таможенного права указывает, что если лицо, управляющее транспортным средством, въезжающим на КПП, не соблюдает и не выполняет требование по полной остановке транспортного средства, то государственному служащему таможенного органа дано право на принудительную остановку транспортного средства, а действия лица, управляющего транспортным средством, признаются неправомерными, и лицо привлекается к административной ответственности в виде штрафа⁶.

Административную ответственность, включенную в Таможенный кодекс Республики Молдова (ТК РМ), законодатель определил и подразделил на два вида и в отношении двух субъектов. Так, законодатель Молдовы при разработке и принятии ТК РМ определил 52 нормы таможенных правонарушений, совершаемых пассажирами при перемещении через таможенную границу государства, включив их в главу «Таможенные правонарушения»⁷. За совершение нарушений таможенных правил, указанных в ст. 230 ТК РМ, законодатель предусматривает привлечение пассажиров к административной ответственности в виде штрафа в условных единицах, выраженных в молдавских леях. При разработке и принятии Кодекса о правонарушениях Республики Молдова (КоП РМ) законодатель включил в КоП РМ в отдельной юридической норме права «Таможенные правонарушения»⁸, сформулировав при этом 16 норм – видов таможенных правонарушений, в соответствии с которыми необходимо привлекать к административной ответственности пассажиров в случаях допущения либо совершения ими таможенных правонарушений.

Из проведенного сравнительного анализа юридической правовой нормы, указанной законодателем Молдовы в ст. 230 ТК РМ на момент его принятия «Виды нарушения таможенных правил» и соответственно ст. 287 КоП РМ «Нарушения таможенных правил» констатируем, что по 36-ти видам нарушения таможенных правил, включенных на

момент принятия в действующем ТК РМ, физические лица не могут быть привлечены к административной ответственности. Более того, практическая деятельность таможенных органов Молдовы устанавливает случаи совершения таможенных правонарушений как пассажирами, так и юридическими лицами, в особенности – иностранными перевозчиками товаров, грузов, предметов, пассажиров, однако они не были привлечены к административной ответственности, поскольку в ст. 287 Кодекса о правонарушениях Республики Молдова нет чёткого и конкретного определения таможенно-правовой нормы, из-за несоблюдения или нарушения которой лица могли бы быть привлечены к административной ответственности.

Наряду с пассажирами, которые перемещаются через таможенную границу государства, законодатель предусматривает и признаёт в качестве субъекта административной ответственности и юридическое лицо⁹. При этом следует подчеркнуть, что законодатель не даёт четкого определения понятия юридического лица хотя бы в общем плане, но лишь указывает, что им могут быть предприятия, учреждения, организации, созданные в соответствии с законодательством, находящиеся на территории Республики Молдова¹⁰, что вызывает недопонимание со стороны работников таможенных органов в случаях того или иного оформления таможенно-процедурных документов по факту совершения таможенного правонарушения, либо выявления и документирования таможенных преступлений.

Согласно действующему таможенному законодательству Республики Молдова юридические лица, которые имеют место регистрации и нахождения на таможенной территории Молдовы, как и иностранные юридические лица, имеющие временное нахождения или регистрацию на таможенной территории государства, либо иностранные лица, находящиеся в международном таможенном транзите, в случаях совершения ими нарушения таможенных правил привлекаются к административной материальной ответственности. Виды и перечень таможенно-правовых норм, из-за нарушения которых привлекаются к административной ответственности юридические лица – как зарегистрированные на таможенной территории Молдовы, так и те, которые временно находятся

либо перемещаются через территорию государства, определены законодателем в отдельной юридической норме – ст. 231 ТК РМ¹¹. Административная ответственность в виде материального наказания из-за совершения юридическим лицом таможенного правонарушения налагается как основной вид санкции в виде штрафа, выраженного в процентном соотношении от стоимости товара либо предмета, признанного или являющегося орудием совершения таможенного правонарушения. В качестве основной административной санкции, применяемой в отношении юридических лиц, совершивших нарушение таможенных правил в сфере внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) государства, законодатель предусмотрел и альтернативную административную санкцию. Так, из 24-х таможенных правонарушений, указанных в ст. 231 ТК РМ, законодатель в шести таможенно-правовых нормах включил наряду с административным штрафом в виде материального наказания и альтернативное административное наказание в виде конфискации товара, предметов, имущества, признанного орудием совершения таможенного правонарушения. Наряду с основным видом административного наказания, налагаемого на юридические лица, совершившие нарушения таможенных правил в сфере ВЭД государства, законодатель включил в ТК РМ и дополнительные административные санкции. Так в качестве дополнительных административных санкций, налагаемых на юридические лица, совершившие нарушение таможенных правил на территории Республики Молдова, законодатель признает отзыв свидетельства о правовой деятельности юридического лица, включив данный вид административной санкции в 8 из 24-х видов нарушения таможенных правил, совершаемых юридическими лицами, указанные законодателем в ст. 232¹² ТК РМ.

Правоприменительная практика таможенных органов Республики Молдова показывает, что юридические лица, нарушившие правила осуществления международного таможенного транзита, наряду с административной ответственностью они могут быть привлечены ещё к следующим видам юридической ответственности:

- гражданско-правовой ответственности,
- уголовно-правовой ответственности и
- международно-правовой ответственности.

Как подтверждают многочисленные таможенно-процедурные документы, оформляемые сотрудниками Таможенной службы Республики Молдова, гражданско-правовая ответственность возникает в случае, когда определенное юридическое лицо национального государства не исполнило или ненадлежащим образом исполнило договорные обязательства по международному договору о перевозке товаров, грузов по месту назначения, конкретно указанному в сопроводительных документах международного характера. Согласно международной товарно-транспортной накладной – *CMR* специализированный международный перевозчик, который выполняет свои договорные обязательства как юридическое лицо, обязан доставить полученный под роспись международный груз получателю груза по конкретному адресу, указанному в пункте 24 международной товарно-транспортной накладной. В этом же пункте 24 международной товарно-транспортной накладной перевозчик должен указать письменно конкретное время, когда прибыл по указанному месту назначения для выгрузки перевозимого груза, когда конкретно была окончена выгрузка груза с указанием периода времени выгрузки груза с точностью до минут, и только после заверения печатью получателя груза накладной на полученный груз предоставить 4-й экземпляр международной товарно-транспортной накладной в адрес отправителя груза для получения расчетов на международную перевозку груза. В случаях недоставки груза по месту назначения, указанному в международной товарно-транспортной накладной, если груз полностью был подвергнут таможенной очистке, международный перевозчик может и должен быть привлечён к гражданско-правовой ответственности, исходя из гражданско-правовых норм, указанных в договоре о международной перевозке груза. Если груз, ввозимый международным специализированным перевозчиком, не был подвергнут таможенной очистке, не был доставлен на внутреннюю таможню и не был доставлен по месту назначения на склад получателя груза, то международный перевозчик груза будет привлечён как к гражданско-правовой ответственности, так и к административно-правовой ответственности из-за допущенных им правонарушений.

Уголовно-правовая ответственность в отношении

международного перевозчика товаров наступает только в случае, если международный перевозчик, пользуясь его правовым статусом, определенным международными конвенциями и соглашениями, перевозит незаконным способом через таможенную границу государства грузы, предметы, сокрытые им в специально изготовленных тайниках, установленных в транспортных средствах, либо применяет в этих целях пустотелые пространства транспортных средств, либо переоборудовал конструктивные особенности транспортных средств таким образом, чтобы в полученных ёмкостях, помещениях стало возможным скрыть от таможенного контроля грузы, товары, предметы при перемещении через таможенную границу государства. Высказанное автором данной статьи мнение и разработанная концепция подтверждается практическими процедурными документами по конкретным делам о контрабанде, имеющим материальный предмет – рога сайгаков, оформленные Леушенской таможней Республики Молдова.

Рассмотрим конкретный пример. Турецкая международная автотранспортная компания «Н.М.» осуществляла систематические перевозки продовольственных товаров из Турции на территорию Российской Федерации, проезжая международным транзитом через таможенную территорию Республики Молдова, а на обратном пути ввозила в Турцию лесоматериал. В одном из очередных рейсов, когда грузовой автомобиль возвращался из Российской Федерации, водитель автомобиля гражданин Турции Т.И. предоставил таможенному контролю Леушенской таможни Республики Молдова товаросопроводительные документы на груз «Овечьи шкуры», который был загружен не в г. Воронеж, куда был доставлен перевозимый им груз из Турции, а в г. Джекказган Республики Казахстан. Это насторожило работников таможни, которые приняли решение об осуществлении тщательного таможенного контроля в отношении как грузового автомобиля, так и на перевозимый им методом международного транзита груз. В процессе таможенного досмотра грузового автомобиля таможенники установили, что к днищу грузового полуприцепа двумя металлическими ремнями был прикреплен металлический бак под видом топливного бака, который не был зарегистрирован

в техническом паспорте грузового полуприцепа автомобиля. Предполагая, что в металлическом баке может находиться не дизельное топливо, а место сокрытия для провоза контрабандного груза, таможенные служащие настояли на выгрузке груза и открытия доступа к дополнительному баку, что водители грузового автомобиля выполнили. Когда перевозимый груз был выгружен, таможенные служащие выявили в днище грузового помещения полуприцепа вырезанное окошко размером 80x120 см, через которое проникли внутрь дополнительного топливного бака, в котором были сокрыты от таможенного контроля около 7 тысяч рогов сайгака. По данному факту таможенными работниками в адрес международного грузового перевозчика – водителей автомобиля было возбуждено уголовное дело по контрабанде, предусмотренной действующим таможенным и уголовным законодательством Республики Молдова¹³. (Дела о контрабанде рогов сайгаков были выявлены и оформлены автором статьи – Маймеску С.Г., начальником отдела по борьбе с контрабандой и нарушениями таможенных правил Леушенской таможни Республики Молдова).

В данном случае необходимо было возбудить уголовное дело не только в отношении водителей, которые сокрыли рога сайгаков в специально изготовленном ими тайнике под видом топливного бака, но и в отношении самого юридического лица, которое допустило к международной перевозке товаров грузовой автомобиль, в котором был оборудован специально изготовленный тайник, предназначенный для контрабандного провоза товаров, грузов и других ценностей, что противоречит действующим в таможенном праве международным конвенциям и соглашениям.

Правоприменительная практика таможенных органов Молдовы, так же, как и соседних государств, подтверждает неоднократные случаи, когда международные перевозчики товаров, грузов, предметов, в том числе и пассажиров, в процессе исполнения ими международных договорных обязательств по доставке груза, товаров, имущества, пассажиров по месту назначения, указанному в подписанных ими международных договорах, нарушают предписания международных договоров, из-за чего они могут быть привлечены к юридической международно-правовой ответственности. Юридические

энциклопедические источники указывают, что международная юридическая ответственность может наступать при совершении производными субъектами международного права как международных правонарушений, так и международных преступлений, однако они не дают ни определения, ни понятия международного правонарушения, международного преступления, не говоря об их правовой классификации¹⁴. Эти же источники международные правонарушения подразделяют на международные деликты и преступления международного характера, а особо тяжкие международные правонарушения, затрагивающие жизненно важные интересы всех государств, выделяют в категорию международных преступлений¹⁵.

Таможенно-правовая деятельность, проводимая на территории Молдовы, а также на территории сопредельных государств, подтверждает, что юридическая ответственность в отношении иностранного перевозчика грузов, товаров, пассажиров может наступать только тогда, когда они совершили неправомерные действия либо неправомерное бездействие, т. к. международные перевозчики обязаны обеспечивать перевозку в точном соответствии с требованиями договорных обязательств, вытекающих из международных договоров, которые они применяют при осуществлении перевозки на международной арене в целях доставки перевозимых грузов, товаров, пассажиров по месту назначения. Исходя из изученных нами таможенных и иных документов, находящихся в архивах приграничных таможен, КПП необходимо сделать вывод о том, что международные правонарушения должны быть определены и подразделены по следующим видам и направлениям:

- международные правонарушения, совершаемые в сфере экологии (загрязнение атмосферного воздуха и в целом окружающей среды);
- международные правонарушения, совершаемые в сфере экологии;
- международные правонарушения, совершаемые в международной транспортной сфере;
- международные правонарушения, совершаемые в таможенной сфере государства.

Вышеперечисленные нами виды международных правонарушений, встречаемые в таможенно-правоприменительной практике

таможенных органов Молдовы, безусловно, могут быть оспорены научными работниками из сферы международного публичного и частного права, однако в целях подтверждения предложенной нами классификации приведём ряд случаев из практической деятельности таможенных органов Молдовы.

Пример. Международная авиатранспортная компания загрузила на борт транспортного самолёта партию груза, состоящую из 40 тонн тротила, крупнокалиберные пулеметы, гранатомёты, ракеты класса «Земля-воздух», осуществляя вылет из г. Вильнюс, следуя через воздушное пространство Республики Беларусь, Украины, Молдовы, Турции, г. Стамбул, откуда самолет взял курс на Китай. После вылета из г. Пекин, самолёт взял курс на Таиланд, для того чтобы доставить перевозимый им груз в г. Санна, Народная Демократическая Республика Йемен. По прибытии в аэропорт Бангкок полиция Таиланда арестовала как самолёт, так и весь экипаж, состоявший из граждан Казахстана, Грузии, Украины, по факту совершения контрабанды оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ на воздушном транспорте, возбудив при этом уголовное дело в отношении членов экипажа авиатранспортного самолета¹⁶.

Из приведённого нами примера следует, что авиатранспортная компания, кроме оружия, ракет, боеприпасов, на которые были составлены недостоверные товаросопроводительные документы международного характера, которые послужили основанием для возбуждения таиландской полицией уголовного дела о контрабанде боевого оружия, авиатранспортной компанией на начальном этапе был допущен целый ряд международных правонарушений в сфере осуществления международной воздушной перевозки. Правонарушения состояли в нарушении правовых норм, отраженных в международных источниках, применяемых при осуществлении перевозки товаров, грузов, предметов, пассажиров на воздушном транспорте. Так, в частности, юридическое лицо – производитель взрывчатого вещества – не осуществило маркировку взрывчатки, подготавливая ее к воздушной перевозке, а авиатранспортная компания, принимая на борт транспортного самолёта 20 тонн взрывчатки, не обратила внимание, что взрывчатка не маркирована специальными знаками, как того требует международная конвенция, подписанная 1 марта 1991 года в г.

Монреаль, Канада¹⁷. Видимо, исходя из оценки степени особой опасности для национального государства груза, перевозимого на воздушном судне, таиландская полиция и решило арестовать как воздушное судно с грузом, так и весь экипаж самолёта, привлекая их к уголовной ответственности.

Практика таможенных органов Молдовы, а также практика граничащих и соседних государств Молдовы подтверждает, что субъектами юридической ответственности могут стать не только иностранные юридические лица, осуществляющие международную перевозку товаров, грузов, предметов, но и иностранные юридические лица, осуществляющие международные перевозки пассажиров, их багажа и имущества.

Пример. Руководство автотранспортных компаний, специализирующихся на международных перевозках пассажиров, тщательно изучило таможенное законодательство стран, через которые их автобусы с пассажирами проезжали методом международного транзита, осуществляя доставку в конечный пункт международного маршрута. Учитывая, что между Республикой Молдова и Румынией, так же как и между Молдовой и Болгарией существовали весьма заниженные таможенные пошлины для прохождения автомобилей методом международного транзита, руководство компаний добилось через коррумпированных должностных лиц таможенных органов Молдовы официального получения молдавских технических паспортов и соответствующих регистрационных номеров с символикой Республики Молдова на принадлежащие им турецкие автобусы; регистрационные номера были прикреплены к автобусам. В результате оперативно-розыскных действий, проведённых офицерами Таможенной службы Республики Молдова, было установлено, что с молдавскими техническими паспортами и государственными регистрационными номерами Молдовы турецкие автобусы проезжали по таможенной территории Молдовы, Румынии, Болгарии, и как только турецкие автобусы пересекали демаркационную линию государственной границы Болгарии с Турцией, автобус останавливался под аварийной сигнализацией, второй водитель турецкого автобуса выскакивал из автобуса, в считанные секунды снимал молдавские номера и устанавливал на их место достоверные турецкие регистрационные номера. Далее автобус следовал

по международному маршруту уже на территории Турции, с государственными регистрационными номерами Турции. При следовании этих же автобусов из г. Стамбул в Молдову автобусы имели прикрепленные к ним турецкие регистрационные номера, и водители автобусов меняли турецкие номера на молдавские после прохождения таможенного контроля Турции, за линией пограничного контроля, но перед государственной границей Турции с Болгарией, находясь еще на территории Турции. Применяя незаконно полученные молдавские технические паспорта и государственные регистрационные номера на турецких автобусах, турецкие международные автотранспортные компании избегали оплаты установленной таможенным законодательством Болгарии таможенной пошлины. За один проезд автобуса с турецкими регистрационными номерами методом международного транзита по таможенной территории Болгарии в один конец болгарские таможенные службы взимали проездную таможенную пошлину в сумме 1250 \$ США. Тот же турецкий пассажирский автобус, по его возвращении в Турцию, оплачивал суму 1250 \$ США, для того чтобы проехать методом международного таможенного транзита через территорию Болгарии в Турцию. Проведенными расчётами было установлено, что в результате применения вышеописанной схемы турецкие компании на протяжении примерно 1,5 лет избежали оплаты таможенной проездной пошлиной в бюджет Болгарии в сумме более 15 миллионов \$ США¹⁸.

Исходя из приведённого нами примера, устанавливаем, что турецкие международные автотранспортные компании умышленно и осознанно совершили действия на таможенной территории Молдовы, преследуя цель незаконного получения молдавских технических паспортов и регистрационных номерных знаков для турецких автобусов, нарушая тем самым требование международной Конвенции о международном дорожном движении, подписанной 1 октября 1968 г. в г. Вена, Австрия, которая чётко и ясно предписывает, что автотранспортное средство, допущенное на международную перевозку грузов, пассажиров должно быть зарегистрировано только в одном государстве¹⁹. Следовательно, руководство турецких автотранспортных компаний совершило один из видов международного правонарушения, предусмотренного

в международном транспортном праве, вследствие чего они должны были быть привлечены к юридической ответственности по законодательству Турции, вплоть до отзыва лицензии на международные перевозки пассажиров.

Что касается замены турецких регистрационных номерных знаков на молдавские номерные знаки и осуществления международного пассажирского транзита по территории Болгарии с целью неуплаты согласно законодательству Болгарии таможенных пошлин, водители автобусов могли быть привлечены к юридической уголовной ответственности по действующему на тот момент времени законодательству Болгарии²⁰, однако таможенные служащие Болгарии не смогли выявить существующую турецкую схему по уходу от уплаты таможенных пошлин в сумме 15 миллионов долларов США в бюджет Болгарии.

Международная правоприменительная практика таможенных органов подтверждает, что международные правонарушения, в том числе и международные преступления, совершаются и морскими международными перевозчиками товаров, грузов, предметов, пассажиров в случаях перевозки грузов, полученных для перевозки морским путем от отправителя к получателю.

Пример: Международный морской перевозчик, зарегистрированный в морском порту г. Одесса, Украина, загрузил на борт морского грузового корабля «А. Яковенко» в речном порту «Джурджулешты» Республика Молдова, 3500 контейнеров с сигаретами, которые согласно товаросопроводительным документам международного характера обязался доставить в морской порт г. Александрия, Египет. Проплывая вдоль государственной морской границы Болгарии в ночь с 5-го на 6-е июня 2010 года, корабль остановился в пределах вод государственной морской границы Болгарии, а через некоторое время к морскому торговому кораблю стали подплывать быстроходные речные суда, на которые экипаж морского судна стал перегружать небольшими партиями сигареты. При очередной перегрузке партии сигарет с морского судна на речные суда внезапно к морскому грузовому кораблю подплыли быстроходные катера пограничной охраны Болгарии, которые задержали с поличным корабль и весь экипаж грузового морского корабля²¹.

При проведении обыска на украинском морском грузовом корабле, на котором находились сигареты, произведенные в Республике Молдова под торговым коммерческим знаком иностранного государства, работники правоохранительных органов Болгарии обнаружили среди товаросопроводительных документов международного характера и схему передвижения маршрута корабля до территориальных вод Болгарии, место остановки грузового корабля, а также конкретную схему расположения таможенных постов Болгарии на суше с указанием на ней пути и направления обхода таможенных постов Болгарии, включая место выгрузки сигарет на подпольных складах, находящихся на территории Болгарии, за пределами полосы государственной границы Болгарии. Однако таможенным органам Болгарии удалось предотвратить нелегальный ввоз в страну одной из крупнейших партий сигарет со времён существования Болгарского государства, и если бы болгарской таможенной службе не удалось пресечь провоз сигарет, то болгарскому бюджету был бы нанесен ущерб в виде неуплаты таможенных платежей на сумму 12 млн. евро²².

Приведённый нами пример демонстрирует, что морской международный перевозчик изначально нарушил международные правила, касающиеся прохода морского грузового судна Украины вдоль демаркационной линии морской государственной границы Болгарии и вхождения в территориальные воды Болгарии без ведома и без согласования болгарских властей, за что морской международный перевозчик Украины должен был быть привлечён, на наш взгляд, к международно-правовой ответственности, предусмотренной соответствующими Конвенциями, определяющими порядок плавания по водам Черного моря²³. Кроме допущения международного правонарушения, украинский международный грузовой морской перевозчик совершил, на наш взгляд, преступление, вступая в сговор с болгарскими контрабандистами, которые по заранее составленному плану ждали грузовой корабль Украины для перегрузки и переправки на морской берег Болгарии сигареты, изготовленные в Республике Молдова, за что командира грузового морского корабля необходимо было привлечь к уголовной ответственности из-за соучастия в совершении контрабанды сигарет, произведённых в Республике Молдова.

Описанный выше пример подтверждает, что морской международный перевозчик грузов, товаров, предметов, ценностей может допустить и совершить как совокупность международных правонарушений, так и совокупность таможенных преступлений, других видов преступлений, в том числе и преступлений международного характера.

Пример: В разгар военного конфликта, возникшего между Грузией и Южной Осетией в августе 2008 года, Правительство Турции отправило на морских грузовых кораблях партии гуманитарного груза для грузинского населения, находящегося в зоне боевых действий. Однако, исходя из проведённого анализа видеoinформации, под видом гуманитарного груза было отправлено боевое оружие, вооружение и боеприпасы к ним, что никак не подпадает под понятие гуманитарной помощи. Правительство Турции не имело никакого правового основания в международном плане для оказания подобной военной помощи Правительству Грузии²⁴.

Констатируем в данной ситуации, что турецкий международный морской перевозчик грузов совершил одно из преступлений международного характера – контрабанда боевого оружия, а также незаконная поставка оружия стране, находящейся в военном конфликте²⁵.

Международная практика морского права подтверждает также, что международный морской перевозчик товаров, грузов, пассажиров может совершить международное правонарушение, в том числе и преступление, однако, вследствие отсутствия надлежащих международно-правовых норм административного характера, а также уголовно-правовых норм международного характера в определённых сферах, противоправные действия, совершаемые международными морскими перевозчиками товаров, грузов, имущества, пассажиров за пределами национального государства, где морские корабли зарегистрированы и аккредитованы, не могут составлять правовую основу для привлечения их к юридической ответственности не только в национальном плане, но и в международном масштабе.

Пример: Европейский Союз объявил экономическое эмбарго Ирану. Оказавшиеся в экономической блокаде иранские морские международные перевозчики в целях осуществления

международной морской перевозки стали изыскивать всяческие возможности для доставки грузов в Иране вплоть до совершения правонарушения. Так, определенная часть морских грузовых кораблей, имеющая постоянную приписку в Ираке, переоформила технические документы и регистрационные бортовые номера, в том числе и наименование морских кораблей, водрузив на корабли государственный флаги других государств. Так, по поступившей видеоинформации, в течение 2012 года были зафиксированы 11 морских грузовых танкеров, выполнявших международные морские перевозки в морские порты Ирана, на которых был водружён государственный флаг Республики Молдова²⁶.

Проводя проверку регистрации и приписки морских кораблей к Республике Молдова, работники прессы установили, что Республика Молдова после распада СССР не имела ни одного морского корабля, поскольку не имела территориального выхода к Чёрному морю, но к 2009 году, в связи с открытием речного порта «Джурджулешты», построенного на стыке реки Прут с рекой Дунай и размером не более 600 метров, в считанные дни были зарегистрированы несколько морских кораблей, которые на самом деле не являлись морскими кораблями Республики Молдова, но которые были выявлены специальной комиссией ООН в морских портах Ирана, о чем сообщило официально гражданское общество²⁷.

Впоследствии органы Генеральной Прокуратуры Республики Молдова при проверке имеющегося в наличии водного транспорта государства установили, что в кратчайшие сроки под юрисдикцией Республики Молдова было зарегистрировано очень большое количество морских кораблей: число их к 2014 году составляло 469 кораблей, о чём проинформировало Правительство Республики Молдова, т. е. о случаях осуществления международной морской перевозки грузов морскими грузовыми кораблями, не зарегистрированными в Республике Молдова, а также о случаях незаконной регистрации морских кораблей в Молдове, потребовав принятия срочных мер в целях устранения допущенных ошибок по фиктивной регистрации и приписке иностранных морских кораблей к Республике Молдова.

Обобщение

Из предписания действующего уголовного законодательства Республики Молдова следует, что специализированные международные перевозчики товаров, грузов, предметов, пассажиров, совершившие таможенные преступления либо другие смежные составы преступлений, привлекаются к уголовной ответственности и применяются следующие виды наказаний: денежный штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью; ликвидация юридического лица, что в отношении юридических лиц, зарегистрированных на таможенной территории Республики Молдова, не составляет особой сложности.

Сложности привлечения к уголовной ответственности возникают в отношении иностранных международных перевозчиков. Сложности выражаются в невозможности исполнения вынесенных в адрес юридических лиц судебных приговоров, поскольку юридический адрес и место нахождения иностранного перевозчика находится за пределами таможенной территории Республики Молдова. В связи с этим судебные приговоры по делам о контрабанде либо другим преступлениям, вынесенные судебными органами Республики Молдова, могут становиться реально неисполнимыми.

В целях исполнения судебных приговоров, вынесенных судебными органами Республики Молдова в адрес иностранных международных перевозчиков товаров, грузов, пассажиров по делам о совершении ими таможенных преступлений, необходимо, на наш взгляд, внести в срочном порядке дополнения в действующее таможенное и уголовное законодательство Молдовы.

По мнению автора статьи, для решения вышеперечисленных проблем необходимы изменения законодательства Республики Молдова, которые позволили бы наложить арест на провозимый иностранным перевозчиком груз, товар, либо имущество, а также и на транспортное средство, применяемое при транспортировке международных грузов, при условии, если данный транспорт был признан средством сокрытия или перемещения контрабанды через таможенную границу Республики Молдова.

Ссылки

- ¹ См.: ст.16-19 Закона Республики Молдова о транспорте № 1194, принятого 21.05.1997. Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 067 от 16.10.1997.
- ² См.: п. 2-6 Международной Конвенции о договоре международной купли – продажи товаров, подписанной в г. Вена 11.04.1980 г., к которой Республика Молдова присоединилась Постановлением Парламента Республики Молдова № 115-XIII, 20.05.1994, в действии на территории Республики Молдова с 01.11.1995.
- ³ См.: ст. 5 Международной Конвенций о договоре международной дорожной перевозки грузов, подписанной в г. Женева, 19.05.1956, к которой Республика Молдова присоединилась Постановлением Парламента Республики Молдова № 1318-XII от 02.03.1993.
- ⁴ См.: ст.ст.7-10 Закона Республики Молдова о государственной границе № 215 от 04.11.2011, в силе с 01.07.2012 г. Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.76-80 от 20.04.2012.
- ⁵ Ст. 114 ч.(2) Таможенного кодекса Республики Молдова, принятого 20.07.2000, вступившего в законную силу с 23.12.2000. Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 160-162, 2000.
- ⁶ Ст. 247 п. 1) Кодекса Республики Молдова о правонарушениях, принятого Парламентом Республики Молдова 24 октября 2008, в действии с 31 мая 2009. Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 3-6 от 16.01.2009.
- ⁷ Ст. 230 Таможенного кодекса Республики Молдова, принятого 20.07.2000, вступившего в законную силу с 23.12.2000. Monitorul Oficial al Republicii Moldova от 01.01.2007.
- ⁸ Ст. 287 Кодекса Республики Молдова о правонарушениях, там же.
- ⁹ Ст. 1 п. 6) Таможенного кодекса Республики Молдова, принятого 20.07.2000, вступившего в законную силу с 23.12.2000. Monitorul Oficial al Republicii Moldova от 01.01.2007.
- ¹⁰ Ст. 1 п. 7) Таможенного кодекса Республики Молдова, принятого 20.07.2000, вступившего в законную силу с 23.12.2000. Monitorul Oficial al Republicii Moldova от 01.01.2007.
- ¹¹ Ст. 231 Таможенного кодекса Республики Молдова, там же.
- ¹² Ст. 232 Таможенного кодекса Республики Молдова, там же.
- ¹³ Материалы дела о контрабанде № 511/95. Архив Леушенской таможни Республики Молдова, 1995 г.
- ¹⁴ Барихин А.Б. Большой Юридический энциклопедический словарь, 2-е издание, переработанное и дополненное – Москва: Книжный Мир, 2008, с. 337 (791 с.).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: «В Таиланде задержан самолет с 40 тоннами оружия на борту». <http://www.1tv.ru/news/world/144915> (сайт посещён 20.12.2012 г.).
- ¹⁷ См.: ст. 3-7 Международной Конвенции о маркировке пластиковой взрывчатки в целях ее обнаружения, подписанная 1 марта 1991 в г. Монреале, Канада, к которой Республика Молдова присоединилась Постановлением Парламента Республики Молдова № 766-XIII от 06.03.1996 г.

- ¹⁸ См.: Папка «Încălcarea regulilor vamale de către transportatorii internaționali de pasageri». Архив Леушенской таможни Республики Молдова, 1995 г.
- ¹⁹ См.: ст. 3-7 Международной Конвенции о дорожном автомобильном сообщении, подписанной 08.11.1968, в действии с 20.10.1980, к которой Республика Молдова присоединилась Постановлением Парламента Республики Молдова № 766-ХІІІ от 06.03.1996 г.
- ²⁰ Ст. 242 (е) Уголовного Кодекса Болгарии, принятого 01.05.1968 г.
- ²¹ Информация была передана по центральным видеоканалам средств массовой информации 6-8 июня 2010 г. <http://www.customs.gov.md/> (сайт посещён 15 июня 2010 г.).
- ²² См.: Экономическое обозрение «Логос-Пресс», № 33 от 11.06.2010 г.
- ²³ См.: Моисеев С. Морской флаг Молдовы. Экономическое обозрение «Логос-Пресс», № 29 от 20.08.2004г.
- ²⁴ Информация передана по видеоканалам средств массовой информации Республики Молдова, Украины, Российской Федерации. <http://www.publika.md/> (сайт посещён 20 августа 2008 г.).
- ²⁵ См.: ст. 248 ч.(5) и ст. 290 ч.(2) Уголовного Кодекса Республики Молдова, принятого Парламентом Республики Молдова в соответствии с Законом № 985 от 18.04.2002. Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 72-74 от 14.04.2009.
- ²⁶ См.: «США пригрозил Молдове санкциями». http://www.noi.md/ru/news_id/15235 (сайт посещён 28 сентября 2014 г.) Информация была сообщена по видеоканалам, в средствах массовой информации, и в некоторых газетах, изданных в Республике Молдова.
- ²⁷ <http://www.publika.md/> „Timp de șase ani, Republica Moldova și-a mărit de zece ori flota comercială și a ajuns printre liderii din regiune”, 2014 г. (сайт посещён 30 сентября 2014 г.).

Anotācija

Rakstā analizēta ārvalsts juridiskās personas preču, kravu, priekšmetu, pasažieru pārvadātāja, juridiskās atbildības īpatnības Moldovas Republikā. Atbildības juridiskās analīzes ietvaros rakstā aplūkoti likumpārkāpumu, proti, noziedzīgu nodarījumu, administratīvās atbildības, civiltiesiskā kaitējuma un starptautisko sankciju problemātika muitas jomā.

Moldovas muitas tiesību prakses izpētes ietvaros norādīti katra juridiskās atbildības veida piemērošanas raksturīgākie piemēri, atsevišķi akcentējot to priekšnoteikumus, normu interpretācijas īpatnības, nodarījumu izpausmes veidus un nodarījumu novēršanas efektīvizēšanas mehānismus preču, kravu, priekšmetu, pasažieru pārkāpumu jomā, kā arī citu noziedzīgu nodarījumu jomā, ja tie izdarīti valsts muitas teritorijā.

POLICIJAS TIESĪBU APAKŠNOZARE

POLICIJAS DARBĪBAS PRINCIPI POLICIJAS TIESĪBĀS

*Dr. iur. Aleksandrs Matvejevs,
Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes
Tiesību katedras asociētais profesors, Latvija*

Abstract

The author of the article study problems of enforcement and implementation of principles in activities of police and mechanisms of implementation of principles in activities conducted by police. Its mean that the operations of the police shall be organised observing lawfulness, humanism, human rights, social justice, transparency and an undivided authority, and relying on the assistance of the public. The police shall protect the rights and lawful interests of persons irrespective of their citizenship, social, economic and other status, race and nationality, gender and age, education and language, attitude towards religion, political and other convictions. The police, by its operations, shall ensure the conformity with the rights and freedoms of persons. Restriction of such rights and freedoms shall be permitted only on the basis of law and in accordance with procedures specified in law. Author discloses the meaning and content of the principles of the organization and activities of the police, enshrined in the law. The authors also stress out particular disadvantages of law "On Police" and make suggestions how to improve it.

Keywords: police activities, principle, police law.

Ievads

Likuma „Par policiju”¹ 5. panta pirmā daļa nosaka, ka policijas darbība tiek organizēta, ievērojot likumību, humānismu, cilvēka tiesības, sociālo taisnīgumu, atklātumu, vienvadību un balstoties uz iedzīvotāju palīdzību.

Svarīgākā pētāmā jautājuma problēma ir tā, ka likuma „Par

policiju” 5. panta pirmā daļa nav pārskatīta kopš tās stāšanās spēkā 1991. gada 4. jūnijā. Tomēr šie principi būtu jāvērtē kopsakarībā ar 2003. gada Valsts pārvaldes iekārtas likumā² noteiktajiem valsts pārvaldes principiem. Izvērtējama būtu arī nepieciešamība iekļaut likumā „Par policiju” autentisku policijas darbības principu interpretāciju, jo esošajā redakcijā principi ir skaidroti tikai dažreiz.

Ņemot vērā augstāk minēto, *pētījuma mērķi* ir apkopot un analizēt policijas darbības principus un noskaidrot to interpretācijas iespējas.

Mērķa sasniegšanai jāizpilda šādi *pētījuma uzdevumi*: apskatīt policijas darbības principu tiesisko regulējumu, veikt policijas darbības principu skaidrojumu.

Pētījuma objekts: policijas darbības principu nozīme policijas darba pilnveidē.

Pētījuma priekšmets: policijas darbības principu tiesiskais regulējums.

Pētījums mērķa sasniegšanai izmantotas šādas *zinātniski pētnieciskās metodes*: analītiskā metode – analizējot policijas darbības principu normatīvo regulējumu, kā arī analizējot to būtību; induktīvā un deduktīvā metode – izdarot secinājumus par policijas darbības principiem un to pilnveidošanas nepieciešamību.

Pētījuma zinātniskā novitāte ir saistīta ar to, ka, analizējot policijas darbības principus, tiks identificētas problēmas, izvirzīti priekšlikumi tiesiskā regulējuma pilnveidošanai.

Policijas darbības principu raksturojums

Juridisko terminu vārdnīcā vārds tiesību principi (lat. *principum* – pamats, pirmsākums) tiek skaidrots kā tiesību normā izteiktās galvenās idejas, kas raksturo tiesību būtību un specifiskās īpatnības (kārtības, brīvības, likumības, miera, kompromisa, humānisma, demokrātisma, taisnības un atbildības par vainu, uzticības u. c. principi). Tie iedalās vispārējos, nozaru un starpnozaru principos. Vispārējie principi – galvenās pamatidejas, kas atklāj tiesību kā sabiedrisko attiecību regulatora īpatnības kopumā. Nozaru principi – galvenās idejas, kas raksturo konkrētas tiesību nozares (administratīvās tiesības, policijas tiesības u. c.). Starpnozaru principi – galvenās idejas, kas attiecas uz radniecīgām tiesību nozarēm³.

Policijas darbības principiem ir sena vēsture⁴, bet būtībā tie nosaka policijas pārvaldes organizācijas un darbības pamatnoteikumus. Tie

parasti ir tiesību principi, taču par policijas darbības principiem var atzīt arī vadības zinātnes principus, piemēram, policijas darbības efektivitātes⁵ un pat ētikas principus, piemēram, Valsts policijas ētikas kodeksā⁶ noteiktos ētikas pamatprincipus. Par policijas darbības principiem var uzskatīt gan plaši atzītus vispārējos tiesību principus, piemēram, tiesiskuma principu, tiesiskās vienlīdzības principu, samērīguma principu, gan arī tādus tiesību principus, kas ir raksturīgi tieši policijas tiesībām.

Policijas darbības principi var būt noteikti normatīvajos tiesību aktos, taču policijas darbībā var būt nozīmīgi arī tiesību aktos neminēti tiesību principi, kuri tiek atklāti, atvasināti un attīstīti, piemēram, policijas taktikas⁷ vai tiesu prakses ietvaros, kā arī tiesību zinātnes ieteikti principi.

Tātad saskaņā ar likuma „Par policiju” 5. panta pirmajā daļā noteikto policijas darbība tiek organizēta, ievērojot likumību, humānismu, cilvēka tiesības, sociālo taisnīgumu, atklātumu, vienvadību un balstoties uz iedzīvotāju palīdzību⁸.

Analizēsim šos principus. *Likumība* ir likumu un citu normatīvo aktu stingra, precīza un vienveidīga ievērošana un izpildīšana visu valsts iestāžu, amatpersonu, sabiedrisko organizāciju un personu darbībā. Likumības ievērošanu nodrošina iestādes, piemēram, valsts kontrole, prokurora uzraudzība, kā arī šādas juridiskās garantijas: likumdošanas aktu pilnveidošana, tiesībpārkāpumu profilakse, juridiskā atbildība, atklātība tiesvedības procesā un iestāžu darbībā u. c.

Ar likumību cieši saistīta:

1) likuma virsvadība – likuma vadošā loma normatīvo aktu sistēmā; likumam jāatbilst arī tiesību realizācijas aktiem – piemērošanai, ievērošanai, izpildīšanai un izmantošanai;

2) vispārība – normatīvais regulējums ir vienots visā valsts teritorijā un attiecas uz visiem subjektiem;

3) lietderība – nozīmē stingru, likuma robežās nepieciešamu optimālo variantu izvēli tiesību jaunrades un tiesību realizācijas procesā;

4) realitāte – tiesību priekšrakstu faktiskās izpildes nodrošināšana, atbildības par nodarīto pārkāpumu nenovēršamība⁹.

Humānisms (lat. *humanus* – cilvēcis) ir:

1) Uzskatu sistēma, kuru caurstrāvo mīlestība, cieņa pret cilvēku, indivīdu, personību, rūpes par viņa labklājību. Par augstāko

vērtību atzīst cilvēku, viņa dzīvi un dzīvību, aizstāv cilvēka tiesības pilnvērtīgi attīstīt personību, viņa tiesības uz brīvību, laimi un cieņu;

- 2) Sociālpolitiskās darbības ideāls, kas ietver rūpes par cilvēku materiālo un garīgo labklājību, sociālo taisnīgumu;
- 3) Atskaites sistēma politisku, sociālu, ekonomisku u. c. mērķu, darbības norišu, pārkāpumu vērtējumā, kas noliedz un atmasko šauru pašmērķību un nerēķināšanos ar cilvēku, viņa īpatnībām un interesēm¹⁰.

Likuma „Par policiju” 5. panta otrā daļa nosaka vienlīdzības principu, proti, policija aizsargā personu tiesības un likumīgās intereses neatkarīgi no to pilsonības, sociālā, mantiskā un cita stāvokļa, rases un nacionālās piederības, dzimuma un vecuma, izglītības un valodas, attieksmes pret reliģiju, politiskās un citas pārlicības.

Cilvēka tiesības – cilvēktiesību ievērošanas jeb cilvēktiesību aizsardzības princips ir cieši saistīts gan ar tiesiskas valsts principu, gan demokrātijas principu, jo mūsdienās par modernu demokrātisku un tiesisku valsti var uzskatīt tikai tādu valsti, kurā tiek nodrošināta cilvēktiesību ievērošana. Cilvēktiesību ievērošanas pienākums ir noteikts arī Latvijas Republikas Satversmes 89. pantā, proti, valsts atzīst un aizsargā cilvēka pamattiesības saskaņā ar Latvijas Republikas Satversmi, likumiem un Latvijai saistošiem starptautiskiem līgumiem¹¹. Cilvēktiesības modernā demokrātijā un tiesiskā valstī ir jāievēro visiem valsts varas atzariem, visām valsts institūcijām, tātad – arī policijai.

Cilvēktiesību ievērošanas princips rada trīs pamatpienākumus:

- 1) Ievērot (šaurā nozīmē), jeb respektēt cilvēktiesības, proti, pienākumu atturēties no iejaukšanās attiecīgajās tiesībās.
- 2) Aizsargāt cilvēktiesības, proti, pienākumu aizsargāt attiecīgās tiesības no citu privātpersonu iejaukšanās tajās.
- 3) Nodrošināt cilvēktiesību īstenošanu, proti, pienākumu veikt konkrētus aktīvus, pozitīvus pasākumus attiecīgo tiesību īstenošanā.

Policijas darbinieki pārāk bieži uzskata cilvēktiesības par šķērslī, nevis par sava darba pamatprincipu. Attīstītā sabiedrībā policiju uzskata par pakalpojuma sniedzēju, nevis spēku. Šis viedoklis iekļaujas tādas demokrātiskas valsts jēdzienā, kas pamatojas uz tiesiskumu un respektē cilvēktiesības¹². Šis viedoklis atbilst policijas darbības tradicionālajiem mērķiem, piemēram, sabiedriskās kārtības

uzturēšana un noziegumu novēršana¹³. Cilvēktiesībās balstīta policijas darbība demokrātiskā sabiedrībā ir nozīmīga saistībā ar policijas īpašo monopolu spēka pielietošanā, kas vienmēr ietver profesionālismu, striktu atbilstību likuma prasībām, iekšēju un ārēju atbildību, pārskatāmību, uzticēšanās pilnu sabiedrības atbalstu.

Pienākums ievērot cilvēktiesības nozīmē to, ka policijas darbiniekiem ir pienākums aizsargāt cilvēktiesības, proti, veikt konkrētus organizatoriskus un operatīvus pasākumus, lai garantētu cilvēktiesību izmantošanu. Tas ir pienākums aizsargāt cilvēktiesības no jebkuriem draudiem, tostarp draudiem, kas rodas starppersonu attiecībās. Piemēram, konstatējot vardarbību ģimenē, policijai ir pienākums rīkoties, lai aizsargātu tiesības uz dzīvību un tiesības uz fizisko neaizskaramību, kā arī gādāt par upura drošību. Nepamatota policijas nespēja aizsargāt apdraudētu personu veido cilvēktiesību pārkāpumu. Cilvēktiesību ievērošanas pienākums liek policijai rūpīgi izmeklēt jebkuras situācijas, kur ir pārkāptas tiesības uz dzīvību vai tiesības uz neaizskaramību, neatkarīgi no tā, kurš varētu būt vainīgais.

Sociālais taisnīgums. Juridiskajā doktrīnā atzīts, ka mūsdienu valstij ir jāspēj rūpēties par sociālo taisnīgumu, cilvēka cienīgiem dzīves apstākļiem un vispārējo labklājību, saglabājot pēc iespējas plašu darbības telpu radošai personības attīstībai¹⁴. Satversmes tiesa ir norādījusi, ka Latvija ir sociāli atbildīga valsts, proti, tāda valsts, kas likumdošanā, pārvaldē un tiesas spriešanā cenšas iespējami plaši īstenot sociālo taisnīgumu. Sociāli atbildīgas valsts mērķis ir sabiedrībā izlīdzināt būtiskākās sociālās atšķirības un katrai iedzīvotāju grupai nodrošināt atbilstošu dzīves standartu¹⁵.

Atklātums. Mūsdienu demokrātiskas un tiesiskas valsts uzdevums ir kalpot sabiedrības interesēm. Līdz ar to arī policijai ir jādarbojas sabiedrības interesēs. Atklātība valsts pārvaldē ir viena no demokrātiskas valsts vērtībām, jo tā ļauj sabiedrības locekļiem uzzināt par policijas darbību. Atklātuma princips ir noteikts likuma „Par policiju” 6. pantā – „Atklātums policijas darbībā”. Minētā panta pirmajā daļā noteikts, ka *policija dienesta interesēs par savu darbību informē valsts, pašvaldību iestādes un iedzīvotājus*. Diskutējams ir minētajā likuma normā lietotais termins: „dienesta intereses”. Šāds atklātuma principa formulējums ir pretrunā noteiktajiem principiem, proti, Valsts pārvaldes iekārtas likuma 10. panta ceturtajā daļā noteikts, ka *valsts pārvaldei, atsevišķai iestādei vai amatpersonai,*

īstenojot valsts pārvaldes funkcijas, nav savu interešu. Bet šā panta septītajā daļā teikts, ka valsts pārvaldes pienākums ir informēt sabiedrību par savu darbību. Tas attiecas it īpaši uz to sabiedrības daļu un tām privātpersonām, kuru tiesības vai tiesiskās intereses īstenotā vai plānotā darbība skar vai var skart.

Sabiedrības piekļuve valsts pārvaldes iestāžu rīcībā esošajai informācijai notiek saskaņā ar „Informācijas atklātības likumā”¹⁶ noteikto. Likums nosaka vienotu kārtību Latvijas Republikā, kādā fiziskas un juridiskas personas valsts pārvaldes iestādēs ir tiesīgas iegūt informāciju un iegūto informāciju izmantot. Viens no likuma pamatprincipiem ir informācijas pieejamība sabiedrībai visos gadījumos, kad likumā nav noteikts citādi. Likumā informācija klasificēta vispārpieejamā informācijā un ierobežotas pieejamības informācijā.

Ierobežotas pieejamības informācijas statuss saskaņā ar likuma 5. panta pirmo daļu ir tādai informācijai, *kura ir paredzēta ierobežotam personu lokam sakarā ar darba vai dienesta pienākumu veikšanu un kuras izpaušana vai nozaudēšana šīs informācijas rakstura un satura dēļ apgrūtina vai var apgrūtināt iestādes darbību, nodara vai var nodarīt kaitējumu personu likumiskajām interesēm.*

Valsts noslēpuma jēdziens, valsts noslēpuma glabāšanas un izmantošanas kārtība un tā aizsardzība noteikta likumā „Par valsts noslēpumu”¹⁷. Likuma nosacījumi neattiecas uz valsts noslēpuma statusam neatbilstošu informāciju, kurai tomēr citos likumos vai Ministru kabineta noteikumos paredzēta īpaša izmantošanas kārtība un izplatīšanas liegums. Pieeja valsts noslēpumam ir atļauta tikai tām personām, kurām saskaņā ar veicamajiem dienesta pienākumiem vai konkrētu dienesta uzdevumu ir nepieciešams veikt darbu, kas saistīts ar valsts noslēpuma izmantošanu vai tā aizsardzību, un kuras saņēmušas speciālu atļauju. Sprototams, ka minētais likums neparedz iespēju valsts pārvaldes iestādei jebkādā sadarbības formā ar sabiedrību sniegt tai valsts noslēpumam atbilstošas ziņas.

Likuma „Par policiju” 6. panta otrajā, trešajā un ceturtajā daļā noteikts, ka policijai aizliegts izpaust ziņas, kuras ir valsts vai cits ar likumu īpaši aizsargāts noslēpums, kuras satur komercnoslēpumu vai patentu noslēpumu. Aizliegts izpaust pirmstiesas izmeklēšanas datus bez prokurora vai izmeklētāja tiešā priekšnieka atļaujas, kā arī materiālus, kuri ir pretrunā nevainīguma prezumpcijai. Policijai aizliegts izpaust ziņas, kuras aizskar cilvēku personisko dzīvi, kā arī

fizisko un juridisko personu godu un cieņu, ja šī darbība nenotiek tiesiskās kārtības nostiprināšanas un izmeklēšanas interesēs. Policijai ir jāatsauc ziņas, ko tā izplatījusi par iestādēm, privātpersonām un personu apvienībām, ja tās neatbilst patiesībai. Atsaukums mēneša laikā jāizplata tādā pašā veidā, kādā tika izplatītas nepatiesās ziņas.

*Vienvadība, tātad vienpersonīga vadība¹⁸. Tāda, ko īsteno viena persona¹⁹. Valsts pārvaldes iekārtas likuma 32. panta trešajā daļā noteikts, ka *tiešās pārvaldes amatpersona ir augstāka pārvaldes amatpersona attiecībā uz visu tai padoto hierarhiski zemāku līmeņu tiešās pārvaldes amatpersonām*. Saskaņā ar Valsts policijas nolikuma²⁰ 3. punktu Valsts policiju vada Valsts policijas priekšnieks. Valsts policijas priekšnieks veic Valsts pārvaldes iekārtas likumā noteiktās tiešās pārvaldes iestādes vadītāja funkcijas. Valsts pārvaldes iekārtas likuma 17. panta pirmajā daļā noteikts, ka *tiešās pārvaldes iestādes vadītājs organizē iestādes funkcijas pildīšanu un atbild par to, vada iestādes administratīvo darbu, nodrošinot tā nepārtrauktību, lietderību un tiesiskumu*.*

No likuma "Par policiju" 5. panta pirmās daļas izriet arī, ka *policijas darbība tiek organizēta, balstoties uz iedzīvotāju palīdzību*. Valsts policija bez iedzīvotāju palīdzības nevar efektīvi atklāt noziedzīgos nodarījumus un atrisināt ar noziedzīgu nodarījumu un citu likumpārkāpumu novēršanu saistītās problēmas. Valsts pārvaldes iekārtas likuma noteiktā mērķa sasniegšanai iestāde savā darbībā iesaista sabiedrības pārstāvjus (sabiedrisko organizāciju un citu organizētu grupu pārstāvjus, atsevišķas kompetentas personas), iekļaujot viņus darba grupās, konsultatīvajās padomēs vai lūdzot sniegt atzinumus.

Nodrošinot sabiedrības līdzdalību savā darbībā, iestāde var izmantot arī citus normatīvajos aktos noteiktos, bet Valsts pārvaldes iekārtas likuma 48. pantā neminētus sabiedrības iesaistīšanas veidus. Bet likuma „Par policiju” 7. pantā diezgan vispārīgi noteikts, ka policija sadarbojas ar iestādēm, privātpersonām un personu apvienībām.

Kopsavilkums

Apkopojot, var secināt, ka policijas darbību un pārvaldi regulējošajām tiesību normām jāiekļaujas vispārējos tiesību principos. Šis apstāklis norāda uz to, ka sabiedrisko attiecību regulējumam

polīcijas darbības jomā ir nepieciešama jauna koncepcija, jauns tiesiskais regulējums.

Likums „Par policiju” dažādās jomās vairs neatbilst mūsdienu demokrātiskas valsts prasībām. Būtiskākais ir tas, ka tajā nav iestrādāti Valsts pārvaldes iekārtas likumā noteiktie principi, kā arī nav dots likumā „Par policiju” iekļauto policijas darbības principu skaidrojums.

Polīcijas darbības principi būtu jāsakārto noteiktajā sistēmā.

Šādu sistēmu varētu veidot:

- organizatoriskie principi;
- tiesību principi.

Organizatoriskie principi aptver divas grupas:

- policijas pārvaldes organizācijas principus;
- policijas darbības principus.

Polīcijas pārvaldes organizācijas principiem atbilst: teritorialitāte, padotība (institucionālā padotība un funkcionālā padotība), vadība (vienvadība) u. c.

Polīcijas darbības principiem jānosaka policijas īstenotās darbības principi: policija pilda izpildvaras administratīvās funkcijas (valsts pārvaldes funkcijas), operatīvās darbības un kriminālprocesuālās darbības.

Savukārt katrs policijas īstenotās darbības veids atbilst funkciju ietvaros pastāvošajiem tiesību principiem.

Atsauces

- ¹ Par policiju. 04.06.1991. likums/Ziņotājs, 15.08.1991.
- ² Valsts pārvaldes iekārtas likums. 06.06.2002. likums/LV, 94 (2669), 21.06.2002. Ziņotājs, 25.07.2002.
- ³ Juridisko terminu vārdnīca. – Rīga: Nordik, 1998, 269. lpp.
- ⁴ Lentz S.A., Chaires R.H. The invention of Peel’s principles: A study of policing ‘textbook’ history. Journal of Criminal Justice, Volume 35, Issue 1, January–February 2007, Pages 69-79.
- ⁵ Sk.: Matvejevs A. Valsts policijas darbības efektivitātes vērtēšanas tiesiskie kritēriji. Administratīvā un Kriminālā Justīcija, 2005., nr. 3., 60.– 66. lpp. Matvejevs A. Polīcijas darbības efektivitātes satura analīze. Administratīvā un Kriminālā Justīcija, 2009., nr. 3-4., 46.– 57. lpp.
- ⁶ Valsts policijas ētikas kodekss. Valsts policijas 2014. gada 16. septembra iekšējie noteikumi Nr. 36. Pieejams: <http://www.vp.gov.lv/?id=813&rd=1&said=813&rd=1> [skatīts 12.01.2019.].
- ⁷ Sk.: Matvejevs A. Polīcijas taktika – jēdziens un principi. Daugavpils Universitātes 54. starptautiskās zinātniskās konferences materiāli//

- Proceedings of the 54th International Scientific Conference of Daugavpils University. – Daugavpils: Daugavpils Universitāte, 2013. 435. – 443. lpp. Pieejams: https://www.dukonference.lv/files/proceedings_of_conf/54konf_proceedings.pdf [skatīts 12.01. 2019.].
- ⁸ Salīdzinājumam skat. arī Igaunijas regulējumu Police and Border Guard Act – <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/512112013003/consolide/3/consolide> un Lietuvas regulējumu – Lietuvos Respublikos policijos įstatymas. <https://www.e-tar.lt/portal/en/legalAct/TAR.CA89372D00AA/AuKzIEtCTs>
- ⁹ Juridisko terminu vārdnīca. – Rīga: Nordik, 1998., 142. lpp.
- ¹⁰ Turpat, 80. – 81. lpp.
- ¹¹ Latvijas Republikas Satversme. 15.02.1922. likums/ LV, 43, 01.07.1993., Ziņotājs, 6, 31.03.1994.
- ¹² Sk.: Indrikovs Z. Policijas jēdziens demokrātiskā valstī. Sabiedrības drošība un prevencija policijas tiesībās. Administratīvā un Kriminālā Justīcija, 2007., nr. 3., 13.– 21. lpp.
- ¹³ Sk.: Matvejevs A. Sabiedrības drošība un prevencija policijas tiesībās. Administratīvā un Kriminālā Justīcija, 2017., nr. 2., 4.– 10. lpp.
- ¹⁴ Čipeliuss R. Vispārējā mācība par valsti. – Rīga: Izdevniecība AGB, 1998., 276. – 277. lpp.
- ¹⁵ Satversmes tiesas 2006. gada 2. novembra spriedums lietā Nr.2006-07-01, 18. punkts. Pieejams: http://www.satv.tiesa.gov.lv/upload/spriedums_2006-07-01.htm [skatīts 12.01.2019.].
- ¹⁶ Informācijas atklātības likums. 29.10.1998. likums/LV, 334/335 (1395/1396), 06.11.1998.; Ziņotājs, 24.12.1998.
- ¹⁷ Par valsts noslēpumu. 17.10.1996. likums/LV, 181 (666), 29.10.1996.; Ziņotājs, 28.11.1996.
- ¹⁸ Latviešu valodas vārdnīca. 30 000 pamatvārdu un to skaidrojums. – Rīga: Avots, 2006., 1175. lpp.
- ¹⁹ Turpat, 1173. lpp.
- ²⁰ Valsts policijas nolikums. Ministru kabineta 18.01.2005. noteikumi Nr. 46/LV, 12 (3170), 21.01.2005.

Аннотация

В статье исследуются проблемы закрепления и реализации принципов в деятельности полиции, механизмы реализации принципов в деятельности сотрудников полиции; анализируются принципы работы полиции. Показывается роль, раскрываются значение и содержание принципов организации и деятельности полиции, закрепленных в законе «О полиции». Автором отмечены недостатки закона «О полиции», внесены предложения о дополнении закона.

CIVILTIESĪBU АРАКŠNOZARE

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРАХОВЫХ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛАТВИИ

*Dr. sc. ing. Надежда Новожилова,
ассоциированный профессор
Балтийской Международной академии, Латвия*

Abstract

The article describes the main development stages of insurance law in modern Latvia. Insurance relationship, regulated by rules of law, have their own characteristics and relevance at the moment. In the given paper the issues of the legal groundwork for the insurance contractual relations in Latvia are considered. Some aspects of insurance law in Latvia – actual problems of legal regulation of insurance. It is considered individual development stages of legal provision of insurance contractual relations in Latvia, some existing problems and are described the possibilities for improving the legal regulation of insurance law in Latvia in accordance with the requirements of the relevant EU Directives on a unified legal space of the EU.

Keywords: insurance law, insurance policies and claims, transfer of risk, insurable interest and indemnity

Введение

Система страхового права ЕС (интеграционного страхового права) отражает его специфику и причину возникновения – на современном этапе европейской интеграции налицо преобладание административно-правовых норм, которые обеспечивают функционирование унифицированного рынка страховых услуг и свободу предоставления страховых услуг на территории ЕС независимо от места фактической регистрации страховой организации. Современная структура страхового права ЕС имеет отраслевой характер. В свою очередь, нормы права о страховом надзоре за деятельностью страховых

организаций могут быть разделены как по направлениям деятельности – страхование жизни и страхование иное, чем страхование жизни («не жизни»), так и по типам осуществления страхового надзора – при учреждении и лицензировании страховых организаций, при обеспечении текущего контроля за финансовой устойчивостью и платежеспособностью, а также в случае их ликвидации. Источниками европейского страхового права наравне с источниками страхового права ЕС (учредительные договоры, директивы, регламенты, решения Суда ЕС и другие) также являются нормативные акты национальных законодательств государств-членов ЕС, регулирующие страховые правоотношения. Развитая современная система страхового права в свою очередь позволяет обеспечивать надежность, стабильность и эффективность системы правового регулирования страхования, обеспечивающей, в конечном счете, защиту прав субъектов договорных отношений страхования, что является крайне актуальным в свете массовости данного вида юридических сделок. Страхование – практически главный инструмент снижения степени риска в условиях рыночной экономики, и заключается в том, что понимание сути процессов страхования является залогом улучшения страхового права. Юридическая сущность страхования – страховое право как совокупность норм права, регулирующих общественные (страховые) отношения. Основу страхового права в условиях рыночной экономики составляют законы о страховом договоре, государственном страховом надзоре за деятельностью страховых организаций страховых посредников, а также национальные и международные нормативные документы, регулирующие взаимоотношения между национальными и зарубежными субъектами страхового рынка¹.

Совершенствование нормативно-правовой базы по реализации страховых договорных отношений можно представить в виде последовательных этапов, начиная с 1993 года (Закон «О страховании») и по настоящий момент («Закон о договоре страхования», 2018 год). Последовательность развития правовой базы и действующие нормативные акты представлены ниже на рисунке 1.

Одним из основополагающих принципов для построения единого и свободного рынка страховых услуг на территории

ЕС является принцип введения свободы продвижения услуг. Формирование единого страхового и правового пространства происходит постепенно в двух направлениях: обеспечение свободы деятельности страховщиков во всех странах Европейского Союза и гармонизация страховой нормативной базы. Руководитель и координатор этой деятельности – Европейский комитет страховщиков, в котором представлены все национальные союзы и ассоциации страховщиков. Европейский Союз счел необходимым потребовать, чтобы законы всех государств-членов ЕС включали некоторые общие положения². Первым шагом формирования общего страхового пространства стали выработка и принятие принципов создания унифицированного страхового пространства, признание всеми его участниками. Такими принципами являются: свобода создания филиалов внутри стран-членов Европейского Союза для любого его члена; свобода распространения страхового продукта в рамках Союза для любого его члена без обязательного открытия филиалов; честная конкуренция на добросовестных и равных условиях; невозможность использования запрещённых элементов конкуренции.

В результате последовательных действий путём принятия нормативных актов в виде Директив по страхованию на уровне Комиссии Европейского Союза, которые стали впоследствии частью национальных правовых систем, были созданы правовые основания для формирования единого страхового пространства на территории Европейского Союза, которые включают в себя Директивы и рекомендации по перестрахованию, обязательному страхованию автотранспорта, страхованию от убытков и т. д. На современном этапе развития ЕС является реальным примером создания единого унифицированного пространства – экономического, правового, образовательного и страхового. В Латвии достаточно четко проявляются тенденции формирования и реализации единого страхового пространства: законодательство, структура страхового рынка, виды страхования, участники страхового рынка.

Цель статьи – определить возможности реализации страховых договорных отношений в соответствии с требованиями Европейского союза в современной Латвии. *Задачи*: дать характеристику правового регулирования при

реализации договорных отношений в современной Латвии; разработать рекомендации для работающих со страховыми договорами по первичному изучению страховых нормативных документов; предоставить информацию об источниках необходимых данных. В работе применяются следующие *методы*: описательный, анализа, сравнительного анализа, аналогии, статистические.

Автор предлагает краткое описание существующих законов в данной области и некоторые рекомендации по первичному этапу изучения нормативных документов по страховому праву в Латвии. Традиционно при изучении нормативных актов существует практика использования комментариев к конкретному правовому документу. Наличие комментариев позволяет определить последовательность освоения материала и рассмотреть предлагаемые специалистами разъяснения отдельных положений, что обеспечивает достаточный уровень освоения материала. Однако на настоящий момент достаточно проблематично начать осваивать страховое право. При попытке изучить нормы страхового права неизбежно столкновение с проблемой отсутствия печатных работ с комментариями и рекомендациями.

Источники страхового права и развитие правового регулирования страховой деятельности Латвии

Нормативно-правовые акты определяют порядок регулирования страховой деятельности, деятельности по перестрахованию и страховых посредников. Современная нормативно-правовая база страхового дела в Латвии основывается на соответствующих Директивах ЕС по страхованию и развивается в соответствии с их требованиями. Действующая система правового регулирования страховой деятельности в Латвии включает общие правовые акты, специальное страховое законодательство, подзаконные акты и ведомственные нормативные документы. Следует констатировать, что аналитические печатные источники, составляющие ограниченный объем, за последний период представлены новыми книгами (J. Alfejeva³, V. Mantrov⁴, U. Ieviņš⁵). После восстановления независимости Латвии появилась

необходимость гармонизации национального страхового права, изменения норм права и создание новых правовых норм в соответствии с нормами ЕС, т. к. в перспективе планировалось вхождение Латвии в единое правовое и страховое пространство Европы. Постепенное изменение страховой нормативной базы отражает уровень понимания на каждый конкретный момент возможностей реализации правового регулирования в страховой сфере и совершенствования правового обеспечения страховой защиты субъектов страховых отношений. На каждом этапе после принятия очередных нормативных актов выявлялись отдельные юридические проблемы, которые решались внесением отдельных изменений в закон или принятием нового закона.

Основной особенностью страхового рынка ЕС является формирование единого страхового пространства и единообразного национального страхового законодательства. Страховое правоотношение, как и любое общественное отношение, урегулированное нормами права, имеет свои особенности. В результате длительной подготовительной работы были приняты Директивы ЕС по страхованию иному, чем страхование жизни, в 1973 г. и по страхованию жизни в 1979 г. Они заложили единые правовые основы страхования в ЕС. Директивы «второго поколения» в области страхования, принятые в 1988 г. (страхование иное, чем страхование жизни) и 1990 г. (страхование жизни), установили единые принципы оценки финансового положения страховых организаций, правила применимости к договору страхования национального права, отдав некоторое преимущество праву стране местонахождения страхового риска, и правила применимости финансового права к доходам от страховой деятельности. Директивы «третьего поколения», принятые в 1992 г., предусмотрели возможность свободы предоставления страховых услуг страховщиками, учрежденными на территории одного из государств и контролируемые страховым надзором этого государства, страхователям на территории любого другого государства ЕС (Директивы ЕС и Регулы по страхованию), представлены на сайте Комиссии Рынка Финансов и Капитала (ФКТК) и в заключение текста соответствующих законов по страховой деятельности в Латвии.

Основными органами контроля и надзора за страховой деятельностью в Латвии являются: Комиссия рынка финансов и капитала⁶, Латвийская ассоциация страховщиков (LAA – Latvijas Apdrošinātāju asociācijas)⁷ и Латвийская ассоциация страховых брокеров (LABA – Latvijas Apdrošināšanas brokeru asociācija)⁸; Латвийское транспортное бюро страховщиков (LTAB – Latvijas transportlīdzīkļu birojs)⁹. Регулирование страхового рынка соответствует требованиям Директив ЕС по страхованию. Действующая система законодательства Латвии включает общие правовые акты, специальное страховое законодательство, подзаконные акты и ведомственные нормативные документы, регулирующие деятельность страхового рынка. На рисунке 1 автором представлена хронология принятия законов за 25 лет (с 1993 года по 2018 год).

Рис.1. Источники страхового права в Латвии (период с 1993 года по 2018 год)

Страховое правоотношение, как и любое общественное отношение, урегулированное нормами права, имеет свои особенности. При реализации правового регулирования страхового рынка необходимо регулировать деятельность всех субъектов, участвующих в страховых и нестраховых отношениях в сфере страхования, для которых и разработаны соответствующие нормативные акты. 25 лет непрерывного совершенствования страхового законодательства и его

унификация позволяет снизить риски использования сомнительных и непрозрачных страховых сделок; уменьшает вероятность мошенничества как со стороны страховщика, так и со стороны страхователя; увеличивает эффективность и гарантированность страховой защиты. Представленные законы, этапы развития страхового права¹⁰ и отдельные недостатки автор рассматривает достаточно подробно в ранее опубликованных работах¹¹.

Правовое обеспечение страховых договорных отношений в Латвии

На современном этапе основой законодательной базы страхования Латвии являются следующие законы добровольного и обязательного страхования:

- Закон о договоре страхования (2018 г.)¹²;
- Закон о страховании и перестраховании (2015 г.)¹³;
- Закон о деятельности страховых посредников и посредников по перестрахованию¹⁴ (2005 г.);
- Закон об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности собственников сухопутного транспорта (2004 г.) или ОСТА автовладельца¹⁵.

Страховая деятельность в Латвии делится на страхование жизни (*life insurance*) и страхование «не жизни» (*non-life insurance*) или рисковое страхование¹⁶. Следует отметить, что в Директивах ЕС нет понятия страхования «не жизни», а применяется «страхование иное, чем страхование жизни».

На настоящий момент существующие печатные работы по страховому праву основываются на устаревшем законе «О договоре страхования» (действовал 1998 года по 2018 год), в данной статье ссылки даются на «Закон о договоре страхования» (вступил в силу с 2018 года).

Правовая потребность в страховании объясняется необходимостью обеспечения правовой защиты застрахованного лица при реализации договорных отношений при наступлении страхового случая. Нормативные акты по страхованию обеспечивают разделение договоров по интересующим объектам. Установление гражданских прав и обязанностей в сфере страхования осуществляется посредством заключения сделок между физическими и юридическими лицами, которые являются

субъектами страхования. Основным юридическим фактом, из которого возникают обязательственные правоотношения участников гражданско-правового договора, является договор страхования, что является одним из методов регулирования страховых отношений. Страховое правоотношение, как и любое общественное отношение, урегулированное нормами права, имеет свои особенности. Реализация страховых договорных отношений определяется «Законом о договоре страхования» (на статьи которого ниже предлагаются ссылки). Исходя из этого, страховщик предлагает к заключению строго определенный тип договора с условиями и предложениями (п. 14 ст. 1, п. 7 ст. 1, ст. 6, ст. 8), которые отражают правовое регулирование конкретной собственности страхуемого и отличаются от других. Правовое значение страхования исходит, главным образом, из права обеспечения возмещения. Прежде всего, это касается прямого фактического ущерба, восстановления погибших или поврежденных застрахованных объектов. В этом случае следует применять принцип компенсации – «страховое возмещение не может превышать убытки, причиненные застрахованному лицу в страховом случае» (п. 18 ст. 1, ст. 42).

В основе страхования лежит понятие риска как возможного, случайного события, приводящего к ущербу (п. 13 ст. 1). Наличие риска является основополагающим принципом при страховании и базируется на правиле о запрете на заключение договора страхования «при отсутствии возможности наступления риска» (ст. 17). Для реализации страховых договорных отношений необходимо наличие страхового интереса – интерес не потерпеть убытки при наступлении страхового риска (п. 4 ст. 1). Это элемент, который предопределяет возможность существования института страхования и возникновения страховых правоотношений. Нормативными актами Латвии установлено, что выступать конкретными носителями страхового интереса могут как физические, так и юридические лица. Отсутствие страхового интереса страхователя или застрахованного лица служит основанием для признания страхового обязательства несоответствующим требованиям закона (ст. 16). Договор страхования в Латвии определяется как «соглашение между страховщиком и страхователем, согласно которому страхователь обязуется платить страховую премию и выполнять другие

предусмотренные договором обязательства, в свою очередь страховщик обязуется при наступлении страхового случая выплатить указанному в договоре лицу страховое возмещение» (п. 5 ст. 1). Основными субъектами договорных отношений являются страховщик и страхователь. Нормативными актами предусмотрено, что субъектами договора страхования могут выступать юридические и дееспособные физические лица (п. 2 ст. 1). В процессе подписания договора страхования важно отметить, какие именно права и обязанности существуют в страховых правоотношениях. Правовую защиту страховщика и страхователя обеспечивают нормы закона, которые регулируют их права и обязанности (раздел IV). Основным обязательством страхователя является уплата страховой премии в определенном страховым договором виде, в установленный срок и в предусмотренном размере и незамедлительное сообщение страховщику о наступлении страхового риска (п. 1 ст. 27). Страховщик, в свою очередь, обязуется выплатить страховое возмещение и информировать страхователя о решении по выплатам или попросить о предъявлении дополнительных документов, необходимых для принятия решения.

Условиями договора страхования предусмотрена четкость и понятность выраженных положений в договоре для обеих сторон. В страховой договор включаются следующие обязательные условия: место и дата заключения договора; дата вступления договора в законную силу; срок действия страхового полиса; персональная информация о страховщике, оказывающем услуги по страхованию; персональная информация о страхователе; указание страховых рисков, от которых страхуется; объект данного страхования; страховая сумма договора; страховая премия, а также сроки и порядок ее уплаты; лицо, которое будет получателем страхового возмещения; срок принятия решения относительно выплаты страхового возмещения или об отказе; условия прекращения договора, порядок разрешения споров; обязанности каждой из сторон и положения об ответственности (разделы II, IV, V).

Страховые взаимоотношения строятся на договоре, основным элементом которого является возмещение страховой суммы или ее части после наступления страхового случая (п. 6, ст. 1). Закон объясняет страховой случай как «имеющее

причинно-следственную связь со страховым риском событие, при наступлении которого предусмотрена выплата страхового возмещения в соответствии с договором страхования» (п. 5 ст. 1). В условиях договора страхования должны точно и четко определяться события, включаемые в объем ответственности страховщика. По каждому риску определяется максимальная ответственность страховщика – страховая сумма. Страховая сумма – денежная сумма, определенная договором страхования или установленная законом, исходя из которой устанавливаются размеры страхового взноса и страховой выплаты (п. 1 ст. 1).

Начиная с первых лет независимости Латвии и необходимости создания правового регулирования нового страхового рынка законодательство Латвии (Закон «О страховании» 1993 г.) запрещало на территории Латвии деятельность иностранных страховщиков, защищая молодой страховой рынок Латвии. Однако закон не запрещал создания латвийских страховых компаний с иностранным капиталом, и доля иностранного капитала не ограничивалась. Следовательно, с начала 90-х годов прошлого столетия на страховом рынке Латвии начали страховую деятельность компании с привлечением финского, американского, немецкого капитала и др.

Латвийские страховые общества и другие иностранные страховщики в соответствии с Директивами ЕС имеют право открывать свои филиалы в других странах ЕС. Странам-членам ЕС не надо получать новые лицензии в связи с унификацией процедуры получения лицензий. С 2004 года иностранным страховщикам разрешено работать в Латвии без регистрации в Коммерческом регистре страны. По единым требованиям к лицензиям в Европе в каждой стране надо зарегистрироваться в Комиссии рынка финансов и капитала (ФКТК).

На настоящий момент латвийские страховщики – страховые общества или филиалы иностранных страховых обществ (в соответствии со страховым законодательством Латвии) работают с привлечением норвежского, финского, датского, шведского, эстонского капитала. На конец 2018 года, по данным Комиссии рынка финансов и капитала, зарегистрировано 6 латвийских страховщиков по страхованию жизни и 11 страховщиков по страхованию «не жизни» – рисковому страхованию¹⁷. В таблице 1 представлена данная информация.

Таблица 1

**Список латвийских страховщиков по страхованию жизни и
«не жизни»**

№	Общества страхования жизни	№	Общества страхования «не жизни»
1.	CBL Life	1.	Balta
2.	SEB Dzīvības apdrošināšana	2.	Baltijas Apdrošināšanas Nams
3.	Compensa Life Vienna Insurance Group SE Latvijas filiāle	3.	BTA Baltic Insurance Company
4.	ERGO Life Insurance SE Latvijas filiāle	4.	Balcia Insurance SE
5.	Mandatum Life Insurance Baltic SE Latvijas filiāle	5.	Compensa Vienna Insurance Group” ADB Latvijas filiāle
6.	Swedbank Life Insurance SE Latvijas filiāle	6.	Akcine draudimo bendrove “Gjensidige” Latvijas filiāle
		7.	ERGO Insurance SE atvijas filiāle
		8.	Seesam Insurance AS Latvijas filiāle
		9.	If P&C Insurance AS Latvijas filiāle
		10.	If P&C Insurance Ltd (Publ) Latvijas filiāle
		11.	Swedbank P&C Insurance AS Latvijas filiāle

В списке латвийских страховщиков страхования «не жизни» можно выделить два страховых общества, которые работают на латвийском капитале – это Baltijas Apdrošināšanas Nams и Balcia Insurance SE. Остальные два работают на иностранном капитале: Balta – на польском, BTA Baltic Insurance Company – на австрийском. Филиалы Европейских страховщиков работают на капитале соответствующих европейских стран.

Виды лицензий и договоров для реализации страховой деятельности в Латвии

Выделяются 3 вида договоров страхования в соответствии с «Законом о договоре страхования» Латвии:

- *страхование от убытков* (п. 3 ст. 1, раздел VII)
- страхование, когда производится страхование

имущественных ценностей или интересов и размер выплачиваемого страхового возмещения зависит от размера возникших у застрахованного убытков;

- *страхование гражданско-правовой ответственности* (п. 17 ст. 1, раздел VIII) – страхование, когда страхуется гражданско-правовая ответственность лица за причиненные в результате его действия или бездействия убытки третьему лицу;
- *личное страхование* (п. 21 ст. 1, раздел IX) – страхование жизни, здоровья или физического состояния лица.

Латвийская Комиссия рынка финансов и капитала выдает лицензии для реализации страховой деятельности (ст. 19 (1), (2) «Закона о страховании и перестраховании»). Данные виды страхования реализуются в соответствии с «Законом о договоре страхования» и распределяются по трём видам договоров (нумерация сохранена, ст. 19, «Закон о страховании и перестраховании») и представлены автором в таблице 2.

Таблица 2

Виды договоров и лицензий по страхованию в Латвии
(ст.19 (1), (2) Закона о страховании и перестраховании)

№	Личное страхование	№	Страхование от убытков	№	Страхование гражданско-правовой ответственности
1.	Страхование от несчастных случаев	3.	Страхование сухопутного транспорта (за исключением железнодорожного транспорта);	10.	Страхование гражданско-правовой ответственности собственников сухопутных транспортных средств
2.	Страхование здоровья (страхование от болезней)	4.	Страхование железнодорожного транспорта	11.	Страхование гражданско-правовой ответственности собственников воздушных судов

18.	Страхование помощи	5.	Страхование воздушных судов	12.	Страхование гражданско-правовой ответственности собственников судов
	Виды страхования жизни Статья 19 (2)	6.	Страхование судов	13.	Страхование общей гражданско-правовой ответственности
1.	Страхование жизни	7.	Страхование грузов		
2.	Страхование на случай брака и рождения ребенка	8.	Страхование собственности от разрушений от огня и природных стихий (за исключением упомянутой в пунктах 3, 4, 5, 6 и 7)		
3.	Привязанное к рынку страхование жизни	9.	Страхование собственности от другого ущерба (за исключением упомянутой в пунктах 3, 4, 5, 6, 7 и 8)		
4.	Тонтина	14.	Страхование кредитов		
5.	Сделки по выкупу капитала	15.	Страхование поручительств		
6.	Управление пенсионными фондами	16.	Страхование различных финансовых убытков		
7.	Страхование пожизненной пенсии	17.	Страхование юридических расходов		

Для заключения конкретного договора страхования необходимо иметь информацию о страховщиках, имеющих донный вид лицензии. Автором предлагается таблица 3, составленная по данным Комиссии рынка финансов и капитала. В таблице 3 знаком «+» отмечены приобретенные страховщиками лицензии, буквой «н» обозначены виды отсутствующих видов лицензий. Нумерация соответствует статье 19 (1),(2) «Закона о страховании и перестраховании».

Таблица 3

Виды и количество лицензий по видам страхования «не жизни» в Латвии

№ лицензий Названия СО	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
1. Balta	+	+	+	+	н	+	+	+	+	+	н	н	+	+	+	+	н	+	14
2. Baltijas Apdrošināšanas Nams	+	+	+	+	н	+	+	+	+	+	н	+	+	+	+	н	н	+	14
3. BTA Baltic Insurance Company	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	18
4. Balcia Insurance SE	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	18
5. Compensa Vienna Insurance Group” ADB Latvijas filiāle	+	+	+	+	н	+	+	+	+	+	н	+	+	н	н	+	+	+	14
6. Akcine draudimo bendrove “Gjensidige” Latvijas filiāle	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	н	+	+	н	+	16
7. ERGO Insurance SE atvijas filiāle	+	+	+	+	н	+	+	+	+	+	н	+	+	н	+	+	н	+	14
8. Seesam Insurance AS Latvijas filiāle	+	+	+	н	н	н	+	+	+	+	н	+	+	н	+	+	н	н	10
9. If P&C Insurance AS Latvijas filiāle	+	+	+	н	н	+	+	+	+	+	н	+	+	н	н	+	н	+	12

10. If P&C Insurance Ltd (Publ) Latvijas filiāle	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	18
11. Swedbank P&C Insurance AS Latvijas filiāle	+	+	+	н	н	н	н	+	+	+	н	н	н	н	н	+	н	н	н	7

Как отмечено в таблице, у трех участников рынка есть полный набор лицензий рискового страхования, но по отчетам FKTK за 2018 год работали только два. Филиал Европейского страховщика под номером 10 – If P&C Insurance Ltd (Publ) Latvijas filiāle в 2017 году активности не проявлял.

Востребованность различных видов договоров можно определить по структуре страхового рынка в Латвии по продуктам в соответствии с подписанными страховыми премиями (за 2018 год полные данные на настоящий момент не представлены). Структура страхового рынка по видам договоров и собранным брутто-премиям следующая (2017 год): жизнь – 18%, авто-Casko – 16%, имущество – 13%, здоровье – 12%, общегражданская ответственность – 3%, несчастный случай – 2%, 36 % приходится на остальные 15 видов страхования «не жизни» (расчеты по данным Комиссии рынка финансов и капитала). Данные не включают обязательное страхование ответственности автовладельца. Подобная востребованность договоров страхования «не жизни» (как и в предыдущие годы) соответствует мировым и европейским тенденциям¹⁸. Страхование «жизни» в развитых странах занимает обычно не менее 60% в общем объеме собранных премий, а в Латвии – около 18%. Данное положение объясняется экономическими проблемами, психологическими – недоверие к отечественной накопительной системе в принципе и отсутствие института ценных бумаг с использованием полисов страхования жизни в Латвии.

Если перевести результат расчетов в проценты, то коэффициент концентрации рынка равен $CR = 54,03\%$. В таблице 4 представлена концентрация рискового страхового рынка за 2017 год, что соответствует тенденциям предыдущих лет.

Таблица 4

**Концентрация страхового рынка «не жизни» Латвии за
2017 год**

Страховщики по страхованию «не жизни»	Крупнейшие страховщики (по собранным брутто-премиям)	Общее количество брутто-премий рынка страхования «не жизни»
1. BTA	54,03%	100% (11 страховщиков)
2. Balcia Insurance SE		
3. BALTA		
8 страховщиков	43,97%	

Три страховщика – субъекта договорных отношений являются наиболее востребованными для заключения договоров страхования «не жизни».

**Виды и реализация договоров обязательного страхования
в Латвии**

Обязательное страхование (в силу закона) – страховые отношения возникают в законодательном порядке, причём принцип обязательности распространяется как на страхователя, так и на страховщика. Инициатором обязательного страхования является государство, которое в форме закона обязывает юридических и физических лиц вносить средства для обеспечения общественных интересов. Страхователь обязан вносить платежи по обязательному страхованию, страховщик обязан выплачивать возмещение во всех предусмотренных законом страховых случаях. Государство устанавливает обязательную форму страхования, когда страховая защита тех или иных объектов связана с интересами не только отдельных страхователей, но и всего общества. Обязательное страхование проводится на основе соответствующих нормативных актов. Закон определяет круг страховых организаций, которым поручается проведение обязательного страхования (наличие у страховщика соответствующей лицензии). При обязательном страховании достигается полнота объектов страхования. С другой стороны, обязательная форма страхования исключает выборочность отдельных объектов страхования, присущую

добровольной форме. Тем самым имеется возможность за счет максимального охвата объектов страхования при обязательной форме его проведения применять минимальные тарифные ставки, добиваться высокой финансовой устойчивости страховых операций. Обязательное страхование может реализоваться:

- *через налоги (Закон «О государственном социальном страховании»)* – государственное социальное страхование – закон определяет общие принципы государственного социального страхования, а также регулирует его финансовую и организационную структуру. Социальное страхование является составной частью системы государственной социальной защиты;
- *через договор* – договор страхования заключается между страхователем и страховщиком, который имеет соответствующую лицензию. В условиях договора содержатся требования закона обязательного страхования.

Государственное социальное страхование (www.vsaa.lv) – гарантированная государством система материального обеспечения в старости, при потере трудоспособности и в других случаях, предусмотренных законом, а также охраны здоровья физических лиц. Основой системы социальной защиты населения являются государственные социальные гарантии удовлетворения наиболее значимых для человека и всего общества потребностей. Современная система социальной защиты населения включает следующие основные элементы: традиционную форму государственного вспомоществования (социальной помощи); совокупность государственных социальных гарантий, включая социальные льготы отдельным категориям населения (категориальные социальные услуги), социальное страхование (обязательное и государственное). В Латвийской Республике действует Закон «О государственном социальном страховании» (Закон, принятый Сеймом 1 октября 1997 года)¹⁹. Закон определяет общие принципы государственного социального страхования, а также регулирует его финансовую и организационную структуру. В Законе определяются понятие и основные принципы социального страхования. Основные принципы социального страхования

предусматривают: солидарность между плательщиками взносов социального страхования и получателями услуг социального страхования; использование средств социального страхования только на услуги социального страхования согласно закону. Закон реализуется через налоги и по охвату участников является самым массовым.

Следующим массовым видом является страхование гражданско-правовой ответственности автовладельца. *«Закон об обязательном страховании гражданской ответственности собственников сухопутных транспортных средств»* (действует аббревиатура *ОСТА* – Obligātā Civiltiesiskā Apdrošināšana) в Латвии вступил в силу 1 сентября 1997 года. Согласно данному закону любой собственник или держатель транспортного средства, чтобы участвовать в дорожном движении, должен обязательно заключить договор о страховании гражданской ответственности. Страхуется гражданская ответственность собственников легковых и грузовых машин, мотоциклов, автобусов и других транспортных средств. С 1 мая 2004 года Латвия стала членом ЕС, и вступил в силу новый *«Закон об обязательном страховании гражданской ответственности собственников сухопутных транспортных средств»*. Целью настоящего закона является защита интересов пострадавших в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП) третьих лиц и регламентирование правовых отношений между собственниками, законными пользователями транспортных средств и страховщиками в связи с обязательным страхованием гражданско-правовой ответственности собственников и законных пользователей транспортных средств. В Закон включены правовые нормы, вытекающие из директив ЕС по страхованию механических транспортных средств. Страховщик должен получить специальную лицензию. Основные принципы и термины страхования данного вида базируются на «Законе о договоре страхования». Отдельные термины формулируются с учетом специфики конкретного вида страхования. Закон 2004 года более полно отвечает требованиям Директив ЕС: совпадает по видам договоров и территории действия; с 2007 года пострадавшими являются все участники ДТП, кроме водителя-виновника; значительно увеличились выплаты родственникам погибших (с 1997 года от 400 латов до 3340 евро с 2018 года);

увеличилась финансовая защита по имущественному ущербу (с 1997 года с 2 500 латов до 1 000 000 евро с 2012 года) и по ущербу физическому лицу (с 1997 года с 2 000 латов до 5 000 000 евро с 2012 года). Застрахованные реально получили более высокий уровень страховой защиты. Данный вид страхования реализуется через заключение договора между владельцем автотранспорта и страховщиком, получившим соответствующую лицензию (www.ltab.lv).

Другие виды обязательного страхования общей гражданской ответственности юридических лиц определяются и реализуются на основе соответствующих нормативных актов для отдельных видов деятельности. Автором составлен список следующих видов деятельности в Латвии, для которых на настоящий момент применяется обязательное страхование гражданско-правовой ответственности:

- деятельности по оказанию внешних бухгалтерских услуг (01.06.2017);
- землемеров и геодезистов (03.10.2007);
- администраторов /ликвидаторов (03.11.2007);
- организаторов массовых мероприятий (12.05.2007);
- торговцев, установщиков и поставщиков сервисных услуг по кассовым аппаратам (06.05. 2007);
- охранной деятельности (31.03.2007);
- руководителей гидротехнических сооружений (01.05.2006);
- исполнителей клинического исследования лекарств и фармацевтических продуктов (01.04.2006);
- строительных предприятий/строителей (01.06.2005);
- страховых брокеров (15.04.2005);
- присяжных ревизоров (01.01.2002);
- операторов источников ионизированного излучения (21.11.2000);
- медицинских работников (15.05.1998);
- присяжных нотариусов (01.09.1993).

Список обязательных видов страхования гражданско-правовой ответственности не закрыт и дополняется. Проблема состоит в том, что на сайте Комиссии рынка финансов и капитала нет полного списка видов обязательного страхования ответственности, который должен пополняться. Сложность

заключается в том, что для конкретных видов деятельности это может быть закон, на определенном этапе – Правила Кабинета министров и т. д. Данный вид страхования реализуется через заключение договора между страхователем и страховщиком (по договоренности между субъектами договора), получившим соответствующую лицензию добровольного страхования (смотри таблицу 3).

Выводы

1. Страховая деятельность в Латвии регулируется и функционирует на основе Директив ЕС.
2. Следует констатировать, что законы, относящиеся к современным законам в сфере страхования, в Латвии в основном приведены к общеевропейским требованиям, т. е. была проведена унификация посредством Директив Европейского союза (в заключительной части текста каждого из законов представлен конкретный перечень Директив ЕС).
3. Для практического применения страхования в Латвии предлагается весь спектр необходимых страховых договоров, в соответствии с классификацией видов страхования ЕС и возможности реализации договорных отношений в любой стране ЕС.
4. Тенденции востребованности видов договоров добровольного страхования в Латвии соответствуют мировым и европейским тенденциям. Наиболее популярны пять видов договоров добровольного страхования: авто-KASKO, здоровья, имущества, общей гражданско-правовой ответственности и несчастного случая.
5. В статье представлена хронология 25-ти лет развития страхового права в современной Латвии. Отдельные проблемы страхового права в Латвии рассмотрены автором и в ранее опубликованных работах. Устранение выявленных недостатков позволит более полно обеспечить правовое регулирование страхового рынка Латвии на унифицированном страховом правовом пространстве ЕС.
6. На настоящий момент в печатном виде отсутствуют

профессиональный анализ и комментарии к нормативным актам по страховому праву, что затрудняет освоение соответствующих законов. Автор предлагает некоторые рекомендации для начинающих изучать страховое право Латвии. Рекомендуются начать изучение с терминов и положений, представленных в «Зако́не о догово́ре страхова́ния», т. к. без основной страховой терминологии будет затруднительно восприятие любой информации по страхованию. После изучения терминов «Зако́на о догово́ре страхова́ния» можно переходить к практической работе с «Зако́ном об обяза́тельном страхова́нии гра́жданско-право́вой отве́тственности соб́ственников сухопу́тных транспо́ртных сре́дств» и другим нормативным актам.

Ссылки

- ¹ Балабанов И.Т., Балабанов А.И. Страхование. – СПб: Питер – Москва, 2014, с. 256.
- ² European Insurance – Key Facts. 2018. European insurance and reinsurance federation. Insurance Europe aisbl October 2018. Brussels Belgium. [pdf]. Available at: <https://www.insuranceeurope.eu/sites/default/files/attachments/European%20insur+ance%20-%20Key%20facts%20-%20October%202018.pdf> [Accessed: November 1, 2018].
- ³ Alfejeva J. Apdrošināšanas tiesības. – Rīga: Turība, 2017., 174. lpp.
- ⁴ Mantrov V. Apdrošināšanas tiesības. – Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2018., 304. lpp.
- ⁵ Ieviņš U. Apdrošināšanas pamati. – Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2017., 70. lpp.
- ⁶ Сайт Комиссии рынка финансов и капитала: www.fktk.lv
- ⁷ Сайт Латвийской ассоциации страховщиков: www.laa.lv
- ⁸ Сайт Латвийской ассоциации страховых брокеров: www.brokers.lv
- ⁹ Сайт Латвийского транспортного бюро страховщиков: www.ltab.lv
- ¹⁰ Новожилова Н. Совершенствование правового регулирования страховой деятельности в Латвии. – Научно-практический международный журнал «Балтийский юридический журнал», №2 (49) 2018, с. 4 -14.
- ¹¹ Новожилова Н. Развитие и проблемы правового регулирования страхового рынка Латвии. – Процессы трансформации в праве, региональной экономике и экономической политике: актуальные проблемы экономико-политических и правовых отношений. Сборник статей II Международной научно-практической конференции (10 декабря 2013 года). Балтийская Международная академия. – Рига, 2014, с. 72-77.
- ¹² Apdrošināšanas līguma likums. Spēkā no 01.06.2018. Latvijas Vēstnesis, Nr. 97/5183 (2018, 18. maijs).
- ¹³ Apdrošināšanas un pārapdrošināšanas likums. Spēkā no 01.07.2015. Latvijas Vēstnesis, Nr.124 (5442), 30.06.2015.
- ¹⁴ Apdrošināšanas un pārapdrošināšanas starpnieku darbības likums. Spēkā no

- 15.04.2005. Latvijas Vēstnesis, Nr.52(3210 no 01.03.05.).
- ¹⁵ Sauszemes transportlīdzekļu īpašnieku civiltiesiskās atbildības obligātās apdrošināšanas likums. Spēkā no 01.05.2004. Latvijas Vēstnesis (2004., 27. aprīlis).
- ¹⁶ Сайт Комиссии рынка финансов и капитала: www.fctk.lv
- ¹⁷ Сайт Комиссии рынка финансов и капитала; www.fctk.lv (от 02.04.20)
- ¹⁸ Crawford S., Russignan L., Kumar K. (2018). *Global insurance trends analysis 2018. June 2018 EYGM*. [pdf]. Available at: <[https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-global-insurance-trends-analysis-2018/\\$File/ey-global-insurance-trends-analysis-2018.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-global-insurance-trends-analysis-2018/$File/ey-global-insurance-trends-analysis-2018.pdf)> [Accessed: Novembry 8, 2018].
- ¹⁹ Par valsts sociālo apdrošināšanu. 01.10.1997. likums/LV, 274/276 (989/991), 21.10.1997.; Ziņotājs, 27.11.1997.

Anotācija

Rakstā analizēti Latvijas apdrošināšanas tirgus tiesiskā regulējuma attīstības pamata etapi. Izskatīti apdrošināšanas līgumisko attiecību tiesiskās nodrošināšanas jautājumi Latvijā un apdrošināšanas tiesiskā regulējuma aktuālās problēmas. Šajā rakstā ir apskatīti jautājumi tiesību normu nodrošināšanā apdrošināšanas līgumu attiecībās Latvijā. Bez tam izskatīti apdrošināšanas līgumisko attiecību tiesību atsevišķi posmi, atsevišķas problēmas, kā arī tiesiskā regulējuma pilnveidošanas iespējas saskaņā ar atbilstošu Eiropas Savienības direktīvu prasībām ES unificētajā tiesiskajā vidē.

TIESĪBU TEORIJAS UN VĒSTURES APAKŠNOZARE

ПРИРОДА И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

*Доктор юридических наук Александр Байков,
доцент Балтийской Международной академии,
гостевой доцент Резекненской Технологической академии,
Латвия*

Abstract

The article focuses on the research of one of the fundamental institutions of law – legal liability, the role and importance of which in the current period of formation of the rule of law in Latvia is constantly increasing. However, many issues of legal liability are still under discussion.

In recent years the problem of liability mainly out of legal problem, turned into a problem of interdisciplinary nature. The generic notion, in relation to legal liability, is social responsibility. The evolution of views on the nature of legal liability has resulted in the emergence of the concept of positive legal liability.

The initial methodological premise of the research of legal liability is to address to the issue of social responsibility, since the general characteristics and forms of realization inherent in social responsibility, inevitably find their expression both: in legal responsibility and its individual types.

Traditionally, legal liability is limited by its interpretation as liability for the past, i.e. negative liability. At the same time, attention is drawn to the diversity of views and interpretations of supporters of this approach. However, in recent decades, there has been a growing body of research on positive (prospective) responsibility, whose proponents are also diverse. Moreover, in science it is suggested, that responsibility can be extremely positive, along with which, the protection of violated subjective rights and interests protected by law, is provided by measures of state coercion.

Legal liability is considered in the article as an holistic phenomenon, dialectical unity of responsibility for past actions (retrospective responsibility) and responsibility for present and future behavior (positive, prospective responsibility), which develops and is implemented in a voluntary or compulsory form in regulatory legal relations.

Legal liability is characterized by a number of specific features. Among them: (1) legal liability is based on legal norms, that give it certainty and general compulsion; (2) state guarantee; (3) provision of state coercion or persuasion; (4) legal liability as a necessary consequence has the approval or conviction, encouragement or punishment; (5) legal liability is implemented in the procedural form, provided for by law; (6) essentially, legal liability is a uniform, but it is exercised in two different forms.

The theories and concepts of legal liability, presented in the scientific literature were critically analyzed in the article and on this basis its concept is being formulated, the specific features inherent in legal liability are being identified, its unity and the presence of various forms of implementation are being alleged.

Keywords: social responsibility, legal liability, negative (retrospective) legal liability, positive (prospective) legal liability, forms of implementation of legal liability.

Введение

Поступательное развитие общества настоятельно требует комплексного подхода к решению ряда злободневных проблем современности. В их числе особое место принадлежит проблеме активизации личностного фактора на основе расширения и обогащения системы социальных связей человека и общества, которые, в свою очередь, обуславливают повышение роли личности, разного рода социальных образований (обществ, коллективов работников), а, следовательно, и их социальной ответственности перед обществом во всех сферах общественной жизни, как и общества перед ними. В этой связи актуализируется поиск наиболее эффективных путей и достаточных средств формирования ответственного подхода к порученному делу, исследований, связанных с определением

природы и особенностей проявления социальной (в том числе, юридической) ответственности в реальной действительности как в нормативно-структурном, так и в функциональном аспектах.

Вместе с тем, несмотря на постоянный интерес к проблематике юридической ответственности, обилие высказанных точек зрения, в юридической науке до сих пор не сложилось единства понимания ее ключевых вопросов. Что касается юридической науки Латвии, то следует констатировать, что исследованию данной проблемы уделяется явно недостаточно внимания. Имеющиеся публикации носят, как правило, отраслевой характер и, соответственно, в той или иной мере касаются отдельных видов юридической ответственности¹.

Цель исследования заключается в анализе высказанных точек зрения по поводу природы, сущности, форм реализации юридической ответственности.

Задачи исследования предопределены его целью и состоят в выявлении теоретических подходов к пониманию природы, сущности, структуры, форм реализации юридической ответственности.

Объектом исследования является юридическая конструкция (модель) юридической ответственности.

По результатам исследования сформулирован вывод, суть которого сводится к представлению единства юридической ответственности, реализуемой то ли в негативной, то ли позитивной форме.

В процессе работы использовались анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, метод формализации, аксиоматический метод, обобщение, идеализация, моделирование, формально-догматический, системно-логический, исторический методы исследования.

1. Концептуальные подходы к характеристике юридической ответственности

Закономерности рыночной экономики настоятельно требуют обеспечения возрастания регулирующей роли права в жизнедеятельности общества за счет расширения

диспозитивного регулирования, предполагающего максимализацию для личности, субъектов со специальной правосубъектностью возможностей индивидуально-нормативного саморегулирования их социальной активности. Последняя становится показателем ответственности за выбор такого способа претворения в жизнь объективных общественных потребностей, которые воспринимаются личностью как собственные, требующие своего осуществления интересы.

Тем не менее, по выражению английского историка Е. Томпсона, социальная жизнь – это «неуправляемая человеческая практика». И хотя люди ведут себя целеустремленно и осознанно, они не в состоянии предвидеть или управлять результатами собственной деятельности². Это говорит об ограниченности человеческой рациональности, в т. ч. формальной (процессуальной, коммуникативной, дискурсивной и т. п.)³.

Поиск новых решений в связи с актуализацией тех или иных явлений социальной действительности приводит не только к дифференциации, но и к интеграции научного знания. Весьма отчетливо эти процессы просматриваются применительно к проблеме ответственности, которая в последние годы из проблемы в основном юридической превратилась в проблему междисциплинарного характера. Это объясняется тем, что ответственность охватывает чрезвычайно широкий круг явлений и выступает во всех сферах и областях человеческой деятельности, где возникает необходимость согласования общественных, коллективных и личных интересов, удержание участников общественных отношений в рамках разумного, компромиссного и благоприятного поведения. Ныне проблемой ответственности интересуются представители многих наук, осознающих социальное неблагополучие во всех сферах общественных отношений, регулируемых, в том числе и с помощью ответственности⁴. При этом каждая из них в общенаучном объекте познания выделила свой предмет исследования (правовую, моральную, политическую ответственность), учитывающий как наличие специфики, так и общих, присущих всем видам ответственности признаков. В этой связи очевидно недопустимо как отождествление отдельных видов ответственности со своим родом (социальной

ответственностью), так и их противопоставление, что порой имеет место в юридической литературе⁵.

Как справедливо отмечала Р.О. Халфина, «...в последние годы делаются попытки толковать этот термин [ответственность – А.Б.] с точки зрения его филологического значения». В праве, пишет она далее, этот термин приобрел вполне определенное, отличное от общеупотребительного, содержание. По мнению Р.О. Халфиной, значение и смысл этого понятия состоит в отрицательных последствиях, наступающих для лица, совершившего противоправный поступок. А отсюда, по ее мнению, следует, что ответственность – это ничего общего не имеющий с его общеупотребительным пониманием специальный термин⁶. Очевидно, что использование термина «ответственность» в его обыденном понимании недостаточно. Но предпринятые в науке многочисленные попытки разработки научного определения ответственности свидетельствуют о многозначности этого понятия и многомерности и многогранности проблемы ответственности. Наглядным свидетельством тому является различное «наполнение» и использование термина «ответственность» для характеристики самых разных аспектов, сторон поведения субъектов и разнообразных явлений даже в рамках одной из наук (философии, социологии, психологии, правоведении).

Нельзя также не отметить, что исследование ответственности с позиций свободы и необходимости, соотношения понятия ответственности и многоаспектной трактовки социальной свободы, внутреннего долга, нравственного закона, исполнения обязанностей перед обществом является в философии общепринятым.

Родовым понятием по отношению к юридической ответственности является ответственность социальная. По существу социальная ответственность представляет собой взаимосвязь личности и общества, предстающую в виде системы взаимно корреспондирующих друг другу прав и обязанностей по соблюдению социальных норм, исполнение которых влечет за собой одобрение, а поведение не соответствующее заложенной в них модели, а также их неисполнение – возникновение обязанности претерпеть неблагоприятные последствия поведения, отклоняющегося от установленного

в норме права образца. Посему социальная ответственность выполняет задачу социального контроля, обеспечивающую разумное («инженерное») преобразование общества, которую перед юриспруденцией ставил Р. Паунд⁷.

Традиционно юридическая ответственность рассматривалась как ответственность за прошлое, как ответственность негативная. «Юридическая ответственность, – писали И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин, – с тех пор, как она возникла, всегда была ответственностью за прошлое, за совершенное противоправное поведение»⁸. Или, например, И.А. Ребане утверждает: юридическая ответственность непременно ретроспективная, это ответственность за правонарушение⁹. Многие ученые придерживаются этой точки зрения и сегодня. С позиций понимания юридической ответственности исключительно как ответственности за содеянное значительный интерес представляет концепция С.Н. Братуся, полагавшего, что ответственность – это состояние принуждения к исполнению невыполненной обязанности¹⁰. В этой связи на память невольно приходят слова Талейрана, как-то сказавшего Наполеону: «Штыки, государь, годятся для всего, но вот сидеть на них нельзя»¹¹.

Вместе с тем нельзя забывать, что процессы развития не оставляют неизменными и правовые понятия, содержание которых претерпевает определенные качественные изменения, их внешние признаки и свойства постоянно уточняются, детализируются, т.е., несмотря на их очевидную устойчивость и традиционность понимания и интерпретации, модифицируются. Одним из результатов такой эволюции взглядов является позитивная юридическая ответственность. Нельзя не отметить, что еще в середине XX века впервые была сформулирована мысль, что проявление социальной ответственности не ограничивается формами наказания и подотчетности. Такой вывод был сделан Дж. Дьюи, Дж. Тафтсом, Н. Хейнсом, Ф. Полаком и другими. Они утверждали, что существенной стороной феномена в сложившихся условиях является «ответственность наперед». Эта позиция была поддержана и нашла свое развитие во взглядах Л.И. Грядуновой, Е.В. Левченко, А.И. Ореховского, С. Равинга, В.П. Тугаринова, А.П. Чермениной и др. ученых.

Категория юридической ответственности, представляющая

собой одну из конкретных форм, опосредствующих социальную ответственность, по мнению ряда авторов, существует в двух аспектах: негативном (ретроспективном) и позитивном (проспективном), которые мыслятся в качестве либо самостоятельных, либо взаимосвязанных сторон единого целого¹², либо как самостоятельные явления¹³, либо как различные формы ее реализации¹⁴. Если первый аспект исследован достаточно полно, хотя длительная и продолжающаяся поныне дискуссия не сняла всех спорных вопросов, то второй аспект изучен гораздо слабее. Негативный аспект, которым с точки зрения канонической трактовки юридической ответственности исчерпывается все ее содержание, характеризуется единством трех признаков: государственным принуждением, осуждением правонарушителя и правонарушения, неблагоприятными последствиями и, в конечном счете, сводится к применению в отношении правонарушителя неблагоприятных последствий его противоправного поведения, т. е. негативной по существу реакции на совершенное правонарушение. Коль скоро юридическая ответственность (в негативном аспекте) устанавливает последствия неправомерного поведения, нарушающего права и интересы других лиц, причиняющего им тот или иной вред, постольку применение устанавливающих ее норм выступает в качестве одного из средств их охраны и защиты.

Нельзя не заметить многообразия взглядов сторонников исключительно негативной (ретроспективной) ответственности. По мнению ряда сторонников такого понимания юридической ответственности, специфическая черта этого правового средства, отличающая его от других мер воздействия, состоит в применении мер принуждения органами публичной власти, что отличает его от других мер воздействия, которые могут применяться к правонарушителям непосредственно самими управомоченными лицами. При этом добровольное применение этих мер не изменяет их природы как государственно-принудительных мер, содержание и порядок применения которых предусмотрены законом. Неслучайно поэтому юридическая ответственность нередко рассматривается как государственно-принудительное применение к правонарушителю любых неблагоприятных для него мер¹⁵. Так, например, авторы одной

из юридических энциклопедий утверждают, что юридическая ответственность – это «...государственное принуждение к исполнению требований права, правоотношение, каждая из сторон которого обязана отвечать за свои поступки перед другой стороной, государством и обществом»¹⁶. По мнению других, «...юридическая ответственность в собственном смысле – применение компетентным государственным органом санкции правоохранительной нормы, что выражается в негативных последствиях для правонарушителя в виде лишения или ограничений личного или имущественного характера»¹⁷. Для третьих «...юридическая ответственность – предусмотренная нормами обязанность субъекта правонарушения претерпеть неблагоприятные последствия»¹⁸.

Идея позитивной ответственности, рожденная в попытках выйти за жесткие рамки нормативного подхода к праву, включая в себя все возможные формы проявления социальной ответственности, внутренне неоднородна: она представляется тождественной правовому долгу, либо требованиям законности, либо юридическим обязанностям позитивного характера, либо особому качеству общей (обобщающей) обязанности, либо категории правосознания^{19,20,21,22}. Интересную, на первый взгляд, достаточно парадоксальную идею высказал А.С. Бондарев, по мнению которого «юридическая ответственность может носить только позитивный характер, являясь ценным (позитивным) правовым свойством субъектов права. Внешне она предстает как социально-активное и привычное правомерное поведение субъектов права. Внутренний (психологический) ее аспект представляет собой осознанность (в настоящем или прошлом) субъектами социально активного и привычного правомерного поведения, установленного регулятивными нормами права, образцов должного поведения, их положительной эмоционально-чувственной оценки и волевого направления своих деяний в соответствии с данными правовыми образцами»²³. А чуть ранее он отмечает, что негативный, ретроспективный аспект юридической ответственности не существует вовсе²⁴.

Приведенные взгляды на позитивную ответственность вряд ли могут быть признаны конструктивными, так как вольно или невольно в них утрачивается специфическое содержание данного социально-правового явления. По мнению некоторых

авторов, полемика по вопросу о позитивной ответственности выглядит даже схоластикой²⁵.

Полагаем, что правовая ответственность вообще – это обусловленная необходимостью достижения юридически значимого результата (цели) качественная характеристика правового положения и правореализующей деятельности субъекта права (как индивида, так и коллектива), которая обеспечивается и стимулируется (направляется оптимальным для достижения этого результата (цели) соотношением субъективных прав, юридических обязанностей (правомочий) и правовых запретов, гарантирующих необходимую избирательность и самостоятельность правовой активности субъекта; контролируется по юридически значимым параметрам, выражающим императивные направления правовой активности, с целью возможной корректировки названного соотношения прав, обязанностей и запретов, и оценивается по фактически достигнутому результату с точки зрения уровня, степени соответствия его цели правового регулирования, с учетом субъективных и объективных возможностей субъекта права.

2. Широкое понимание юридической ответственности как целостного правового образования

При обосновываемом претендующем до некоторой степени на универсальность понимании правовой ответственности теоретически возможное выделение двух ее аспектов не имеет принципиального значения: ответственность в предлагаемом смысле есть выражение правовой активности правореализующих субъектов, которая всегда положительна по своей правовой природе, т. е. развивается в позитивных, регулятивных правоотношениях. В этой связи мы разделяем позицию тех авторов, которые считают несостоятельной довольно устоявшуюся и весьма основательно вошедшую в научно-практический обиход концепцию охранительных правоотношений²⁶ и согласны с точкой зрения авторов двухтомника «Правовая система социализма» в том, что так называемые «охранительные правоотношения» отличает от регулятивных правоотношений лишь то обстоятельство, что они (охранительные правоотношения) предполагают, как правило, включение в процесс реализации дополнительных гарантий перевода нормативных предписаний в практику²⁷. По существу

это обстоятельство не меняет и не может менять регулятивного характера данных правоотношений, как любых правоотношений вообще, непосредственным содержанием которых является использование субъективных прав и исполнение конкретных обязанностей субъектами права, если даже таковыми являются правонарушители, подвергнувшиеся конкретным мерам правового взыскания (наказания) и находящиеся в момент правореализации под более или менее жестким контролем государственно-правового принуждения.

Качественная характеристика правового положения и правореализующей деятельности такого рода субъектов, несомненно, несколько специфична, что, возможно, и оправдывает в исследовательских целях употребление термина «негативная» ответственность применительно к данной характеристике, т. е. к ответственности названных субъектов. Однако судить о последней, также как и о позитивной, т. е. правовой ответственности вообще, можно, опять же лишь с точки зрения категории социально-правовой активности в правореализующей сфере, которая может быть определена как «...добровольная, сознательная деятельность, выражающаяся в интересе к праву, уважении к праву, признании высокого престижа деятельности правовых учреждений, связанная с поиском наиболее эффективных путей использования своих правомочий и реализацией своих гражданских обязанностей, гражданского долга в правовой сфере»²⁸.

Таким образом, подчеркивая единство социальной ответственности, следует учитывать наличие различных форм ее реализации. Другими словами, юридическая ответственность – это целостное явление, диалектическое единство ответственности за содеянное в прошлом (ретроспективная ответственность) и ответственности за настоящее и будущее поведение (позитивная, проспективная ответственность). Первоначально такое понимание ответственности было сформулировано в философской литературе, где отмечалось наличие двух вышеназванных аспектов, которые должны рассматриваться в единстве, в их взаимосвязи и взаимообусловленности, а ее сведение к одному из них расценивалось как неизбежное сужение понятия ответственности, ведущее к ошибкам²⁹.

Обосновывая необходимость широкого понимания ответственности, П.Е. Недбайло усматривает ее сущность в самостоятельной, инициативной деятельности в рамках определенных правовых норм. У человека не возникает ответственность тогда, когда он приступает к исполнению

своих обязанностей, а лишь тогда, когда он их не выполняет или будет действовать иначе. Без исследования «позитивной» ответственности невозможно понять и ответственность «негативную». Ответственность обоснованно рассматривается в качестве осознанной и воспринятой лицом социальной необходимости выполнения долга, всего комплекса возложенных на него обязанностей – политических, правовых, моральных и других³⁰.

Исходя из этой посылки, учитывающей, что признаки, свойственные роду, находят свое проявление в каждом виде, нельзя не признать, что и юридическая ответственность по своей природе двухаспектна. Точно так же, как и в социальной ответственности, в ней должны присутствовать и позитивный, и негативный аспект. «Только включение в состав юридической ответственности как позитивного, так и негативного аспекта, - отмечает Д.В. Чухвичев, - позволяет ее исследовать в общесоциальном контексте и рассматривать как специфическое состояние личности, характеризуя, с одной стороны, осознанием человеком своей роли в правоотношениях, с другой – возможностью общественного воздействия на человека через право, с целью охраны основополагающих социальных интересов. Такой подход делает возможным акцентировать внимание на том, что правовая ответственность представляет собой необходимый инструмент для достижения участником общественных отношений подлинной свободы»³¹.

Следовательно, логика сторонников исключительно негативного аспекта юридической ответственности порочна изначально, поскольку противоречит требованиям традиционной диалектической логики. Понимание юридической ответственности только сквозь призму государственного принуждения исключает ее объективную необходимость, да и права в целом, поскольку представляет ее в виде насилия. Немаловажно также и то, что вольно или невольно при таком подходе из сферы действия юридической ответственности исключается все, за исключением правонарушителей. При двухаспектном понимании юридической ответственности она предстает в качестве интегративной характеристики сознательного, активного отношения субъектов права ко всему комплексу охраняемых правом интересов (общественным, частным, личным). Справедливо М.С. Строгович в черед основных черт юридической ответственности выделял четкое

понимание гражданином, должностным лицом лежащих на них в силу закона обязанностей, правильное отношение к ним, перед лицом, по отношению к которому оно несет свои обязанности – обществом, государством, другими лицами³². Не менее важно понимать, что юридическая ответственность существует не только за нарушение закона, хотя в этом случае она проявляется наиболее ярко и отчетливо. «Юридическая ответственность выступает всегда как ответственность за надлежащее исполнение закона. И это не просто потенциальная ответственность за возможное его нарушение, не просто чувство или осознание ответственности, а реальная ответственность, реальные отношения в рамках закона³³.

М.Д. Шиндяпина предлагает ретроспективный аспект ответственности именовать «юридической ответственностью», а позитивный – «правовой ответственностью»³⁴. Представляется, что подобного рода предложения не привносят ничего нового, поскольку даже с грамматической точки зрения различия в данном случае не носят принципиального характера. А.С. Бондарев полагает, что в современной научной литературе термином «юридическая ответственность» обозначаются не два аспекта или две формы реализации «... целостного явления – юридической ответственности, а два принципиально различных правовых явления, требующих своих собственных названий». В этой связи он предлагает заменить термин «юридическая ответственность», используемый в негативном аспекте, на термин «наказание»³⁵. Такой подход соответствует мнению многих ученых-юристов. Так, например, Н.С.Малеин утверждал, что «наказание – это и есть юридическая ответственность, понимаемая именно в ретроспективном плане»³⁶.

Коль скоро правовая норма – это модель, образец, эталон возможного или должного поведения, регламентация юридической ответственности осуществляется путем установления в нормах права дозволений, обязываний и запретов совершения или несовершения определенных действий, выступающих в качестве стандарта оценки правомерного или неправомерного поведения. Установление в нормах права статутной (законной) юридической ответственности предшествует каким-либо поведенческим актам. Как пишет Е.В. Черных, статутная ответственность – это объективно

обусловленная, установленная законом и охраняемая государством необходимость (обязанность) осознанного и добровольного выполнения правовых предписаний участниками правоотношений. Она выполняет конструктивно-регулятивную функцию, является образцом (конструкцией, моделью) действительно ответственного и должного поведения. Соответственно, позитивный и негативный аспекты реализации юридической ответственности – это отношение субъектов правоотношений к статутной ответственности³⁷.

Противники понимания юридической ответственности как целостного правового образования говорят об объединении в одном правовом понятии двух противоположных явлений и в этой связи о неоправданном удвоении терминологии, что, например, по словам Н.С. Малеина, приводит к тому, что по существу позитивная правовая ответственность утрачивает конкретность и фактически сливается с понятием права³⁸. В этой связи можно лишь заметить, что в системе правовых норм давно и однозначно выделяются нормы, устанавливающие юридическую ответственность и в совокупности образующие одноименный институт. В том же ключе рассуждает ряд ученых-юристов, по мнению которых позитивная ответственность ничего не привносит нового по сравнению с обязанностью и в этой связи является искусственной конструкцией³⁹. По мнению О.Э. Лейста, обозначение различных явлений и связей одним термином «ответственность» породило представление, что позитивная и негативная ответственность – два аспекта одного понятия. Такое представление ведет к попыткам определить понятие в целом, в результате чего качества позитивной ответственности переносятся на юридическую ответственность за правонарушения (и наоборот) ... Поэтому взгляд на «позитивную» ответственность лишь как на другой аспект ответственности – «негативной», опасен непомерным смещением акцентов⁴⁰. Конечно, отождествление позитивной ответственности и обязанности, по меньшей мере, надуманно и не соответствует природе этих, хотя и взаимосвязанных, но обладающих разной юридической природой и играющих различную роль в механизме правового регулирования правовых явлений. Так, юридической обязанности корреспондирует определенное субъективное право на государственную поддержку, одобрение, охрану и защиту соответствующего правомерного и добросовестного поведения лица, выступающие как парные категории и не существующие изолированно,

отдельно друг от друга. В свою очередь позитивная ответственность имеет субъективную сторону.

В логике термином «понятие» раскрывается как мысль, в которой обобщаются и выделяются предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам. Таким образом, любое понятие основывается на определенных признаках, без выделения которых его существование как такового немыслимо. Под признаками же понимается показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь. Из этого следует, что именно признаки являются той основой, на которой строится не только понятие объекта изучения, но и возможно его отличие от других как схожих, так и не схожих с ним объектов. В этой связи понятно, почему в разное время существовало и существует в настоящее время множество понятий, а равно и определений юридической ответственности. Разный набор выделяемых признаков приводит к различным результатам.

Подчеркивая наличие общих признаков, присущих социальной ответственности в целом, отметим специфические признаки юридической ответственности. В их числе:

1. в основе юридической ответственности лежат правовые нормы, придающие ей определенность и общеобязательность;
2. гарантированность государством;
3. обеспеченность государственным принуждением или убеждением;
4. юридическая ответственность в качестве необходимого следствия имеет одобрение или осуждение, поощрение или наказание;
5. юридическая ответственность реализуется в законом предусмотренной процессуальной форме;
6. юридическая ответственность является по существу единой, но реализуется в двух различных формах⁴¹.

Понимание позитивной юридической ответственности противоречиво. И хотя исследования этого вопроса продолжатся уже более четырех десятков лет, единства до сих пор не достигнуто.

3. Концепции понимания природы юридической ответственности

Одной из первых была выдвинута гипотеза понимания позитивной правовой ответственности как осознание своего долга. Так, по мнению Ф.Н. Фаткуллина, «...позитивная ответственность – это осознание правовых свойств своих действий (бездействия), соотнесение их с действующими законами и подзаконными актами, готовность отвечать за них перед государством и обществом»⁴². В качестве аргументов оппоненты этой точки зрения небезосновательно указывали на то, что при таком подходе утрачивается собственно юридическое содержание и в позитивной ответственности остаются лишь психологические и нравственные признаки. Вместе с тем, учитывая, что позитивная правовая ответственность привязана к личности и поэтому характеризуется в единстве своих объективных и субъективных признаков и свойств, очевидно, что такое понимание позитивной юридической ответственности стало началом исследований одной из сторон этого многогранного правового явления. К субъективным признакам юридической ответственности нередко относят: осознание правовых норм, обязанностей, выработку к ним внутреннего психического отношения, стремление совершать определенные действия, эмоции, мотивы, цели⁴³.

В попытках преодоления односторонности понимания позитивной правовой ответственности, вызванного очевидно чрезмерной психологизацией этого правового явления, несколько позднее сформировался прямо противоположный подход: исследование позитивной правовой ответственности со стороны объективных признаков. В этом смысле показательна точка зрения В.А. Тархова, считавшего, что юридическая ответственность – это регулируемая правом обязанность дать отчет в своих действиях. «Истребование отчета – основной признак и сущность ответственности, а последует ли за отчетом осуждение и наказание – это уже иной вопрос»⁴⁴. Позитивным при данном подходе является указание на обязанность. Если говорить об обязанности дать отчет себе, то позитивная ответственность трансформируется в осознание долга, т. е., в конечном счете, сводится к ее субъективным признакам. Если же иметь в виду

процессуальную обязанность, то и она не носит безусловный характер, поскольку лицо не обязано свидетельствовать против себя. На это обстоятельство совершенно справедливо обратил внимание О.Э. Лейст⁴⁵. В попытках преодоления данного недостатка позитивную ответственность стали рассматривать как разновидность обязанности, но не сводить исключительно к ней как обязанности соблюдать предписания правовых норм, обязанность действовать в соответствии с требованиями правовых норм. Таков был взгляд на рассматриваемую проблему Б.Т. Базылева, который считал, что сущность позитивной юридической ответственности состоит в обязанности соблюдать предписания правовых норм, которая должна осуществляться в фактическом правомерном поведении⁴⁶. «По своему содержанию позитивная юридическая ответственность есть такая связь, в рамках которой государство, действуя от имени общества, формулирует абстрактную обязанность всех субъектов исполнять конкретные юридические обязанности, а само выступает субъектом, имеющим право требовать исполнения этой обязанности. Под конкретные обязанности субъектов как бы заложено достаточно широкое по объему требование исполнения определенных правовых обязанностей и соблюдения запретов».

Строго говоря, позитивная ответственность не может быть сведена к одной юридической обязанности. Она – явление более широкого порядка. Обязанность и ответственность – это, безусловно, взаимосвязанные, но ни в коей мере не тождественные понятия. «Понятие юридической ответственности является более широким, чем одна лишь обязанность, это правоотношение, состоящее из нескольких элементов, а всякое правоотношение имеет, по меньшей мере, двух субъектов, право и обязанности которых корреспондируются друг другу»⁴⁷. Ответственность представляет собой более емкое и широкое понятие, чем юридическая обязанность. Как утверждал Н.И. Матузов, «...обязанность есть конкретная (нормированная) форма выражения ответственности»⁴⁸.

Рассматривая юридическую ответственность как составную часть, как элемент правового статуса личности и именуя ее статусной ответственностью, Н.И. Матузов понимает ее как ответственность за надлежащее и правильное выполнение лежащих на ней (личности) обязанностей. Она

и «...есть позитивная ответственность, т.е. ответственность за надлежащее выполнение своих обязанностей, морально-правового долга»⁴⁹. А.С. Мордовец, в целом поддерживая идею статусной ответственности, обращает внимание на соотношение позитивной юридической ответственности и правового долга. Понятно, что понятие правового долга является более широким, чем юридическая обязанность. «Долг, – пишет он, – это своего рода объективная обязанность. Однако понятие обязанности, в отличие от долга, имеет более конкретный характер... Позитивная юридическая ответственность предполагает самостоятельное, добросовестное, активное выполнение обязанностей, добровольное следование требованиям закона, принципам права. И в этом плане активная юридическая ответственность как бы сливается с правовым долгом»⁵⁰.

Рядом ученых позитивная правовая ответственность понимается как реальное правомерное поведение субъекта. Например, по мнению А.Н. Тарбагаева, «... уголовно-правовая ответственность не может быть отождествлена с нормативным требованием поступить определенным образом. Последнее есть лишь ее правовая предпосылка, а действительные корни уходят еще глубже – в объективно существующую необходимость субъекта выполнять принадлежащую ему социальную роль ... Уголовная ответственность есть выполнение должного»⁵¹. Сущность позитивной ответственности не в обязанностях соблюдать закон, не в правах и обязанностях граждан и государства, а в их ответственном поведении⁵².

Правовая норма, закрепляющая модель социально-полезного и одобряемого поведения, представляет собой в этой связи не только меру свободы, но и ответственности. Позитивная ответственность предусматривается нормами права. Поэтому, реализуя права и обязанности, субъект соответствующего правоотношения постоянно соотносит свое поведение с предусмотренной нормой права моделью. Ответственность вообще и юридическая ответственность в частности немыслима без установленных нормами права обязанностей. Их закрепление в правовых нормах – это статика и, соответственно, их реализация – динамика юридической ответственности.

Понятно, что и правомерное, и противоправное поведение без соответствующей образцовой модели, установленной в

норме права, сложиться не могут. В конце концов, квалификация поведения либо как правомерного, либо как противоправного – это констатация соответствия или несоответствия реального поведения установленному нормой права образцу, это выявление юридических фактов: либо правомерного поведения, либо правонарушения.

4. Единство юридической ответственности и различные формы ее реализации

Большинство ученых, изучающих юридическую ответственность, исходят из единства позитивного и негативного, выделяя одноименные аспекты. Но таким образом они утверждают не только различие, но и их противоположность, тем самым подразделяют единое явление. В этой связи интересной и более перспективной представляется точка зрения тех, кто, подчеркивая единство юридической ответственности, утверждает наличие различных форм ее реализации, выражения, сохраняя при этом единство этого явления. Например, Д.А. Липинский выделяет две различные формы реализации юридической ответственности: добровольную и государственно-принудительную⁵³. Тем не менее, основоположником концепции форм реализации юридической ответственности, по-видимому, можно считать В.Н. Кудрявцева, который в опубликованной еще в 1986 году монографии «Закон, поступок, ответственность» писал, что «... в случае нарушения установленных норм поведения, а следовательно, и требований социального контроля, реализуется другая форма ответственности – так называемая ретроспективная, негативная ответственность»⁵⁴, получившая развитие в трудах многих ученых. В частности, В.В. Похмелкин утверждал, что то, что «...обозначают терминами «позитивная ответственность» и «ретроспективная ответственность», есть не что иное, как добровольная и принудительная формы реализации единой юридической ответственности, выступающей в качестве закрепленной в праве меры должного поведения ... форма уголовной ответственности – это способ ее реализации в общественных отношениях посредством соответствующего ее требованиям поведения людей»⁵⁵.

Поскольку нормы о юридической ответственности – составная

часть механизма правового регулирования, постольку важно конкретизировать основания возникновения, цель, принципы и функции этого сложного правового явления.

Заключение

Юридическая ответственность – это обусловленная необходимостью достижения юридически значимого результата (цели) качественная характеристика правового положения и правореализующей деятельности субъекта права (как индивида, так и коллектива), которая обеспечивается и стимулируется (направляется оптимальным для достижения этого результата (цели) соотношением субъективных прав, юридических обязанностей (правомочий) и правовых запретов, гарантирующих необходимую избирательность и самостоятельность правовой активности субъекта; контролируется по юридически значимым параметрам, выражающим императивные направления правовой активности, с целью возможной корректировки названного соотношения прав, обязанностей и запретов, и оценивается по фактически достигнутому результату с точки зрения уровня, степени соответствия его цели правового регулирования, с учетом субъективных и объективных возможностей субъекта права.

Юридическая ответственность развивается и реализуется в регулятивных правоотношениях в добровольном или принудительном порядке. Концепция охранительных правоотношений представляется несостоятельной, поскольку не привносит ничего принципиально нового в общую характеристику реализации юридической ответственности.

Юридическая ответственность как целостное правовое явление реализуется в двух формах: негативной ответственности и позитивной ответственности.

Ссылки

- ¹ Bitāns A. Civiltiesiskā atbildība un tās veidi. Rīga: Izdevniecība AGB, 1997., 208. lpp; Juridisko personu publiski tiesiskā atbildība: aktualitātes, problēmas un iespējamie risinājumi. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2018., 314. lpp; Torgāns K., Kārklīšs J., Bitāns A. Līgumu un deliktu problēmas Eiropas Savienībā un Latvijā. Prof. K. Torgāna zinātniskā redakcijā. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2017., 414. lpp.
- ² Thompson E.P. The Poverty of Theory. London: Merlin Press, 1978., p. 30.
- ³ Simon G. Rational Decision-making in Business Organizations // Lex Prix Nobel 1978. Stockholm, 1979. p. 285. Simon G. Rational Decision-making in Business Organizations // Lex Prix Nobel 1978. Stockholm, 1979. p. 285.
- ⁴ Агеева Е.А. Юридическая ответственность в государственном управлении (Социально-правовой аспект). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 5.
- ⁵ Сапун В.А. Общесоциальная ответственность и правовое регулирование // Правоведение. 1982, №3. С.17.
- ⁶ Халфина Н.О. Общее учение о правоотношении. – Москва: Юридическая литература, 1974. С. 316 – 317.
- ⁷ Pound R. Social Control through Law. New Haven: Yale University Press, 1942. 138 p.
- ⁸ Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – Москва: Юридическая литература, 1971. С. 43.
- ⁹ Ребане И.А. О методологических и гносеологических аспектах учения об основаниях юридической ответственности // Ученые записки Тартуского государственно университета. Вып. 852. Юридическая ответственность: проблемы и перспективы. Труды по правоведению. – Тарту, 1987. С. 9. См. также: www.: 852_juridiceskaja.pdf
- ¹⁰ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. – Москва: Юридическая литература, 1986. С. 54.
- ¹¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 127.
- ¹² Бестугина М.А. Социальная обусловленность и назначение гражданско-правовой ответственности в современных условиях (теоретический аспект): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва., 1986. С. 4.
- ¹³ Булатов А.С. Юридическая ответственность (общетеоретические проблемы): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1985. С. 11.
- ¹⁴ Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – Москва: Наука, 1986. С. 448.
- ¹⁵ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. – Москва: Юридическая литература, 1986. С. 54.
- ¹⁶ Юридическая энциклопедия (ред. М.Ю. Тихомиров). 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-е Тихомирова М.Ю., 2000. С. 503.
- ¹⁷ Юридический энциклопедический словарь (ред. О.Е. Кутафин). – Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. С. 336.
- ¹⁸ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутких.

- 2-е изд., перераб. и доп. – Москва Москва: Инфра-М, 2001. С. 694.
- ¹⁹ Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм (государственно-правовые аспекты). – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. С. 24.
- ²⁰ Черных Е.В. Проблемы правовой ответственности в условиях развитого социалистического общества (Вопросы теории): Автореф. дис... канд. юрид.наук. Саратов, 1981. С.7
- ²¹ Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 195.
- ²² Рифиниус В.Ф. Ответственность по трудовому праву ГДР (сравнительное исследование): Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – М., 1983. С. 12.
- ²³ Бондарев А.С. Юридическая ответственность – исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008, №1. С. 143.
- ²⁴ Там же. С.134.
- ²⁵ Донцов С.Е. Социальная справедливость и применение имущественной ответственности // О роли юридической ответственности в условиях ускорения социально-экономического развития. Ученые записки ТГУ, Труды по правоведению. Выпуск 765. – Тарту, 1987. С. 99.
- ²⁶ Карпушин М.Л., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – Москва: Юридическая литература, 1974. С. 29.
- ²⁷ Правовая система социализма. Т. 2. Функционирование и развитие (ред. А.М. Васильев). – Москва: Юридическая литература, 1987. С. 135.
- ²⁸ Социалистический образ жизни. Государственно-правовые проблемы / Под ред. В.П. Казимирчука. – Москва Москва: Юридическая литература, 1980. С. 181.
- ²⁹ Гроссман Х. Свобода и ответственность // Философские проблемы общественного развития. – Москва Москва: Мысль, 1974. С. 129 – 130.
- ³⁰ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. 1. – Москва: Юридическая литература, 1981. С. 274. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. 1. – Москва: Юридическая литература, 1981. С. 274.
- ³¹ Чухвичев Д.В. Свобода и право: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Москва, 2001. С. 24.
- ³² Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979, №5. С. 72.
- ³³ Назаров Б.Л. О юридическом аспекте позитивной ответственности социальной ответственности // Советское государство и право. 1981, №10. С. 38.
- ³⁴ Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности: Учебное пособие. – Москва: Книжный мир, 1998. С. 8.
- ³⁵ Бондарев А.С. Юридическая ответственность – исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008, №1. С.141 – 142.
- ³⁶ Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – Москва: Юридическая литература, 1992. С. 19.
- ³⁷ Черных Е.В. Проблемы правовой ответственности в условиях развитого социалистического общества (Вопросы теории): Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Саратов, 1981. С. 80 – 81.

- ³⁸ Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. – Москва: Юридическая литература, 1985. С. 132.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. – Москва: МГУ, 1981. С. 228 – 229.
- ⁴¹ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 13.
- ⁴² Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций / Науч. ред.: Марченко. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1987. С. 265.
- ⁴³ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 15.
- ⁴⁴ Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1973. С. 4, 12.
- ⁴⁵ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – Москва: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 256.
- ⁴⁶ Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. С. 26.
- ⁴⁷ Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – Москва: Наука, 1986. С. 286.
- ⁴⁸ Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 214.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н.И. Матузова. Мин-во внутр. дел РФ. Издание Саратовской Высшей Школы. – Саратов, 1996. С. 232.
- ⁵¹ Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве: учебное пособие. – Красноярск: Красноярский государственный ун-т, 1994. С. 11 – 12.
- ⁵² Чирков А.П. Ответственность в системе права: Учебное пособие. – Калининград, 1996. С. 10 – 11.
- ⁵³ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 21.
- ⁵⁴ Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – Москва: Наука, 1986. С. 287.
- ⁵⁵ Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1990. С. 57.

Anotācija

Rakstā ir aplūkots viens no tiesību pamatinstitūtiem – juridiskā atbildība, kura nozīme pašreizējā tiesiskuma veidošanās periodā Latvijā pastāvīgi pieaug. Tomēr joprojām tiek apspriesti daudzi juridiskās atbildības jautājumi.

Atbildības problēma pēdējos gados lielā mērā ir kļuvusi par juridisku, starpdisciplināru problēmu. Vispārējs jēdziens attiecībā uz juridisko atbildību ir sociālā atbildība. Viedokļu attīstības rezultātā

par juridiskās atbildības būtību radās pozitīvās juridiskās atbildības koncepcija.

Sākotnējais metodoloģiskais pieņēmums juridiskās atbildības izpētē ir pievēršanās sociālās atbildības problēmām, jo kopīgās iezīmes un pazīmes, realizācijas formas, kas raksturīgas sociālajai atbildībai, neizbēgami atklāj savu izpausmi kā juridiskajā atbildībā, tā arī tās atsevišķos veidos.

Tradicionāli juridiskā atbildība tiek interpretēta kā atbildība par pagātni, t.i. negatīvā atbildība. Šīs pieejas atbalstītāju viedokļu un interpretāciju daudzveidība piesaista uzmanību. Vienlaikus pēdējās desmitgadēs ir pieaudzis pētījumu skaits, kas veltīts pozitīvajai (perspektīvai) atbildībai, un arī tās atbalstītāju viedokļi ir dažādi. Turklāt zinātnē tiek ierosināts, izcelt atbildības pozitīvo aspektu, līdz ar to likumā aizsargāto pārkāpto subjektīvo tiesību un interešu aizsardzību nodrošina valsts piespiedu pasākumi.

Šajā rakstā juridiskā atbildība tiek izskatīta kā holistiska parādība, atbildības dialektiska vienotība ar to, kas izdarīts pagātnē (retrospektīva atbildība) un atbildība par pašreizējo un nākotnes rīcību (pozitīva, perspektīva atbildība), kas tiek izstrādāta un īstenota brīvprātīgi vai obligātā veidā regulētās tiesiskajās attiecībās.

Juridiskajai atbildībai raksturīgas vairākas specifiskas iezīmes, proti: (1) juridiskās atbildības pamatā ir tiesību normas, kas nodrošina noteiktību un vispārējas saistības; (2) valsts garantijas; (3) valsts piespiešana vai pārliecināšana; (4) juridiskajai atbildībai kā nepieciešamām sekām ir atbalsts vai nosodījums, atalgojums vai sodīšana; (5) juridisko atbildību īsteno likumā paredzētā procesuālā formā; (6) juridiskā atbildība būtībā ir vienota, bet tiek īstenota divos dažādos veidos.

Rakstā kritiski analizētas zinātniskajā literatūrā izklāstītās juridiskās atbildības teorijas un jēdzieni. Analīzes rezultātā formulēts atbildības jēdziens, akcentētas juridiskajai atbildībai raksturīgās īpatnības, apstiprināta tās vienotība un dažādu īstenošanas veidu esamība.

**Baltijas Starptautiskās akadēmijas un Rēzeknes
Tehnoloģiju akadēmijas zinātniski teorētiskā žurnāla
“Administratīvā un Kriminālā Justīcija”
iesniegto rakstu noformēšanas noteikumi
(vadlīnijas rakstu autoriem)**

1. Raksti, kurus iesniedz publicēšanai zinātniski teorētiskajam žurnālam “Administratīvā un Kriminālā Justīcija”, ir **problēmorientēti un satur zinātniskās pētniecības vai zinātniskās jaunrades elementu**, proti, tie risina kādu tiesību zinātnes problēmjautājumu un satur zinātniska rakstura novitāti. Iesniegtajam rakstam jābūt **oriģinālam**, t.i., tas nedrīkst būt iepriekš publicēts vai iesniegts publicēšanai citos zinātniskajos izdevumos. Raksts tiks anonīmi recenzēts. Recenzenti izvērtēs raksta satura atbilstību pētītajai tēmai, teksta zinātnisko kvalitāti un novitāti. Ja rakstu iesniedz studējošais, tas jāiesniedz kopā ar zinātniskā vadītāja recenziju.

2. Rakstu var iesniegt latviešu, angļu, vācu vai krievu valodā.

3. Iesniegtā raksta apjomam vajadzētu būt **ne mazākam par 0,5 autorloksnēm** (20 000 rakstu zīmes, ieskaitot atstarpes) un nevajadzētu pārsniegt **1 autorloksni** (40 000 rakstu zīmes, ieskaitot atstarpes).

Tekstam ir jābūt *Microsoft Word* formātā. Lapas izmērs – A4.

Lapas malas: kreisā mala – 2,5 cm, labā mala – 2 cm, augšējā un apakšējā mala – 2 cm.

Izmantojamais fonts – Times New Roman.

Starprindu intervāls – *Single*.

Atkāpe rindkopas sākumā (*Tab*) – 0.5 cm.

Atstarpes starp vārdiem un pēc pieturzīmēm liekamas tikai vienu reizi katrā gadījumā. Izņēmums – pēdiņas un iekavas, kur iekšpusē, tās atverot, kā arī abpus defisēm atstarpes nav jāliek.

4. Rakstā iekļaujamās sastāvdaļas:

- **raksta nosaukums** – burtu izmērs 14 pt, Caps Lock, **Bold**, centrēts. Raksta nosaukumam jābūt latviešu, angļu un krievu valodā;

- **ziņas par autoru (-iem):**

a) zinātniskais grāds, akadēmiskais amats un profesionālā kvalifikācija – burtu izmērs 12 pt, *Italic*, izlīdzināts lapas kreisajā malā;

b) autora vārds, uzvārds – burtu izmērs 12 pt, *Italic*, **Bold**, izlīdzināts lapas kreisajā malā;

c) pārstāvētā institūcija un ieņemamais amats, studējošiem – augstskola, kuru pārstāv, studiju programmas nosaukums – burtu izmērs 12 pt, *Italic*, izlīdzināts lapas kreisajā malā;

d) autora kontaktinformācija – tālrunis un e-pasta adrese.

- **anotācija angļu valodā**

Anotācijā jānorāda raksta mērķis, jāformulē pētījuma problēma, jāparāda novitāte un jāsniedz galvenie secinājumi. Anotācijas apjomam jābūt vismaz 1000 rakstu zīmes (ieskaitot atstarpes) – (12 pt, Regular, Justify) zem virsraksta **Abstract** (12 pt, **Bold**, centrēts)

- **5 – 6 atslēgvārdi** angļu valodā (12 pt, Regular, Left) aiz nosaukuma **Keywords:** (12 pt, **Bold**, Align Left).

- **raksta pamatteksts** – raksta ievaddaļā norāda pētāmās juridiskās problēmas aktualitāti, raksta mērķi, uzdevumus, kā arī norāda izmantotās izpētes metodes; raksta nodaļas satur skaidru un loģisku, argumentētu satura izklāstu; secinājumu daļā skaidri formulē pētījuma galvenos rezultātus, secinājumus, priekšlikumus. – burtu izmērs 12 pt, Regular, Justify.

Nodaļu nosaukumiem (jā tādi ir) jābūt 12 pt, **Bold**, centrētiem.

Ja kādu teksta daļu vēlas izcelt, jāizmanto **Bold** vai *Italic*.

Visi zīmējumi, tabulas un citi netekstuālie objekti ir jāievieto *TextBox*. Tie ir jānumurē un jānorāda to nosaukumi – burtu izmērs 12 pt, *Italic*, **Bold**. Publicējamās tabulas, shēmas vai diagrammas jā sagatavo tā, lai melnbaltajā variantā atšķirtos stabiņi, sektori un

līnijas un tie būtu saprotami lasītājam.

Starp jebkurām divām raksta sastāvdaļām ir jābūt vienas rindas atstarpei;

- **atsauces** – jānumurē automātiski un jāievieto pēc raksta pamatteksta – 10 pt, Regular, Justify zem virsraksta **Atsauces** – 14pt, **Bold**, centrēts;

- **anotācijas**: viena – obligāti angļu valodā (**ievietota pirms pamatteksta**), otrā – atšķirīgā no raksta pamatteksta valodā (latviešu, krievu, vācu). Ja raksts nav latviešu valodā, tad anotācijām jābūt angļu un latviešu valodā. Anotācijā jānorāda raksta mērķis, jāformulē pētījuma problēma, jāparāda novitāte un jāsniedz galvenie secinājumi. Anotācijas apjomam jābūt vismaz 1000 rakstu zīmes (ieskaitot atstarpes) – 12 pt, Regular, Justify zem virsraksta **Anotācija, Аннотация vai Annotation** (attiecīgajā valodā) – 14pt, **Bold**, centrēts.

5. Raksts iesniedzams elektroniskā formātā, to ievietojot žurnāla elektroniskās publicēšanas vietnē, veicot reģistrēšanos sadaļā informācija autoriem:

<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/information/authors>

<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/about/submissions#onlineSubmissions>

Ja nepieciešams tehniskais atbalsts saistībā ar raksta ievietošanu, lūdzam sazināties:

Gundega Bēriņa

Atbrīvošanas aleja 115, Rēzekne, LV 4601, Latvija

Tālrunis nr.: + 371 29225497

E-pasts: gundega.berina@rta.lv

**Baltic International Academy and Rezekne Academy
of Technologies Scientific-Theoretical Journal
“Administrative and Criminal Justice” Submission of
Manuscripts**

Instructions for Authors

1. Papers that are submitted for publication to the scientific-theoretical journal *Administrative and Criminal Justice* **must be problem-oriented and must contain an element of scientific research or scientific creativity**. Papers must address problematic issues in legal issues. They also should represent scientific novelty. Papers must be **original**, namely, they could not be previously published or be under review at any other scientific journal. Papers are blindly peer reviewed. Reviewers are asked to comment on correspondence between the content of the paper and the researched subject as well as scientific quality and novelty of the paper. If a paper is submitted by a student, it must be accompanied by comments of the student’s scientific advisor.

2. The Journal accepts papers in the following languages – Latvian, English, German or Russian.

3. The length of a submitted paper must be between 20,000 and 40,000 characters including spaces. It must be written in Times New Roman and must be saved as a *Microsoft Word* document. The page size must be A4. Page margins must be as follows: the left margin must be 2,5cm, right margin 2cm, top and bottom margins 2cm each. All text must be single spaced. Paragraph indent (*Tab*) must be 0.5 cm. Authors must use a single space between words and after punctuation marks, the exception being quotation marks and parentheses which do not require single spacing.

4. A submitted paper must contain:

- **The paper title**, written in Times New Roman 14 points, Caps Lock, **Bold**, Centred, must be translated into the languages in which the abstracts were written.

- **Information about the author/s:**

a) The scientific, academic or professional degree must be written in Times New Roman 12 points, *Italic*, aligned to the left margin of the page.

b) The author's first name and surname must be written in Times New Roman 12 points, *Italic*, **Bold**, aligned to the left margin of the page.

c) The author's affiliation and academic/professional post, the higher education institution and academic/professional program in which a student is enrolled must be written in Times New Roman 12 points, *Italic*, aligned to the left margin of the page.

d) The author must include his/her contact information, which should be either a telephone number or e-mail address

- **Abstract** in English. Abstracts must contain the aim of the paper, research question/s, research novelty and main conclusions. Abstracts must be 1000 characters in length, including spaces. They must be written in Times New Roman 12 points, Regular, Justify below the **Abstract** title (in a relevant language) – 14 points, **Bold**, centred.

- **Keywords:** 5 to 6 words characterizing ideas and topics of paper.

- **The body of the paper.** The introduction of a submitted paper must contain information on the following issues: topicality of the researched legal issue, aim, objectives as well as research methods. Sections of the paper should contain clear and logical paper outline, based on arguments. The conclusion section should clearly state the main research results, conclusions and suggestions/proposals. The font size of sections must be 12 points, Regular, Justify.

Section titles, if at all, must be written in font size 12 points, **Bold**, Centered.

If any part of a submitted paper needs an emphasis, it should be delivered by using **Bold** or *Italic*.

All figures, tables and other non-textual objects must be placed into *TextBox*. They must be enumerated and entitled with the font size 12 points, *Italic*, **Bold**. Published tables, figures and diagrams should be designed in such a way that the white and black version can differentiate between columns, sectors and lines, thus, facilitating readers' comprehension of the presented information.

Any two sections of a submitted paper must be separated by one row space.

- **References** must be enumerated automatically and must be placed at the end of the body of the paper. They must be written in Times New Roman 10 points, Regular, Justify below the *References* title, using 14 points, **Bold**, centred.

- **Second Abstract**: – in different language from used for submitted paper (Latvian, Russian, German). If paper hasn't written in Latvian then **Abstract** should be in English and Latvian.

Abstract must contain the aim of the paper, research question/s, research novelty and main conclusions. Abstracts must be 1000 characters in length, including spaces. They must be written in Times New Roman 12 points, Regular, Justify below the **Abstract** title (in a relevant language) – 14 points, **Bold**, centred.

5. Papers must be submitted electronically, by posting them on website after registration:

<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/information/authors>

<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/about/submissions#onlineSubmissions>

If technical support is needed with regards to posting papers on website please contact:

Gundega Bēriņa

Atbrīvošanas aleja 115, Rēzekne, LV 4601, Latvija

Tālrunis nr.: + 371 29225497

E-pasts: gundega.berina@rta.lv

Правила оформления статей научно-теоретического журнала Балтийской Международной академии и Резекненской Технологической академии „Administratīvā un Kriminālā Justīcija”

1. Статьи, представленные для публикации в научно-теоретическом журнале „Administratīvā un Kriminālā Justīcija” („Administrative and Criminal Justice”), являются **проблемно-ориентированными и содержат научные исследования или творческий элемент**, то есть решают научные проблемы правоповедения и содержат научную новизну. Представленные статьи должны быть оригинальными, то есть не должны быть ранее опубликованы или представлены для публикации в других научных изданиях. Рецензирование осуществляется анонимно двумя рецензентами. Рецензенты оценивают соответствие содержания статьи заявленной теме, научное качество и новизну. Если статью представляет магистрант или докторант, то необходимо представить также рецензию научного руководителя.

2. Статьи могут быть представлены на латышском, английском, немецком или русском языках.

3. Объем представленной статьи должен быть **не менее 0,5 авторского листа** (20 000 знаков, включая пробелы) и не должен превышать **1 авторский лист** (40 000 знаков, включая пробелы).

Текст должен быть в формате Microsoft Word. Размер страницы – А4.

Поля страницы: левое – 2,5 см, правое – 2 см, верхнее и нижнее – 2 см.

Основной шрифт – Times New Roman.

Междустрочный интервал – одинарный (*Single*).

Красная строка в начале абзаца (*Tab*) – 0.5 см.

Пробелы между словами и после знаков препинания ставятся только один раз в каждом конкретном случае.

4. Основные данные о статье:

- **название статьи** – размер шрифта 14 пт, Caps Lock, полужирный шрифт (**Bold**). Название статьи должно быть на английском, русском, латышском языках;

- **сведения об авторе (-ах)** не менее, чем на двух языках, один из которых – обязательно английский:

а) ученая степень – размер шрифта 12 пт, курсив (*Italic*), выравнивание по левой стороне;

б) имя, фамилия автора – размер шрифта 12 пт, курсив (*Italic*), полужирный шрифт (**Bold**), выравнивание по левой стороне;

в) представляемое место работы и занимаемая должность, для магистрантов и докторантов – вуз и название учебной программы – размер шрифта 12 пт, курсив (*Italic*), выравнивание по левой стороне;

г) контактные данные автора (-ов) – номер телефона и адрес электронной почты.

- **аннотации** – на двух языках, один из которых – обязательно английский, второй – в зависимости от языка основного текста статьи (латышский, русский, немецкий). Если основной текст статьи **не на** латышском языке, то аннотации должны быть на английском и латышском языках.

В аннотации необходимо указать цель статьи, сформулировать исследуемую проблему, продемонстрировать новизну и представить основные выводы. Объем аннотации должен составлять 1000 знаков (включая пробелы) – 12 пт, выравнивание по ширине (Justify) под заголовком на соответствующем языке (**Anotācija, Abstract, Annotation** или **Аннотация**) – 14 пт, полужирный шрифт (**Bold**), выравнивание по центру.

- **5 – 6 ключевых слов на английском языке.**

Основной текст статьи должен включать вводную и описательную часть:

- **во вводной части статьи** следует обосновать актуальность изучаемой юридической проблемы, указать цели и задачи статьи, объект исследования, а также использованные методы исследования;

- **описательная часть статьи (разделы статьи)** содержит четкое и логичное, аргументированное изложение содержания статьи.

Названия разделов статьи (если таковые имеются) должны быть 12 пт, полужирный шрифт (**Bold**), выравнивание по центру.

Заключительная часть статьи четко формулирует основные результаты исследования, выводы, предложения – размер шрифта 12 пт, выравнивание текста по ширине (Justify).

Чтобы выделить часть текста, используйте полужирный шрифт (**Bold**) или курсив (*Italic*).

Все рисунки, таблицы и другие нетекстовые объекты помещаются в *TextBox*. Их необходимо пронумеровать и указать названия – размер шрифта 12 пт, курсив (*Italic*), полужирный шрифт (**Bold**). Публикуемые таблицы, графики, диаграммы необходимо подготовить таким образом, чтобы в черно-белом варианте столбцы, секторы и линии различались и были бы понятны читателю.

Между любыми двумя составными частями статьи должен быть интервал – 1 строка.

Сноски нумеруются **автоматически** (концевые автоматические сноски) и помещаются после основного текста статьи – 10 пт, выравнивание по ширине (Justify) под заголовком **Сноски** – 14 пт, полужирный шрифт (**Bold**), выравнивание по центру.

5. Статью следует представить в электронном виде, разместив на электронном сайте журнала и осуществив регистрацию в разделе „Информация для авторов”:
<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/information/authors>
<http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/about/submissions#onlineSubmissions>

Если необходима техническая поддержка, просим обращаться:

Гундега Бериня (*Gundega Bēriņa*):

gundega.berina@rta.lv

Atbrīvošanas aleja 115, Rēzekne, LV 4601, Latvija

Tālrunis nr.: + 371 29225497